

Кадеев В. И., Сорочан С. Б.

**Экономические связи античных городов
Северного Причерноморья
в I в. до н.э. – V в. н.э.**

(на материалах Херсонеса)

**Харьков
1989**

Важным показателем экономической зрелости общества является степень развития торговли, которая, будучи неразрывно связанной с производительными силами и производственными отношениями, оказывает на них существенное влияние. Без углубленного анализа как внешней, так и внутренней торговли невозможна правильная оценка социально-экономического развития общества. «Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются»¹.

Сказанное относится к истории обмена и торговли в античном обществе, где уже сложилось достаточно развитое товарное производство, а торговля стала «регулярным общественным процессом»². Значительная роль в торговле принадлежала античным центрам, расположенным на юге нашей страны, и в частности Херсонесу Таврическому, который, по словам Плиния Старшего, отличался «особым блеском среди прочих городов всей этой области» [NH. IV, 85]. В силу своего благоприятного географического положения Херсонес приобрел значение центра транзитной торговли, что приносило ему немалую выгоду. Город находился на пути кораблей, пересекавших Черное море с юга на север и с запада на восток. Кроме того, Херсонес имел достаточно прочную самостоятельную базу для поддержания торговых отношений. К. Маркс отмечал, что развитие торговли, как правило, сопровождается высоким уровнем развития промыслов³. Результаты исследования херсонесских промыслов полностью подтверждают данное положение⁴.

Изучение торговли Херсонеса позволяет определить ее место в экономике города; установить объем торговли с различными центрами; проследить взаимосвязь внешнеполитических событий с развитием торговли; выделить ее основные этапы и их особенности; выяснить масштабы, интенсивность и значение экономических связей города с туземным населением Крыма и, наконец, уточнить сложившиеся представления о состоянии торговли Херсонеса и ее роли в экономике. Особое значение приобретает изучение торговли Херсонеса в I в. до н. э.— V в. н. э., когда его экономика переживала подъем, а торговля осуществлялась сначала с Понтом, а затем с римскими провинциями. При этом очень существенным является исследование ее состояния в IV—V вв.— на рубеже рабовладельческой и феодальной

социально-экономических формаций. Херсонес достаточно чутко реагировал на экономические и политические изменения в Понтийской державе, а позднее — в римских провинциях. Кроме того, город был связан с античными государствами Северного Причерноморья, туземными племенами Таврики. Это дает возможность проследить развитие торговли в условиях рабовладельческой формации, представить историю античной экономики как на территории нашей страны, так и в древнем мире в целом.

Для изучения торговли Херсонеса в I в. до н. э. — V в. н. э. имеются литературные, эпиграфические, нумизматические и археологические (вещественные) источники.

Литературные источники по теме очень скупы и фрагментарны, но тем не менее они позволяют составить определенное представление о Херсонесе как центре морской торговли.

Почти все античные писатели, упоминавшие о городе, указывали, что он расположен рядом с мысом Крию Метопон, который связан кратчайшим путем с Южным берегом Понта. Для определения его расстояния Страбон брал за точку отсчета Херсонес, подчеркивая, что этим путем «проходят многие мореходы» [Strab. VII, 4, 3]. Более ста лет спустя Дионисий отмечал, что между м. Карамбис в Пафлагонии и м. Крию Метопон в Крыму самое короткое расстояние и здесь постоянно курсируют грузовые суда [Dionys, 142—168].

Представляет интерес описание бегства некоего Прокопия из Херсонеса в Константинополь, сохранившееся у историка Зосима. Он отмечал, что беглец воспользовался одним из транзитных грузовых судов, направлявшихся через город в столицу Византии [Zosim. V, 2]. Наконец, заслуживает внимания сообщение Константина Порфирородного о том, что Константин I даровал херсонесским купцам и судовладельцам привилегии на уплату пошлин [Const. Porph. De adm imp., 53].

О внутренней торговле и экономических связях Херсонеса с туземным населением Таврики в литературных источниках не упоминается. Поэтому определенное значение имеет привлечение косвенных свидетельств древних авторов, позволяющих представить отдельные моменты внутренней торговли Херсонеса, общие для всех античных городов. Например, Лукиан, Павсаний, Поллукс, Витрувий сообщают интересные детали об устройстве и оборудовании мест торговли⁵; Дион Хризостом, Филострат, Тацит, Светоний — о сборе пошлин и их размерах⁶. Сведения, содержащиеся в произведениях Цицерона, Овидия, Плиния Младшего, Афеня, Диогена Лаэртского, касаются состава и положения торговцев в обществе⁷.

Большой интерес представляют эпиграфические источники. В основном это лапидарные памятники: прокесии и другие декреты, надгробные эпитафии, редкие строительные и посвятительные надписи. Они содержат важные сведения о торговых контрагентах Херсонеса, об организации торговли, сборе налогов и пошлин, наличии в городе рыбного рынка. Керамическая эпиграфика представлена в меньшем объеме, так как клейма на амфорах исчезают в связи с прекращением клеймения уже в I в. до н. э. Сравнительно небольшое количество

клеим известно лишь на краснолаковой посуде и светильниках I в. до н. э.— III в. н. э., а также на амфорах анонимных центров, поступавших в Херсонес во II—III вв.

Привлекая данные эпиграфики, следует иметь в виду неодинаковую степень их надежности и достоверности. Доверия заслуживают проксении, поскольку они даровались купцам и судовладельцам, которые оказывали государству различного рода услуги. Но проксении необходимо рассматривать вместе с другими материалами, и лишь тогда можно прийти к правильным и обоснованным выводам. Например, исходя из того, что большинство херсонесских проксений было дано гражданам Синопы, Амастрии и Гераклеи, А. И. Тюменев считал внешнеторговые связи Херсонеса неразвитыми и указывал, что проксении давались не только с торговыми, но и с дипломатическими и политическими целями. По его мнению, эти декреты в Херсонесе вообще не имели торгового значения⁸. Приведенная точка зрения вызвала возражение Э. И. Соломоник, которая справедливо замечает, что проксении прежде всего служили стабилизации экономических связей между государствами, а если давались с иной целью, то это специально оговаривалось. Поэтому проксении без таких оговорок можно относить к обычным, связанным с торговыми интересами⁹. К тому же торговый характер подавляющего большинства херсонесских проксений подтверждается другими источниками, указывающими на экономические связи Херсонеса с городами, где жили проксены. Наконец, право въезда и выезда без ущерба и без договора, которое предоставляли почти все херсонесские проксении, можно рассматривать как право на свободу от уплаты въездных и выездных пошлин. Нумизматические материалы существенно дополняют данные других источников, позволяя составить представление не только о направлениях внешних связей города, но и о состоянии его внутреннего рынка, денежно-весовых системах.

От других северопричерноморских центров Херсонес отличается особенно значительным количеством находок привозных римских и византийских монет¹⁰. Отметим, что торговый фактор, не являясь единственной причиной их появления здесь, играл тем не менее ведущую роль. В этом плане представляет интерес большое количество понтийско-пафлагонских монет, появившихся в Херсонесе в начале I в. до н. э., но редкие находки других малоазийских и западнопонтийских монет относятся к более позднему времени. По мнению К. В. Голенко, рост числа понтийских монет в Северном Причерноморье нельзя связывать с увеличением масштабов торговли между указанными районами. В качестве аргумента он ссылался на отсутствие находок монет северопричерноморских городов на Южном берегу Понта¹¹. Однако следует учитывать, что выпуску собственной монеты этими городами препятствовало стремление Митридата VI проводить единую монетную политику, которая должна была экономически сплотить все части его обширного государства. Поэтому понтийско-пафлагонские монеты приобретают в данное время значение главной денежной единицы. Позднее такое положение заняла римская монета. Очевидно, этим и объясняется тот факт, что при продолжительной

торговле с Эфесом и Пергамом в Херсонесе найдено лишь по одной монете. Чеканка Книда, Самоса, Коса и Проконнеса отсутствует вообще, а число южно- и западнопонтийских монет относительно невелико. В Северном Причерноморье подобное положение наблюдалось в IV—III вв. до н. э. с монетами Афин, Родоса и Византия, хотя связи с указанными центрами были особенно интенсивными¹².

Другой причиной относительной редкости иногородних монет отдельных центров являлось то обстоятельство, что внешняя торговля осуществлялась не только в денежной форме, но и в форме товарообмена. Ксенофонт, например, отмечал, что приезжие купцы обычно вынуждены брать обратный груз в большинстве городов, куда они привозят свои товары, так как «...монеты этих городов не имеют хождения за границей»¹³.

Следовательно, наличие в Херсонесе привозных монет не случайно и свидетельствует о существовании экономических контактов. Торговый характер таких находок обычно подтверждается данными других источников.

Первостепенное значение для исследования темы имеют археологические материалы. К ним относим амфоры, посуду, светильники, стеклянные изделия, разнообразные украшения. Они дают особенно большие возможности для изучения херсонесской торговли. Вещественные источники свидетельствуют об объеме, характере, интенсивности и основных направлениях торгово-экономических связей города. Их статистическая обработка, а также абсолютное датирование позволяют более детально воссоздать процесс развития торговли Херсонеса. При этом ведущая роль принадлежит керамическим материалам — одному из самых важных, наиболее многочисленных и разнообразных источников. Типологическая и хронологическая классификация керамики, установление центров ее производства — зачастую единственно возможный путь изучения херсонесской торговли в рассматриваемый период. Раскопки, предпринятые в последние десятилетия на северном берегу и в портовом районе Херсонеса¹⁴, а также на поселениях и в могильниках Таврики¹⁵, дали множество новых археологических материалов, еще не вошедших в научный оборот. Широко использовались материалы дореволюционных раскопок Херсонеса. Их изучение производилось как по отчетам о раскопках, опубликованным или хранящимся в архивах, так и непосредственно в фондах музеев Севастополя (Херсонесский историко-археологический заповедник), Москвы (Государственный Исторический музей), Ленинграда (Государственный Эрмитаж), Симферополя (Крымский областной краеведческий музей), Бахчисарая (Историко-археологический музей) и Харькова (Археологический музей университета).

Несмотря на важность исследования истории херсонесской торговли, научная разработка данной проблемы долгое время не проводилась. Русские дореволюционные ученые почти не занимались ею, ибо буржуазная методология мало внимания уделяла вопросам экономики и торговли. Массовый вещественный материал из раскопок городища и некрополя нередко вообще игнорировался. В этом плане наиболее показательна одна из первых обобщающих работ по истории

Херсонеса А. А. Бобринского. Несколько небольших разделов его книги посвящены характеристике внешней торговли Херсонеса, масштабы которой автор считал весьма значительными. Преувеличивая размеры херсонесской торговли в I в. н. э., он вместе с тем указывал на ее упадок уже со II в. н. э. По его мнению, связи Херсонеса простирались до Индии, откуда в город якобы поставлялись перец и шкуры пантер¹⁶.

Еще более краткая характеристика торговли северопричерноморских городов содержится в работе Э. Миннза¹⁷. В его обширном труде херсонесской торговле уделено лишь несколько строк. Автор представлял Херсонес важным центром торговли, которая успешно развивалась даже в позднее время. В частности, он отмечал, что город обменивал соль на зерно из Малой Азии.

Таким образом, буржуазная историография не проявляла должного интереса к торговле Херсонеса. В обобщающих трудах торговля рассматривается поверхностно, без анализа источников, а иногда с грубыми ошибками.

Положение изменилось после Великой Октябрьской социалистической революции, когда внимание к изучению экономики города и его хоры значительно усилилось. Планомерные систематические раскопки, начатые советскими учеными в конце 20-х гг., позволили значительно расширить источниковую базу. Однако первая обобщающая монография по истории Херсонеса, где освещались некоторые вопросы херсонесской торговли, появилась только в 1948 г.¹⁸ Ее автор, Г. Д. Белов, использовал вещественные материалы дореволюционных раскопок и те, которые он получил в ходе своих раскопок в довоенные годы. Он выделил периоды подъемов и спадов в экономике Херсонеса, не избежав при этом ошибок. Так, автор утверждал, что внешние войны и внутренний кризис привели к расстройству херсонесской торговли с конца II в. до н. э. до середины II в. н. э. По его мнению, упадок торговли Херсонес переживал и в IV—V вв. Вместе с тем Г. Д. Белов одним из первых правильно указал, что наиболее оживленные связи город поддерживал с Южным берегом Понта и что предметом экспорта были рыба и соль. Но он считал, что Херсонес был крупным центром вывоза хлеба, который экспортировался даже в Рим. Вывод этот неверен, ибо город сам постоянно нуждался в хлебе.

Кратко на характеристике торговли Херсонеса останавливался В. Ф. Гайдукевич в своей работе по истории городов Северного Причерноморья¹⁹. Херсонес рассматривался им как крупный торговый центр, который уже с IV в. до н. э. имел развитые связи с Северным Причерноморьем и Эгейским бассейном. В противоположность Г. Д. Белову, он полагал, что Херсонес не имел таких возможностей для производства зерна, как, например, Ольвия или Боспор. Отсюда автор делал верный вывод о том, что в городе остро стоял вопрос об обеспечении населения хлебом. По его мнению, с I в. н. э. происходит оживление торговых связей Херсонеса с местным туземным населением, хотя они и не были столь обширными, как у Боспора. В отношении внешних, заморских, связей автор считал, что главную роль в первых веках

нашей эры играла торговля с Малой Азией и в меньшей мере — с Западным берегом Понта.

Определенное значение для изучения истории торговли античного Херсонеса имеет работа С. Ф. Стржелецкого, посвященная основным этапам экономического развития города и его периодизации²⁰. По его мнению, в течение I в. до н. э. город находился в состоянии упадка, который сменился в I в. н. э. экономическим расцветом, продолжавшимся до конца III в. В это время, отмечает С. Ф. Стржелецкий, вновь появились признаки упадка экономики, обусловленные внутренними и внешними причинами. Такое положение автор связывал с прекращением чеканки херсонесских монет в конце III в., не учитывая, однако, резкого возрастания количества боспорских, а затем римских монет, появившихся в городе в IV—V вв., что никак не могло сопутствовать упадку экономики и торговли. Экономике Херсонеса он рассматривал в тесной связи с его округой и местным населением Западного Крыма, хотя и преувеличивал роль этого населения в жизни города.

Следует отметить и монографию А. Л. Якобсона, в которой рассматривалась история и экономика города в период раннего средневековья, и в частности в V в. н. э.²¹ Автор правильно отмечает, что в результате захвата Крыма сначала готами, а затем гуннами Херсонес не мог вести хлебную торговлю. Основными статьями его экспорта являлись соль и продукты скотоводства. Последний город приобретал у местного земледельческого населения и у гуннов, связи с которыми в V в. упрочились. Данный вывод вызывает сомнение, так как в результате варварских походов IV—V вв. местное население было либо частично уничтожено, либо вынуждено было уходить в неплодородные горные районы полуострова. Кочевники-гунны, разорившие к тому времени земли Приазовья и Прикубанья, не могли выступать в роли надежного торгового контрагента Херсонеса. Трудно согласиться и с выводом автора о том, что в V в. для Херсонеса характерны упадок и определенная натурализация хозяйства. Раскопки и исследования последних лет, в частности, показали, что в городе продолжалось строительство рыбозасолочных цистерн и процветали промыслы, носившие товарный характер²².

Наряду с обобщающими работами имеется ряд трудов, в которых рассматривались отдельные аспекты, связанные с торговлей Херсонеса первых веков нашей эры. Так, С. А. Семенов-Зусер говорил об обширном экспорте продуктов херсонесского рыбного промысла, о существовании в Херсонесе рыбного рынка²³. Исследуя взаимоотношения херсонеситов с местным туземным населением Крыма, А. И. Тюменев считал, что Херсонес никогда не был торговым центром и его внешняя торговля была пассивной даже в римскую эпоху. Но он был вынужден признать факт наличия регулярного торгового обмена Херсонеса с таврами и скифами, хотя и продолжал считать его масштабы крайне незначительными и необоснованно отдавал приоритет в нем Боспору²⁴. Данный вывод был подвергнут критике в работе И. Б. Зеест, которая на основании изучения амфор из Неаполя Скифского установила, что привозные товары поступали к местному туземному населению преимущественно из Херсонеса²⁵.

Исследование маршрута греческих кораблей от Южного берега Понта к берегам Крыма позволило М. И. Максимовой утверждать, что Херсонес был наиболее важным транзитным пунктом на этом торговом пути²⁶.

Определением центров производства привозных ювелирных изделий из Херсонеса занималась Н. В. Пятышева²⁷. Она считала, что собственное ювелирное производство города было неразвито ввиду отсутствия сырья и что спрос удовлетворялся за счет импортных изделий. В первые века нашей эры большая часть их, по мнению автора, доставлялась из Сирии. Однако вывод Н. В. Пятышевой о том, что главная роль в торгово-экономических связях Херсонеса принадлежала центрам Северного Кавказа и Закавказья, представляется недостаточно обоснованным. Весь комплекс имеющихся источников убедительно показывает, что торговля города с Восточным Причерноморьем была незначительной, а существование ее в римский период вообще нуждается в доказательствах.

Анализ кратких и очень немногочисленных свидетельств о Херсонесе авторов IV—VI вв. позволил В. Т. Сиротенко представить город как крупный центр черноморской торговли, который имел развитые связи с различными районами Восточной Римской империи²⁸.

Некоторых аспектов экономических взаимоотношений населения Юго-Западного Крыма с Херсонесом касается в своей работе Т. Н. Высотская²⁹. Но поскольку ее задача состояла в обобщающем исследовании истории и материальной культуры поздних скифов в Крыму, автор, говоря о торговле, ограничивается изложением наблюдений, носящих характер кратких выводов. Так, Т. Н. Высотская считает, что в первые века нашей эры приоритет в торговле со скифами принадлежал Херсонесу, который снабжал туземное население своими и импортными товарами, обменивая их главным образом на хлеб. При этом остается невыясненным состав экспорта города, конкретные объекты и масштабы торговли в Юго-Западном Крыму. Отдельные поднятые Т. Н. Высотской вопросы, такие, например, как характер торговли или торговые пути, нуждаются в уточнении и дальнейшей разработке.

Подводя итог, следует отметить, что советские ученые стремятся рассматривать торговлю Херсонеса с учетом социально-экономических процессов в городе и на территории его хоры, в неразрывной взаимосвязи с внешнеполитическими событиями. Несмотря на определенные достижения в изучении данной проблемы, она еще далека от решения. Специально вопросы истории торговли Херсонеса начали исследоваться сравнительно недавно³⁰. Еще не выяснены окончательно состав экспорта Херсонеса, интенсивность его торговли и ее объем с различными центрами в первых веках нашей эры, не определены этапы расцвета и упадка. Малоизученными остаются торговые связи Херсонеса в I в. до н. э. и IV—V вв. н. э., экономические отношения с местным населением Таврики, состояние внутренней торговли Херсонеса, ее организация. Наконец, до настоящего времени отсутствует обобщающее исследование по истории внутренней и внешней торговли Херсонеса в I в. до н. э. — V в. н. э.

Настоящая работа представляет собой первое в советской историографии специальное исследование истории торговли Херсонеса в I в. до н. э.— V в. н. э. Авторами предпринята попытка рассмотреть все основные аспекты проблемы, чтобы дать целостное представление о торговле этого важного экономического центра. В монографии устанавливаются и характеризуются основные периоды подъемов и спадов херсонесской торговли на протяжении шести столетий. Впервые выделяются центры производства многих привозных изделий, обнаруженных в Херсонесе, уточняется датировка последних. Для выяснения некоторых вопросов привлечены статистические материалы, введены в научный оборот новые археологические источники, хранящиеся в фондах различных музеев. В процессе работы широко использовались такие слабо изученные материалы, как импортные светильники и стеклянные изделия. Авторы пересматривают отдельные утвердившиеся в литературе положения, в частности об упадке херсонесской торговли в течение всего I в. до н. э. и наивысшем ее подъеме во II в. н. э., об укреплении экономических контактов города с местным населением Крыма в V в. н. э., о составе херсонесского экспорта, контингенте покупателей привозных товаров на туземных поселениях Таврики и другие. Значительное внимание уделено внутренней торговле, ее организации, а также торговым и таможенным пошлинам. В монографии делается попытка показать положение купцов и торговцев, их роль в обществе Херсонеса.

Авторы выражают благодарность И. А. Антоновой, И. И. Гуциной, И. И. Лободе, А. И. Романчук, С. Г. Рыжову, любезно предоставившим неопубликованные материалы из раскопок Херсонеса, поселений и могильников Юго-Западного Крыма, а также Т. И. Костромичевой, А. В. Шевченко и С. Н. Сухиной за помощь и содействие при работе с материалами фондов и архива Херсонесского историко-археологического заповедника.

1

ТОРГОВЛЯ ХЕРСОНЕСА С АНТИЧНЫМИ ЦЕНТРАМИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ в I в. до н. э.— III в. н. э.

Уже в эллинистическую эпоху Херсонес имел достаточно развитые торговые связи¹. Роль внешней торговли в экономике города усиливается в последующее время. Херсонес обладал всеми необходимыми условиями для ее развития: выгодное географическое положение, богатые природные ресурсы, благоприятная экономическая конъюнктура, особенно в первые века нашей эры, развитые промыслы, которые носили товарный характер и удовлетворяли не только внутренние нужды населения города. Важнейшими продуктами экспорта из Херсонеса были вяленая, сушеная, соленая рыба, различные сорта рыбных гарумов и соль². Потребность в импорте этих продуктов, вероятно, существовала на Южном берегу Понта уже в период правления Митридата VI Евпатора, которому они были необходимы для содержания трех армий общей численностью свыше 200 тыс. чел.³ Впоследствии они стали пользоваться спросом в городах Западного Понта и Малой Азии, особенно в тех, которые снабжали продовольствием римские войска или были расположены рядом с римскими коммуникациями [Tac. Hist. II, 16; Ann XII, 44—49; Suet. Dom. 6]. Так, армия Корбулона насчитывала около 60 тыс. чел., а в одной лишь Каппадокии во II в. н. э. находилось 22—23 тыс. римских солдат⁴.

Херсонес имел также развитое товарное виноделие⁵.

Некоторые исследователи полагают, что валовой сбор херсонесского зерна был очень велик и оно являлось основным предметом херсонесского экспорта⁶. Представляется, что данное утверждение сомнительно. Из эпиграфических источников известно, что в городе периодически возникала острая нужда в хлебе, которого не хватало даже для внутренних потребностей [IOSPE, I², № 355, 369; НЭПХ, I, № 5].

Только Плиний Старший сообщает об экспорте пшеницы из Херсонеса в Рим [Plin. NH, XVIII, 66], не указывая, однако, о каком именно Херсонесе (Фракийском, Таврическом или обо всем Крымском полуострове) идет речь. В первые века нашей эры население города не превышало 20—25 тыс. чел. и едва ли могло быть менее 10 тыс.⁷ Наиболее

вероятной представляется цифра в 10—15 тыс. чел. Под клерами на Гераклейском полуострове было занято почти 10 тыс. га земли⁸. Учитывая преобладающее развитие здесь виноградарства, маловероятно, чтобы зерновыми культурами засеивалось более 4 тыс. га. Урожайность зерновых не превышала сам-семь (8—9 ц) с гектара, поэтому с данной площади можно было собрать в год около 32—36 тыс. ц пшеницы и ячменя. Будем считать средней суточной нормой потребления одного человека 500 г зерна, хотя она могла быть и больше. Например, рацион зерна римского солдата составлял четыре модия в месяц⁹, т. е. 26,2 кг при условии, что зерно было самых легких сортов (по Плинию, около 20 либр в модии). Рабам полагалось выдавать от трех до пяти модиев пшеницы в месяц (не менее 21—33 кг) [Cato. De agr. 56]. Следовательно, при рационе 500 г город с населением 10—15 тыс. чел. мог вывозить только от 800 до 1700 т зерна в год, а в случае увеличения населения до 20 тыс. запасов зерна было бы недостаточно даже для удовлетворения собственных потребностей. Поэтому Херсонес нуждался в зерне, выращиваемом туземным населением Юго-Западного Крыма¹⁰ или богатого хлебом Понта [Strab. XII, 3, 38], с которым город поддерживал тесные экономические связи¹¹. При таких условиях херсонесский хлебный экспорт не был регулярным и не мог иметь большого значения.

Наконец, город обладал собственной относительно прочной сырьевой базой строевого леса¹². Однако экспорт последнего, очевидно, ограничивался только Северным Причерноморьем: в бассейне Черного моря было достаточно леса, поскольку Малая Азия располагала своими ресурсами, а Понт даже вывозил его¹³.

Следовательно, экспорт Херсонеса в I в. до н. э.— III в. н. э. состоял главным образом из соли, рыбы и рыбных продуктов.

Торговля в I в. до н. э. В начале столетия основными потребителями херсонесских продуктов являлись причерноморские города, входившие в состав державы Митридата Евпатора. Судя по находкам монет этого времени, наиболее тесные связи Херсонес имел с городами Понта и Пафлагонии — Амисом, Синопой и Амастрией¹⁴.

Оживленная торговля велась между Северным и Западным Понтом¹⁵, но для Херсонеса она прослеживается с трудом. Лишь в некоторых западнопонтонийских центрах, в частности Одессе, обнаружены херсонесские амфоры, время производства которых не выходит за пределы начала I в. до н. э.¹⁶ К периоду правления Митридата VI относятся монеты Томи и Каллатии, однако в Херсонесе они представлены единичными экземплярами¹⁷.

Объединительная политика Митридата должна была отразиться и на связях Северного Причерноморья с Восточным¹⁸. Так, монет Диоскуриады первой половины I в. до н. э. найдено в Херсонесе больше, чем в любом другом северопричерноморском городе¹⁹, причем часть из них датируется временем до начала Митридатовых войн. Такие монеты встречаются только в окрестностях Диоскуриады и более нигде неизвестны²⁰. М. П. Инадзе предполагает, что они служили в основном для связей с внешними рынками причерноморских городов, в том числе и Херсонеса²¹.

До начала Митридатовых войн торговля Херсонеса, не ограничиваясь пределами Черного моря, охватывала и Восточное Средиземноморье. Об этом свидетельствуют находки керамики из мастерских Малой Азии в районе Пергама, а также о. Самоса.

Существует мнение, согласно которому выделению подлежит только малоазийская группа керамических изделий, а более дробная ее локализация невозможна²². Однако большинство исследователей считает, что изделия указанной группы имеют характерные признаки (форма, особенности выделки, качество глины и лака, клейма), которые позволяют определить центры их производства более точно²³. Например, посуда из светло-коричневой глины с примесью серицита, покрытая оранжево-красным лаком, импортировалась в Херсонес с о. Самоса. Это кувшиновидные канфары с двустольными ручками (рис. 1, 2)²⁴, кубки, украшенные рельефными налепами в виде листьев и плодов плюща (рис. 1, 1)²⁵. В Херсонесе известны фрагменты аналогичных кубков пергамского производства, покрытые густым неровным красновато-коричневым лаком²⁶. Кубки были изготовлены приблизительно до середины I в. до н. э. и отличались от более ранних типов простым прямым профилем²⁷. Из Малой Азии в Херсонес ввозились тонкостенные чаши или кубки довольно сложной конфигурации с орнаментом, нанесенным белой краской²⁸, а также приземистые канфары, ручки которых имели перетяжки на сгибах или горизонтальные выступы в виде шипов²⁹. К началу I в. до н. э. можно отнести глубокие чашки с изогнутыми ручками (рис. 1, 3)³⁰, украшенные стилизованным орнаментом в виде процарапанных линий в сочетании с белой краской. В это время в Херсонес поступали небольшие сосуды других форм, выполненные в той же технике³¹ или украшенные накладными изображениями³². Простая форма и толстый черепок позволяют отнести их к поздним образцам малоазийской рельефной посуды³³. К малоазийской, частью пергамской, продукции относятся краснолаковые и буролаковые тарелки, чаши, отличающиеся мягкими, закругленными профилями и высоким качеством исполнения (рис. 2, 5—6; 3, 3)³⁴. Некоторые из них украшены растительным орнаментом, выполненным белой краской, на дне других отгиснуты листья, пальметты и кольца, нанесенные зубчатым штампом. Принадлежность этой керамики к концу II—I вв. до н. э. не вызывает сомнений³⁵.

В Херсонесе довольно многочисленны светильники из серой, усеянной блестками глины, покрытые тусклым черно-серым лаком. По форме рожка среди них можно выделить два типа (рис. 2, 2—4)³⁶. Производились они в конце II — первой половине I в. до н. э. в различных центрах Малой Азии: Эфесе, Пергаме, Книде³⁷. Некоторые исследователи считают, что большинство подобных светильников происходит с севера Малой Азии, где использовалась характерная для них серая глина³⁸. Отдельные светильники отмечены штампом в виде розетки³⁹ или сигнатурой **ΑΣΚΛΗ/ΠΙΛΔΟΥ**⁴⁰. Большое число светильников с таким клеймом на Делосе позволяет предполагать, что мастерская Асклепиада работала на этом острове⁴¹.

Посуда из той же глины в Херсонесе встречается значительно реже. Это миниатюрные ойнохои и тарелки с округлыми стенками, также

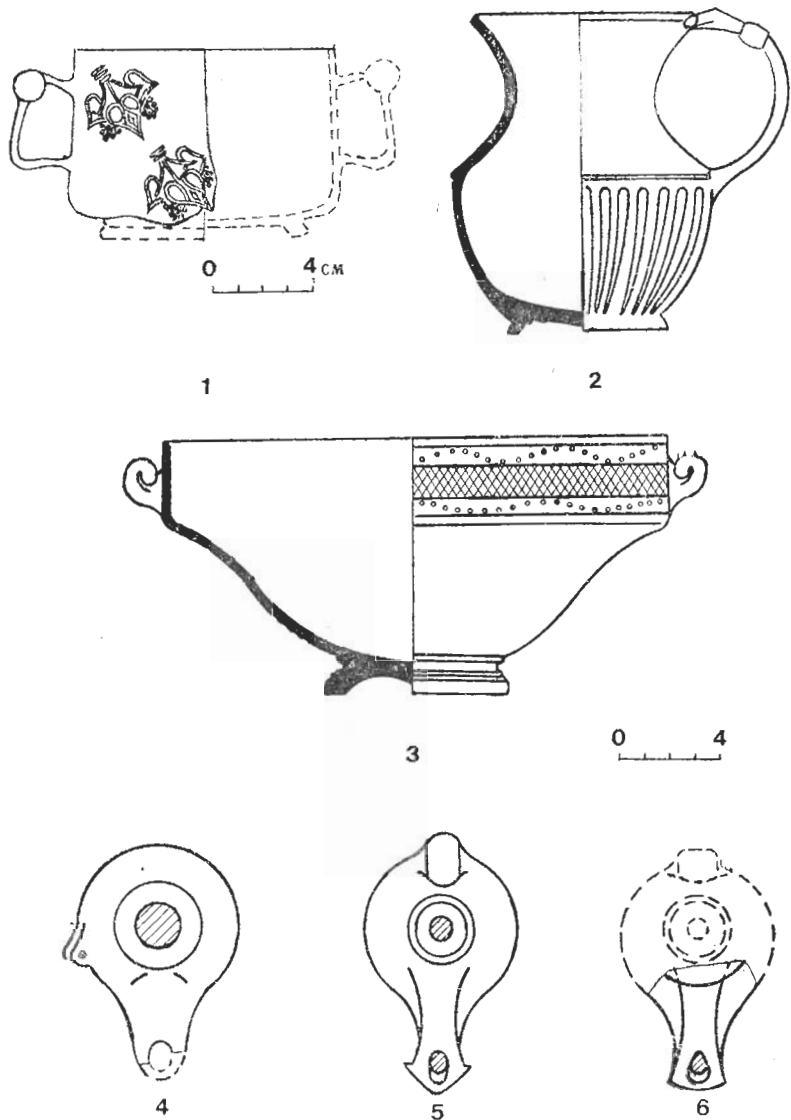

Рис. 1. Малоазийская (3), самосская (1—2) керамика и светильники неизвестных центров (4—6) I в. до н. э.

датируемые концом II — первой половиной I в. до н. э.⁴² Очевидно, они экспортировались вместе со светильниками из тех же малоазийских центров.

Несмотря на начавшийся после 100 г. до н. э. упадок в Афинах⁴³, Херсонес еще сохранял определенные контакты с Атикой, на что указывают редкие находки афинских тетрадрахм.

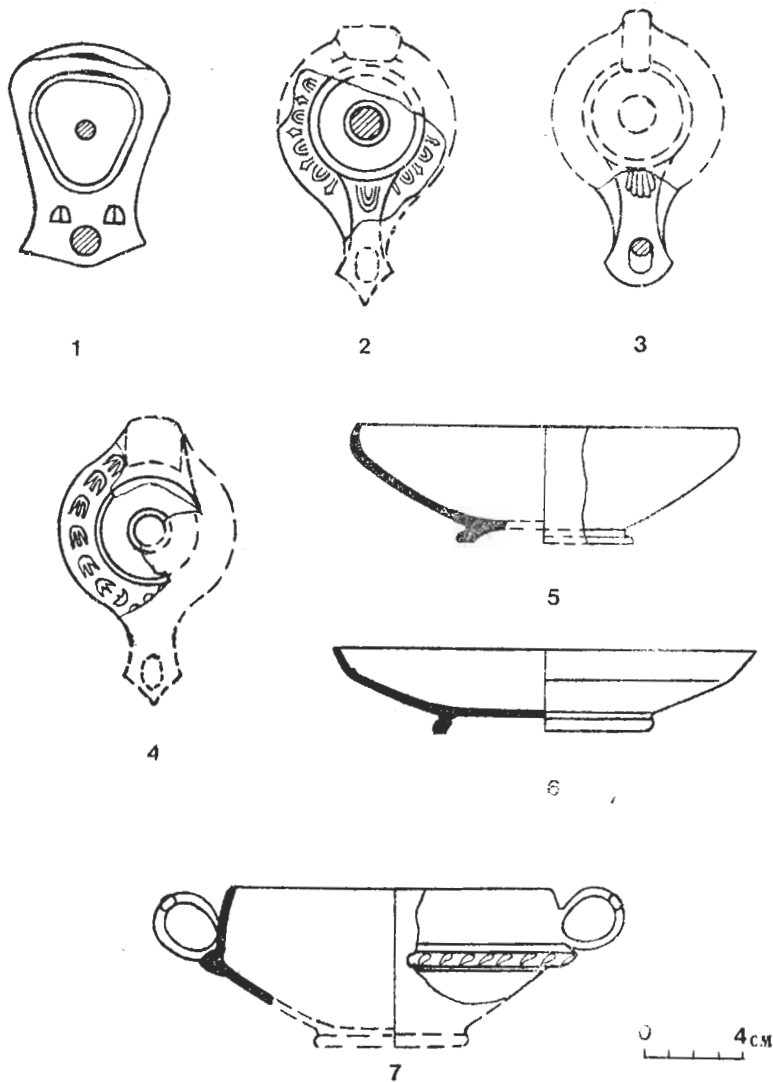

Рис. 2. Свечильники неизвестных центров (1) и малоазийская керамика (2—7) II в. до н. э.— начала I в. н. э.

Следовательно, в начале I в. до н. э. Херсонес продолжал поддерживать экономические связи не только с Западным, Восточным и Южным берегами Понта, но и с районом Пергама, а также с Аттикой (рис. 4; 5; 6). Ко времени правления Митридата VI относится находка тетрадрахмы Византия⁴⁴, без посредничества которого вряд ли могла осуществляться тогда связь Херсонеса с бассейном Эгейского моря. Среди понтийско-пафлагонских монет, найденных в городе, самую большую группу составляют монеты митридатского

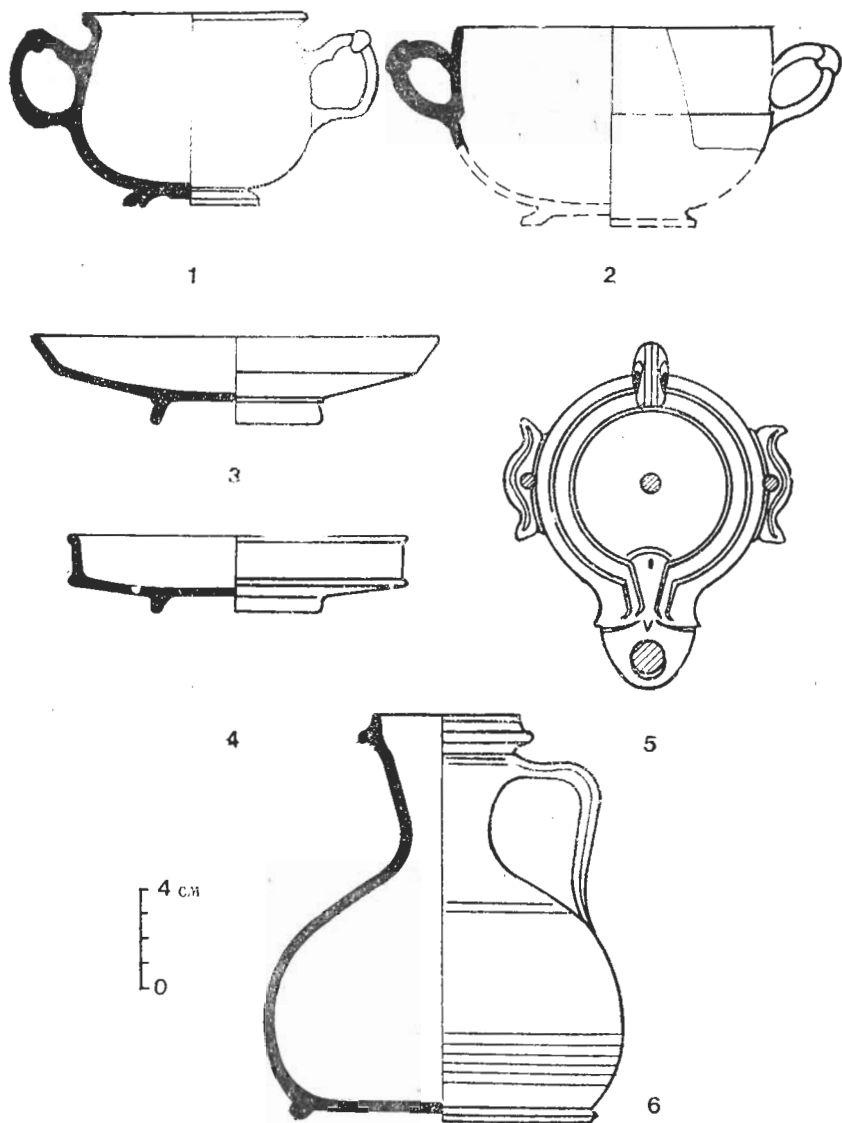

Рис. 3. Малоазийская керамика и эфесский светильник первой половины I в. н. э.

времени⁴⁵. Особенно много их в 80—70-х гг. I в. до н. э. Это монеты Амиса и Синопы, в единичных экземплярах — Амастрии, Лаодикеи и Фарнакии. Последняя располагала железными рудниками и могла экспортировать железные изделия в Херсонес⁴⁶. Тяжело отразились войны Митридата с Римом на положении городов Малой Азии. Контактам Херсонеса с Восточным Средиземноморьем препятствовали разившееся пиратство, последствия Митридатовых войн и проримская

политика Византия, запиравшего проливы⁴⁷. Город испытывал финансовые затруднения⁴⁸. Однако до 70-х гг. внутривосточная торговля еще развивалась относительно свободно, а понтийский флот господствовал на Черном море⁴⁹. Положение резко ухудшилось к концу 70-х гг., когда военные действия были перенесены в бассейн Понта, а разбойничьи нападения пиратов достигли наибольшей активности⁵⁰. Но даже в такой обстановке Херсонес стремился поддерживать прежние экономические связи.

Митридат VI, очевидно, получал из северопричерноморских городов хлеб, соленую рыбу, строительный лес, снасти для кораблей, жи-

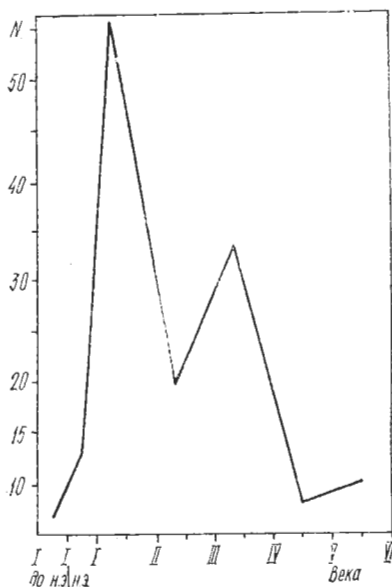

Рис. 4. Интенсивность импорта продукции Пергама в Херсонес

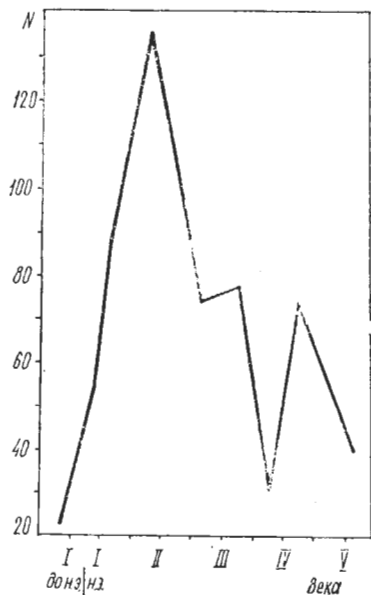

Рис. 5. Интенсивность импорта продукции анонимных центров Малой Азии в Херсонес

лы метательных машин, т. е. все необходимое для содержания своей армии. Эти закупки не могли осуществляться без посредничества местных купцов и судовладельцев, в том числе и херсонесских. Следует отметить, что морская блокада 64 г. до н. э., установленная Помпеем, была направлена против купцов, продолжавших поставлять различные товары в города Северного Причерноморья [Plut. Rompr. XXXIX].

Восстания в Фанагории, Нимфее, Феодосии, Херсонесе против Митридата VI и последующие события на Боспоре привели к окончательной победе Рима [App Mithr. 108]. С середины I в. до н. э. начинается политическое сближение Херсонеса с Римом, которое сыграло определенную роль в развитии торгово-экономических взаимоотношений. К сожалению, свидетельств, подтверждающих эти самые ранние

контакты, пока немного⁵¹. Очевидно, что и после разгрома Митридата торговые связи между Италией и Херсонесом еще были нерегулярными, хотя уже, по-видимому, спорадически осуществлялись (рис. 7; табл. 1). Они носили в основном посреднический характер, так как римские корабли редко заходили даже в порты Западного Понта [Ovid. Tristia, III, 12, 35], не говоря уже о Северном Причерноморье.

В третьей четверти I в. до н. э. внешнеполитическая обстановка продолжала оставаться сложной: прежние торговые города-партнеры Херсонеса были разорены, экономика находилась в упадке⁵². Экспортная торговля полностью прекратилась.

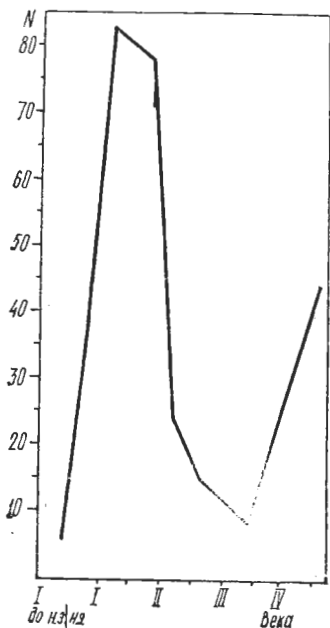

Рис. 6. Интенсивность импорта продукции Самоса в Херсонес.

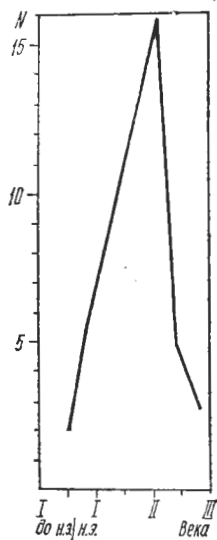

Рис. 7. Интенсивность импорта продукции Италии в Херсонес.

В это время Херсонес, очевидно, не имел прямых контактов с Северной Африкой. Подвески из египетского фаянса, изображающие Беса, Гора, Гарпократа, Сохмет, патеков, сфинксов и скарабеев, попадали в Херсонес главным образом транзитом через Синопу⁵³. Их ввоз начался во второй половине I в. до н. э. после окончания Митридатовых войн⁵⁴.

К редким образцам египетских изделий можно отнести небольшой буролаковый фигурный сосуд I в. до н. э., изображающий Гора, сидящего на гусе⁵⁵. Такие сосуды обычно содержали косметические средства, духи. Египет и особенно Александрия экспортировали ладан, необходимый для отправления богослужений, мирру, цветочное масло, корицу, пряности, различные мази и парфюмерию⁵⁶. Не исключено,

Таблица 1

Внешняя торговля Херсонеса по данным импорта, в %

Период	Анонимные центры Малой Азии	Пергам	Эфес	Книд	Самос	Сирия и Палестина	Аттика и Коринф	Мезия и Фракия	Италия	Западные римские провинции и Паннония	Египет и другие области Северной Африки
I в. до н. э.	5,9	1,1			0,2				0,4		0,2
Конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.	2,7				2						
I в. н. э.	17,3	7,2	2,4	0,6	5,9	1,6		1,4	0,9	0,1	
II в. н. э.	7	2,1	1,4		1,3	0,9		0,6	0,5	1,3	0,3
III в. н. э.	6,3	2,8			0,3	0,5	1,7	0,9		1,7	0,4
IV в. н. э.	6,7	0,3			2,4	1,8	1,7			1,2	1,4
V в. н. э.	3,1	0,8			2,1	1,4		1,7			1,2
Всего:	49	14,4	3,8	0,6	14,2	5,7	3,4	3,2	2,3	5,2	3,6

что часть их попадала в Херсонес транзитным путем. В городе найдены миниатюрные египетские флаконы для благовоний, сделанные из черного стекла, перевитые спиральным орнаментом из нитей серебристого цвета⁵⁷.

Кроме указанной продукции, в Херсонесе известны находки изделий, место производства которых точно не установлено, но которые можно датировать I в. до н. э. Это светильники нескольких типов (рис. 1, 4—6; 2, 1)⁵⁸, в том числе напоминающие продукцию о. Самоса или Египта. Один из светильников с рожком и стилизованными волютами в виде пальмовых листьев [ГХМ, инв. № 8618] находит аналогии среди материалов Милета и Александрии⁵⁹.

Торговля конца I в. до н. э. — I в. н. э. Политическая стабилизация в правление Августа благоприятно сказалась на положении разоренных войнами римских провинций. Постепенно в империи складывались условия, которые способствовали развитию торговли⁶⁰. На Черном море была налажена охрана морских коммуникаций⁶¹. Несмотря на определенные внешние и внутренние трудности⁶², Херсонес сумел оживить свои экономические связи с различными центрами Причерноморья и Эгейского бассейна. Особенно интенсивно они поддерживались с Южным берегом Понта, в частности с Гераклеей и Синопой. Предметами торговли являлись прежде всего оливковое масло и вино, которые доставлялись в светлоглиняных амфорах преимущественно гераклеийского производства⁶³. Последние часто встречаются при раскопках других античных городов и поселений Северного Причерноморья и частично относятся ко второй половине I в. до н. э.⁶⁴ Свыше тысячи крупных фрагментов подобных амфор, составлявших груз затонувших кораблей, было обнаружено в Песочной бухте⁶⁵, а также Карантинной, где находился херсонесский порт⁶⁶, и на территории городища⁶⁷.

Кроме оливкового масла, из Синопы и Амастрии в Херсонес поступали медь, свинец и цинк, добывавшиеся на Южном берегу Понта,

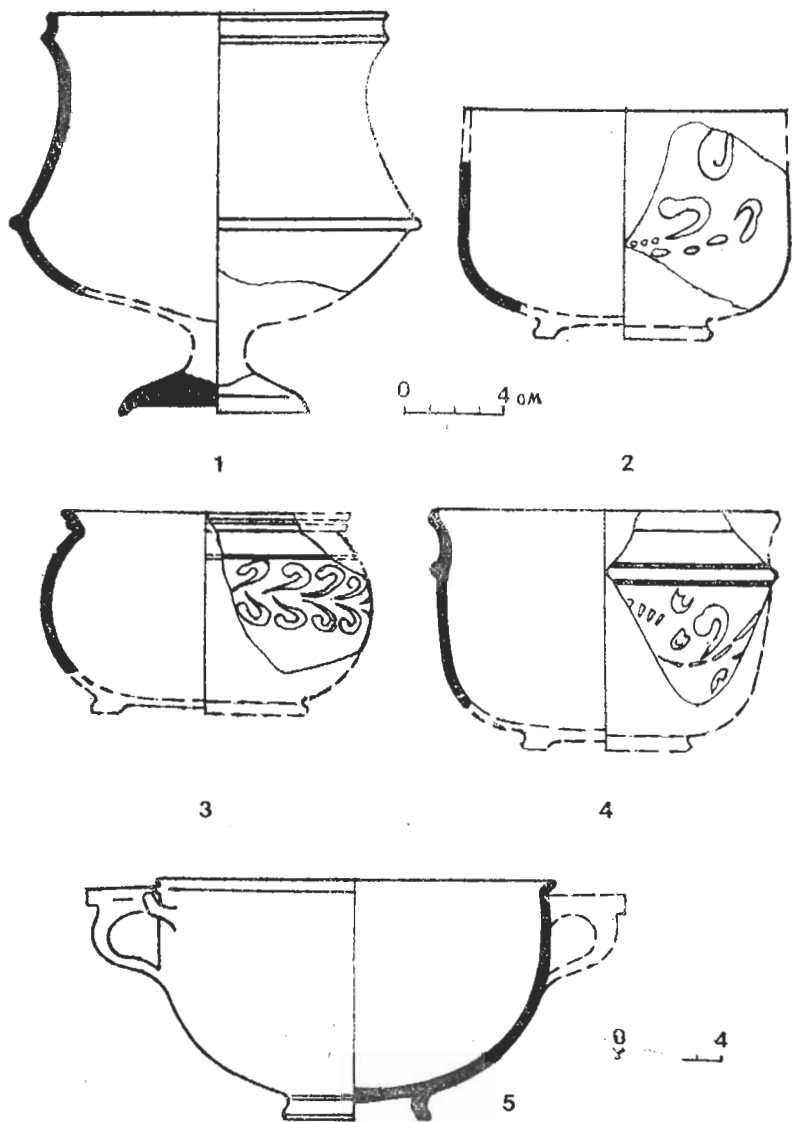

Рис. 8. Малоазийская керамика конца I в. до н. э.—первой половины I в. н. э.

в Траоде и горах Тмола⁶⁸. Экономические связи с этими центрами, а также с Гераклеей, Амисом и Трапезунтом подтверждаются находками монет⁶⁹. Эпиграфические источники I в. н. э. указывают на связи с Амастрией и Гераклеей [IOSPE, I², № 357, 358], известных своими винами и сыром, которые вывозились на экспорт⁷⁰.

Обилие импорта из Восточного Средиземноморья свидетельствует о расширении контактов в данном направлении. Уже в конце I в. до

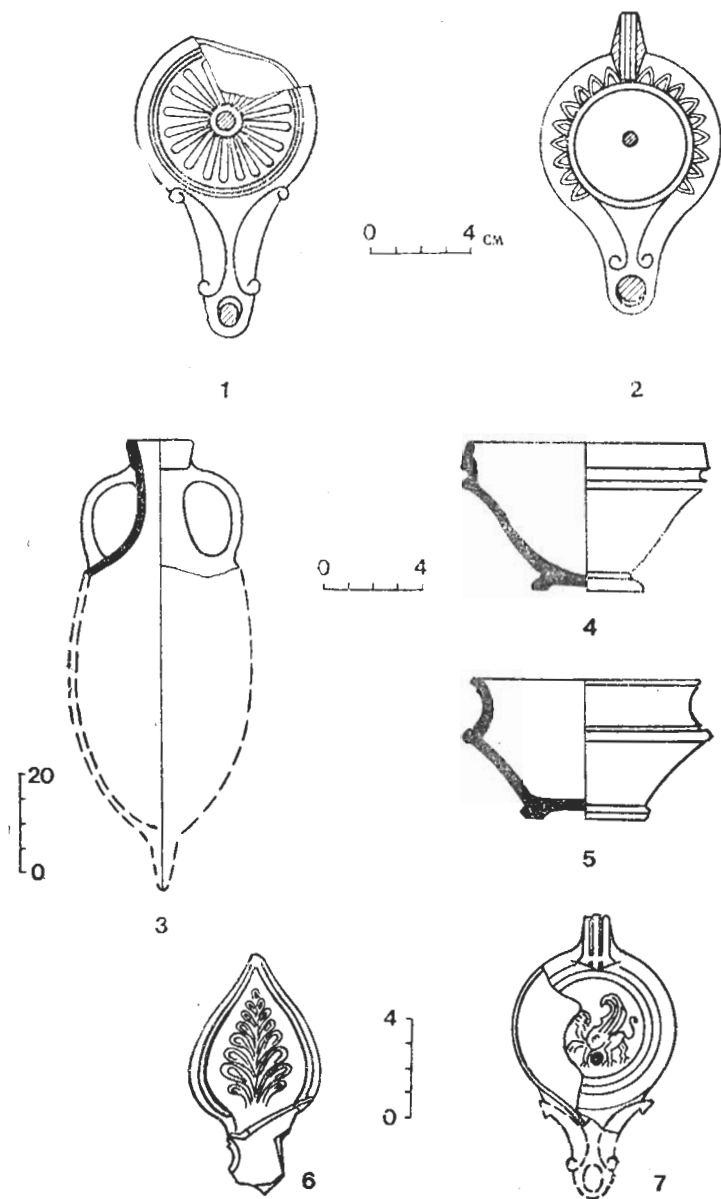

Рис. 9. Западноримская керамика (3—5) и светильники из Малой Азии (1—2) и неизвестных центров (6—7) первой половины I в. н. э.

н. э. Херсонес наладил торговые связи с районом Пергама, откуда привозились чашки, кубки или канфары (рис. 8, 1)⁷¹, некоторые из них с барботинным орнаментом. Импорт увеличился в первой половине I в. н. э., когда, помимо кубков и чаш различных типов (рис. 8, 2—5; 3, 1—2)⁷², стали ввозиться тарелки с округлым⁷³, отогнутым⁷⁴ или отвесным бортиком⁷⁵. Кроме того, со второй четверти I в. н. э. в городе появляются пергамские светильники с удлинненным рожекм и волотами (рис. 9, 1)⁷⁶.

Среди привозных светильников в Херсонесе выделяются своей многочисленностью светильники из мастерских Эфеса⁷⁷ — крупнейшего торгового центра Малой Азии. В первой четверти I в. н. э. импорт эфесских светильников в Херсонес представлен крупными экземплярами с длинным рожекм, украшенным волотами⁷⁸, или с выступами по обеим сторонам тулова (рис. 3, 5)⁷⁹. Во второй-третьей четверти I в. н. э. оттуда же поступали светильники с полуволотами (рис. 9, 2)⁸⁰. Трудно представить, чтобы Херсонес импортировал из Эфеса только светильники. Очевидно, они поступали вместе с другими товарами, о которых пока ничего неизвестно. Следует отметить, что Эфес славился своим ювелирным производством, изготовлением полотенец, шерстяных тканей, винами, коноплей, свинцовым суриком и сурьмой⁸¹.

Наряду с эфесскими в Херсонес со второй четверти I в. н. э. стали поступать светильники из гончарных мастерских Книда, одна из которых отмечала свою продукцию сигнатурой ROMANESIS⁸². Среди квидских светильников встречаются изделия с выступами в виде конских головок или головок грифонов по сторонам крупного тулова⁸³. Книд широко экспортировал в это время оливковое масло, дорогие вина, лакомства, а также ягоды кермеса, необходимые для приготовления красителей красного цвета⁸⁴.

На рубеже нашей эры из Малой Азии поступало много краснолаковой и буролаковой посуды, место производства которой еще не установлено. Она имеет характерный для малоазийских изделий красно-вато-бурый, реже — светлый, буро-желтый цвет плотной глины. Лак неровный, не особенно густой, близкий по цвету к глине. У более ранних сосудов он яркий и сравнительно блестящий. Орнаментация на изделиях в виде врезных поясков, насечек, налпнных рельефов или волют. В основном такая посуда представлена кубками или чашами (рис. 2, 7), которые, помимо различных рельефов или насечек, имели растительный орнамент: нанесенный белой краской или процарапанный⁸⁵. Нередко ручки кубков, украшенных подобным образом, снабжались на изгибе перетяжкой, парой плоских кружков или сердечек по бокам⁸⁶. В это же время из малоазийских центров в Херсонес стала поступать разнообразная краснолаковая посуда, отмеченная именными клеймами ΔΩΡΟΝ⁸⁷, ΣΔΩ/ΤΟΣ⁸⁸, ...ΝΤΚ⁸⁹, ...ΑΔΟΥ⁹⁰, ...ΜΝΟ⁹¹ и другими сигнатурами⁹². Один фрагмент имеет латинское клеймо POMPE · SERE/NI, но по качеству глины и цвету лака он не отличается от сосудов с греческими сигнатурами⁹³. Видимо, чашка принадлежала к продукции римского мастера, обосновавшегося в Малой Азии.

В первой четверти I в. н. э. из неизвестных малоазийских центров в Херсонес ввозились краснолаковые чашки, блюда, тарелки с клей-

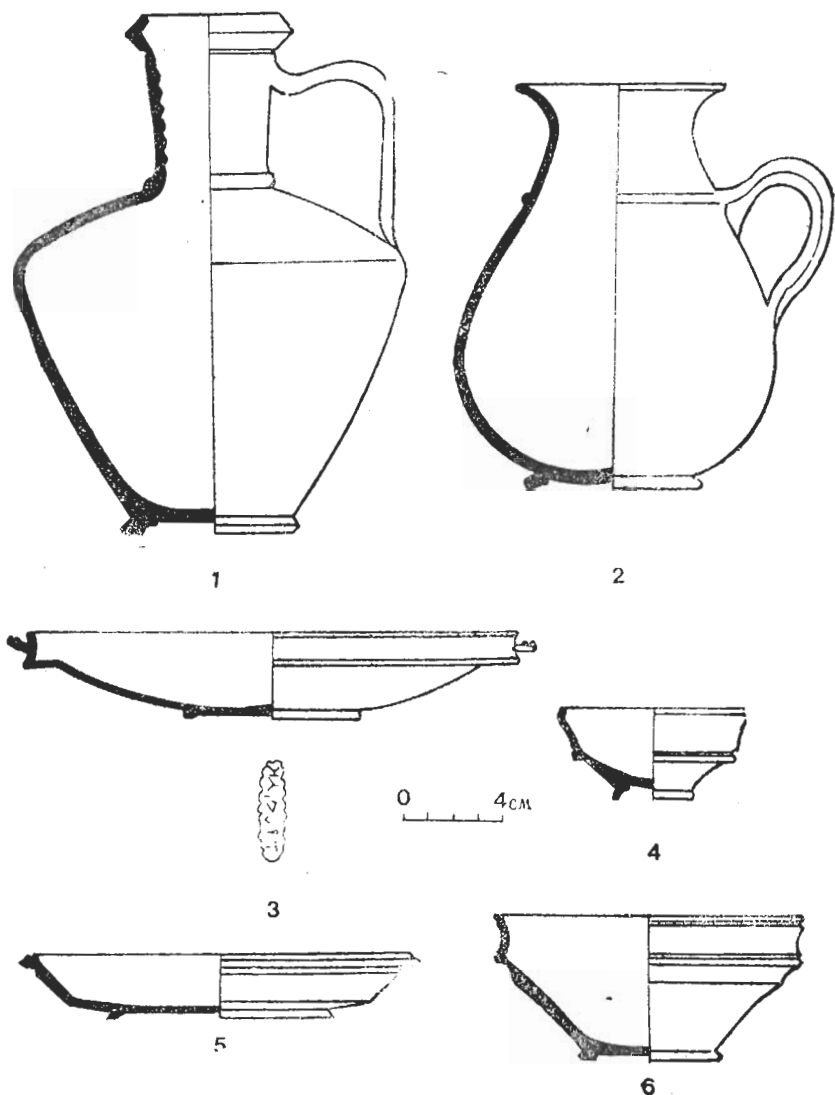

Рис. 10. Малоазийская керамика первой половины I в. н. э.

мами в виде ступни в сандали. По форме они имеют сходство с посудой пергамского круга, однако отличаются качеством глины и лака (рис. 10, 3)⁹⁴. Во второй трети I в. количество малоазийских клейменных тарелок в Херсонесе и на ближайших к нему поселениях Юго-Западного Крыма возросло (рис. 11, 3—4)⁹⁵. Кроме того, в Херсонес ввозились неклеяные краснолаковые тарелки, аналогичные упомянутым (рис. 10, 5)⁹⁶, плоскодонные чашки с косыми, слегка расходящимися стенками⁹⁷, чаши гладкие или украшенные рельефным декором (рис. 12, 1)⁹⁸, с изогнутыми ручками или ручками-налепами⁹⁹;

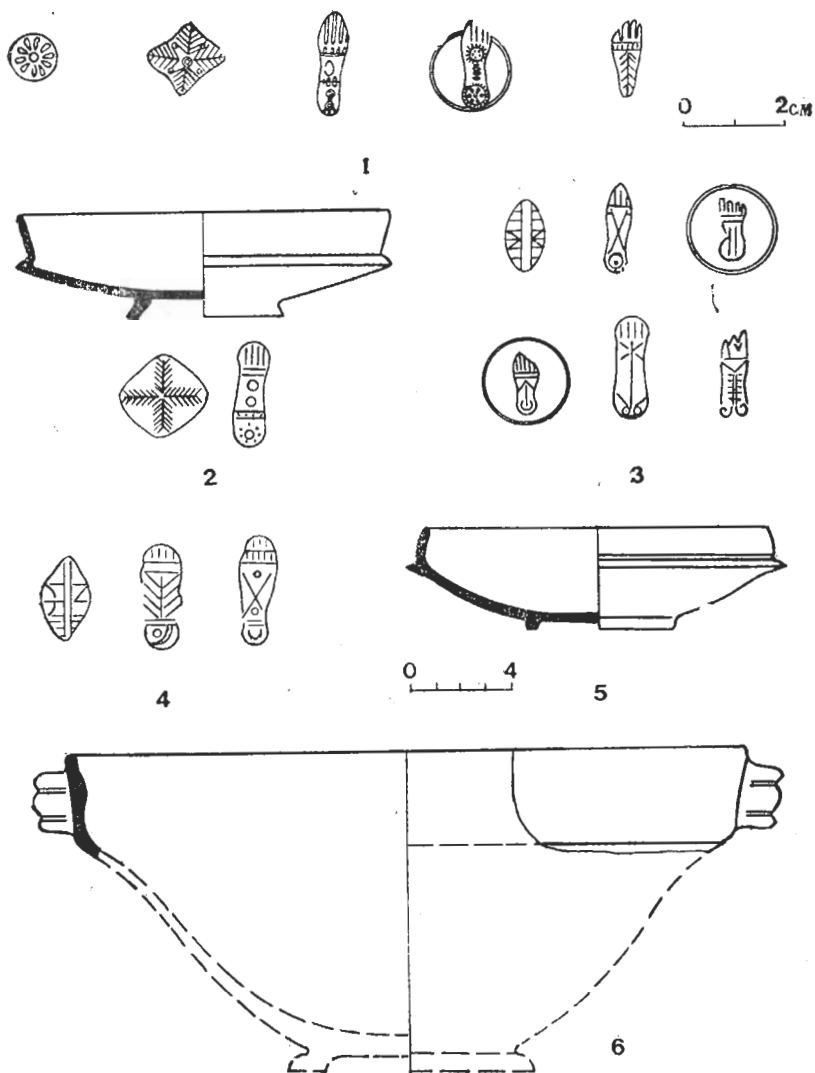

Рис. 11. Малоазийская керамика I в. н. э. и клейма на ней

небольшие конические чашечки со сложной профилировкой (рис. 10, 4, 6)¹⁰⁰; кубки, иногда с барботинным орнаментом¹⁰¹, а также глиняные бальзамарии¹⁰². Последние встречаются при раскопках вместе с клейменной краснолаковой керамикой, которая относится к первой половине I в. н. э.¹⁰³ Одновременно из Малой Азии поступали краснолаковые и буролаковые кувшины нескольких типов¹⁰⁴ (рис. 3, 6; 10, 1—2).

К редким импортным изделиям I в. н. э. из Малой Азии или Греции относятся краснолаковые тарелки и чаши с оттиснутыми на дне рельеф-

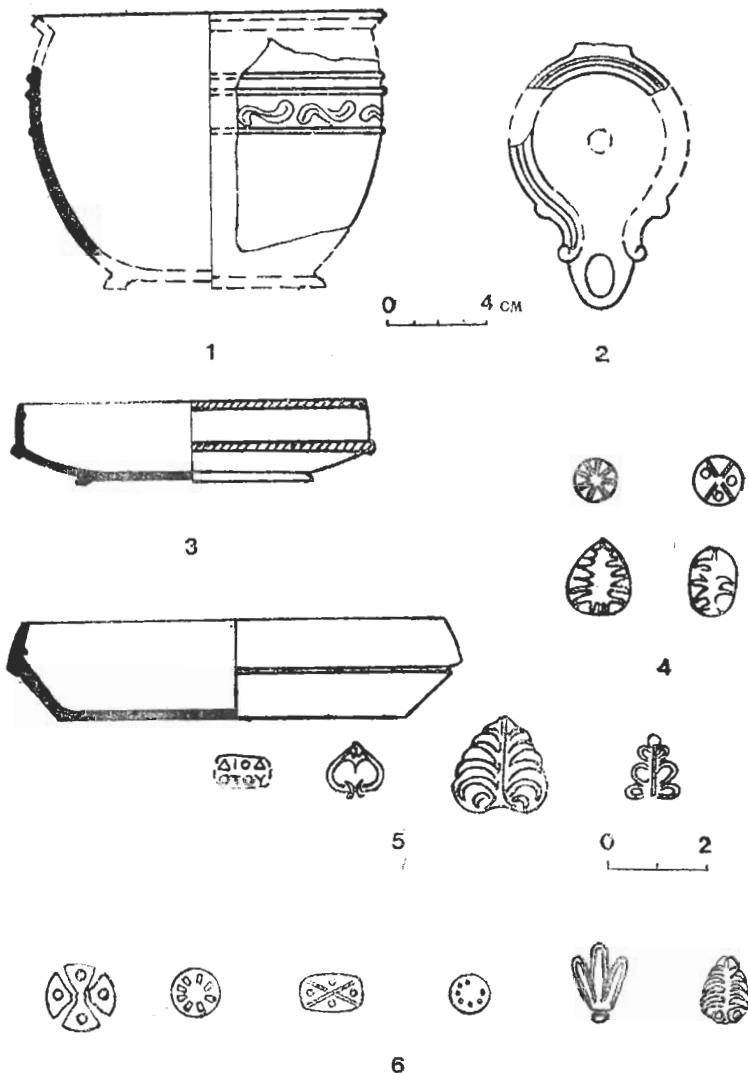

Рис. 12. Малоазийская (1) и самосская (2—6) клейменная керамика конца I в до н. э.—первой половины I в. н. э.

ными изображениями женского лица, Медузы Горгоны¹⁰⁵, с накладными медальонами¹⁰⁶.

В I в. н. э. в Херсонесе появляются прямоугольные тарелки, канфары и кубки с рельефным орнаментом в виде дубовых листьев, желудей, ветвей и плодов оливы, листьев плюща, ов, которые покрыты желтовато-бурой или зеленовато-коричневой поливой¹⁰⁷. Основными центрами производства таких сосудов были Александрия, Пергам и другие города Малой Азии¹⁰⁸. Аналогичные краснолаковые сосуды датируются первой половиной I в. н. э.

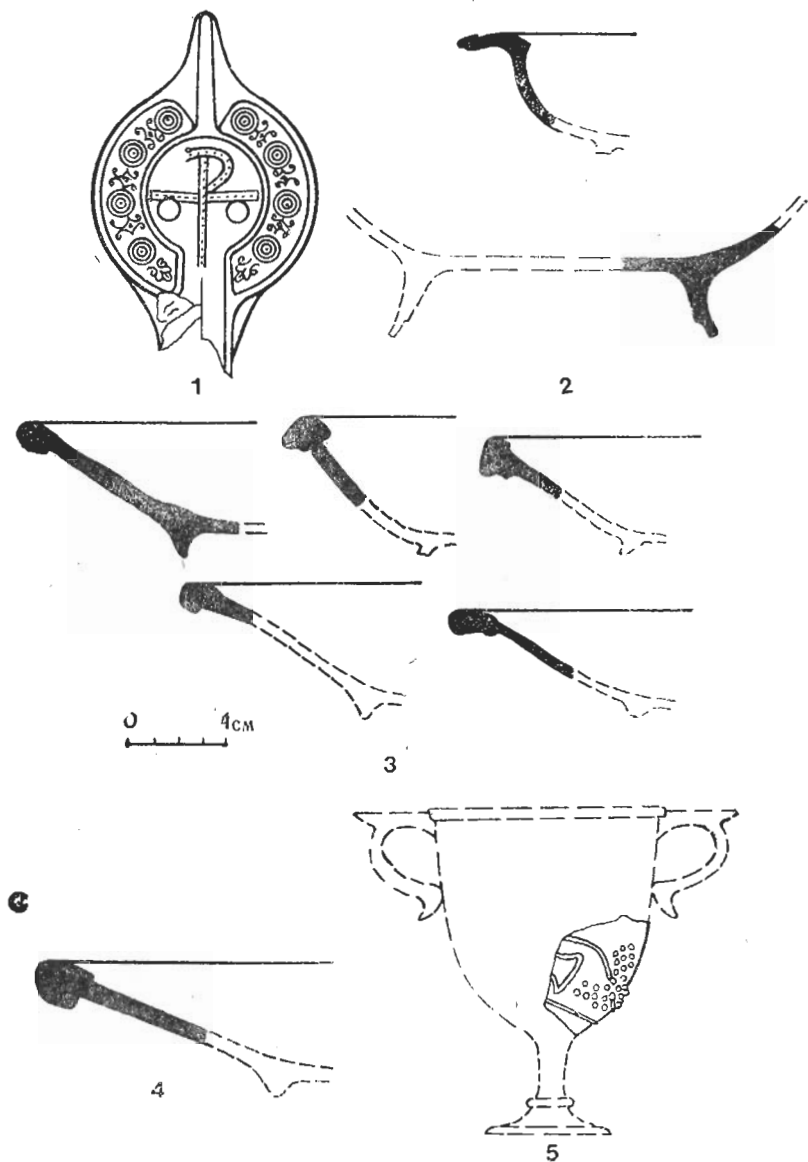
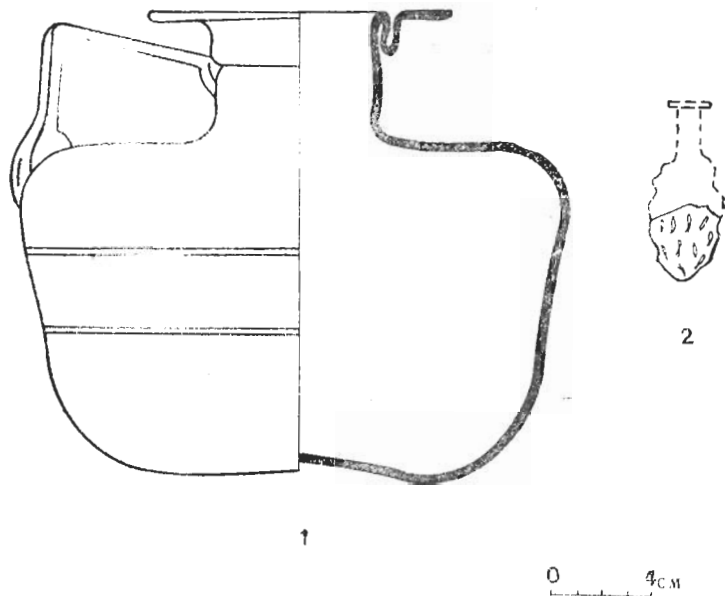
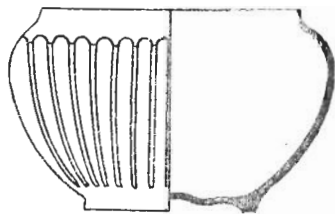

Рис. 13. Стеклоый малоазийский канфар I в. до н. э.—I в. н. э. (5) и африканская керамика V в. н. э. (1—4)

В это же время в Херсонес ввозились стеклоый двуручные канфары с растительным орнаментом, очень напоминающим рельефный декор пергамских кубков (рис. 13, 5)¹⁰⁹. Правомерно поэтому предположить, что подобные стеклоый сосуды изготавливались в Малой Азии¹¹⁰. Оттуда же и из сирийских мастерских поступали стеклоый

3

4

Рис. 14. Малоазийские (1) и сирийские (2—4) стеклянные изделия I—II вв. н. э. кувшины с муфтообразным венчиком и четырехгранным (кибатосы)¹¹¹ или цилиндрическим туловом (рис. 14, 1)¹¹².

Развитие экономических связей с центрами, откуда ввозилась такого рода продукция, привело к тому, что уже к середине I в. н. э. интенсивность малоазийского импорта в Херсонесе достигла своего максимального уровня (рис. 4; 5).

Кроме Малой Азии, торговлю с Херсонесом вели центры островов Эгейского моря. На это указывают находки амфор с шипообразными ручками, местом производства которых считается о. Кос¹¹³.

С конца I в. до н. э. в Херсонесе появляется, а затем? (особенно в первой четверти I в. н. э.) увеличивается самосский импорт. Про-

дукция гончарных мастерских о. Самоса отличалась своей слоистой розовой глиной, содержащей большое количество серицита, ярко-красным лаком. Большинство тарелок и чашек имеет сигнатуры: **ΡΟΥΦΟΣ** или **ΡΟΥΦΟΥ**, **ΔΙΟΔΟΤΟΥ**; встречаются сосуды с сигнатурами **ΚΟΙΠΙΑΝΟ[Υ]**, **ΚΑΔΑ**, **ΠΕΡΔΑ**, **ΑΡΤΕΜΟΝΟΣ**, **ΑΝΔΡΟΜΑΧΟΣ**, **ΧΑΡΗΣ**, **ΕΡΜΗΣ**, **ΠΟΘΟΥ**, **ΑΔΥΠΟΣ**, **ΜΑΡΚΟΣ** и с другими: в овальной рамке или в оттиске ступни. Доньшки некоторых чашек имеют неясные трехрядные клейма **ΚΑΔΥ/Δ.../Ν... и ... Υ/...ΟΥ/...ΟΥ**¹¹⁴.

Самосская посуда с фигурными клеймами стала ввозиться в город уже в первой четверти I в. н. э. вместе с краснолаковой посудой с именными сигнатурами. К наиболее ранним образцам этой продукции могут быть отнесены тарелки двух типов, полностью повторяющие форму и технику исполнения изделий с сигнатурами **ΡΟΥΦΟΥ** и **ΔΙΟΔΟΤΟΥ** (рис. 12, 3—5)¹¹⁵. Фигурные клейма имели и плоскодонные чашки с косыми расходящимися стенками и выступающим или прямым бортом¹¹⁶, а также небольшие конические чашечки, соответствующие малоазийским типам¹¹⁷. Отметим, что некоторые из клейм встречаются впервые (рис. 12, 6)¹¹⁸. Кроме того, в Херсонес поступали самосские плоские блюдечки и солонки¹¹⁹, тоже имеющие на дне клейма в виде розетки или пальметты. Со второй трети I в. н. э. импорт дополнился тарелками и чашками с меткой в виде ступни¹²⁰. К редким неклеямым образцам самосской керамики можно отнести кубки с барботинным орнаментом, копировавшие малоазийские изделия¹²¹, и ойнохой с раздутым округлым туловом¹²².

Ввозились в Херсонес самосские светильники с волютами, полуволютами (рис. 12, 2) или небольшим округлым рожком¹²³. Самые ранние из них — изделия с очень узкими плечами и фигурными ручками-наставками в виде листа¹²⁴.

Следует отметить, что в целом самосский импорт был интенсивным и превосходил по объему импорт продукции пергамского круга (рис. 5). Наиболее возрос он во второй четверти I в. н. э.

На существование торговых отношений Херсонеса с сирийскими центрами, переживавшими с конца I в. до н. э. определенный подъем¹²⁵, указывают как нумизматические¹²⁶, так и археологические материалы. В I в. н. э. из Сирии в Херсонес ввозились стеклянные стаканы с греческими надписями или растительным орнаментом (рис. 14, 3)¹²⁷, высокие фиалы с мелкими ребрами (рис. 14, 4)¹²⁸, кубки с орнаментом в виде бутонов лотоса¹²⁹ и редкие флаконы, тулово которых было сделано в форме сморщенного плода финика (рис. 14, 2)¹³⁰. Крупнейшими поставщиками стеклянных изделий являлись финикийские города Тир, Арат, Библ, Берит и Сидон¹³¹. Можно предположить, что сирийский импорт не ограничивался указанными товарами. Сирия и особенно Палестина производили в больших количествах и широко экспортировали горчицу, хну, масло лилий, духи, стиракс, нард и другие благовония¹³². Из Тира, Библа, Сидона, Берита, а также Дамаска, связанного с ними прямыми дорогами, вывозились шелковые, льняные, шерстяные и затканые золотом ткани и одежды, ковры и полотно, которое ценилось выше малоазийского¹³³. Эта продукция могла поступать в Херсонес вместе с изделиями сирийских стеклоделатель-

ных мастерских, тем более, что их поставщиками были одни и те же центры.

С эпохи Августа начинается подъем внешней торговли Египта и прежде всего Александрии¹³⁴. Однако в Херсонесе, за исключением подвесок и бус из мозаичного стекла и фаянса, вывоз которых достиг наибольших масштабов в I в. н. э.¹³⁵, египетский импорт в целом был незначительным (рис. 15).

По-видимому, уже в первой половине I в. н. э. Херсонес поддерживал торговые связи с Италией и западными римскими провинциями, хотя обнаруженные на территории городища предметы западного происхождения некоторые исследователи связывали с присутствием римских солдат¹³⁶. Однако политическое влияние не обходится без экономических контактов, добровольных или даже принудительных. Тем более, что римские власти обычно сразу же пытались устанавливать контроль над экономикой и торговлей покоренных или зависимых земель, а римские торговцы быстро осваивали новые рынки¹³⁷.

Несомненно, что часть римских монет I в. н. э. попала в Херсонес до появления гарнизона и, следовательно, не может быть объяснена только присутствием солдат¹³⁸, а в конце I в. н. э. римские денарии имели хождение в Херсонесе. По сведениям А. М. Гилевич, на территории городища к 1963 г. была найдена 3661 римская монета, что составляет более 3/4 всех иногородних монет¹³⁹. По нашим подсчетам, с 1964 по 1984 г. в Херсонесе было обнаружено еще

600 римских монет. Со временем херсонесские монеты чеканились по римской системе номиналов¹⁴⁰, что, несомненно, обуславливалось прежде всего экономическими потребностями, в том числе и нуждами торговли. Тот факт, что херсонеситы вели дела с римскими купцами, подтверждают находки свинцовых гирь, в том числе с надписями ΔΙΟΥΝΚΙΟΝ, ΤΡΙΟΥΝΚΙΟΝ, ΙΤΑΛΙΚΟΝ¹⁴¹. Есть указания и на торговлю с Италией: обломки итальянских амфор, особенно широко распространенных на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. прежде всего в Апулии и в западных провинциях (рис. 9, 3)¹⁴². В небольшом количестве поступала итальянская краснолаковая посуда. По сохранившимся фрагментам можно представить, что главным образом это были чаши, иногда украшенные рельефными изображениями животных или

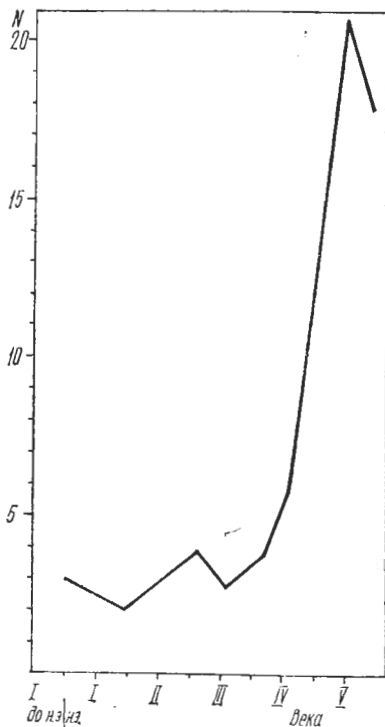

Рис. 15. Интенсивность импорта продукции Египта и других областей Северной Африки в Херсонесе

дубовых листьев и желудей¹⁴³. Один из сосудов отмечен сигнатурой **L · T · I** с веточкой, очень напоминающей клеймо арретинского мастера Л. Тициуса, работавшего не позже первой четверти I в. н. э.¹⁴⁴

Вероятно, кроме западноримских фибул конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э.¹⁴⁵, в Херсонес поступала и бронзовая посуда. Сказанное подтверждает находка италийского или галльского бронзового ковша в могильнике Бельбек IV¹⁴⁶.

О торговых контактах Херсонеса с западными римскими провинциями, прежде всего с Галлией, свидетельствуют находки краснолаковой керамики¹⁴⁷, а также посуды, выполненной в технике terra nigra. Помимо мелких фрагментов последней¹⁴⁸, в Херсонесе встречаются и целые сосуды (рис. 9, 4—5)¹⁴⁹. Судя по сложной профилировке, они относятся к первой половине I в. н. э.¹⁵⁰

Очевидно, из Италии происходят широко распространенные там стеклянные стаканы с гравированными полосками (рис. 16, 3)¹⁵¹. Обычно такие сосуды датируются I в.¹⁵²

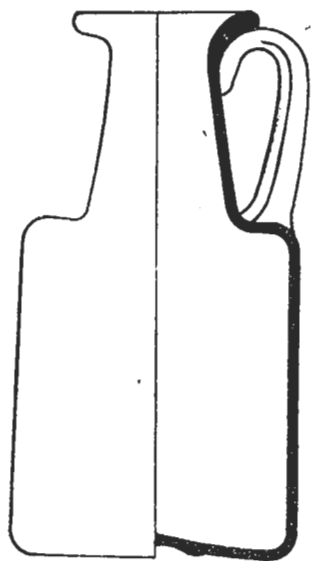
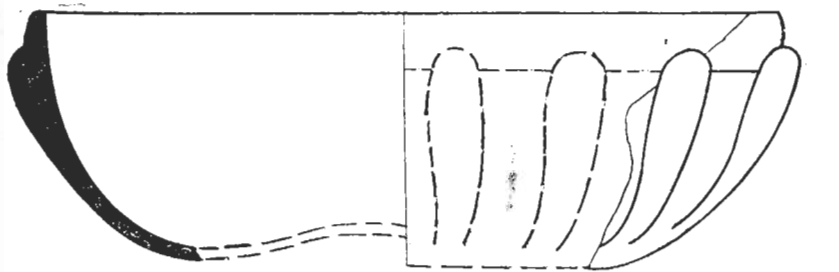
Более полное представление о масштабах торговли Херсонеса в указанное время могут дать сведения об импорте из неизвестных центров. К такой продукции относятся красноглиняные двустольные амфоры¹⁵³ и амфоры с характерными конусовидными доньями¹⁵⁴, которые производились где-то в Восточном Средиземноморье. Вероятно, отсюда же происходят светлоглиняные урны с четырьмя ручками¹⁵⁵ и флаконы-бальзамарины¹⁵⁶. И те и другие известны среди инвентаря погребений I в. н. э.¹⁵⁷ К импортным изделиям относится краснолаковый кувшин редкой формы с рельефным орнаментом, напоминающим изображения на ранних италийских изделиях, но, очевидно, он является подражанием¹⁵⁸. Особо следует упомянуть каннелированный кубок, покрытый поливой, но, в отличие от других малоазийских изделий, очень светлой, почти белой¹⁵⁹.

Среди привозной керамики первой половины I в. н. э. немало светильников, точное место производства которых пока не установлено. Одни из них имели длинный рожок с волютами и ручку-наставку в виде листа (рис. 9, 6)¹⁶⁰, другие — более короткий рожок и наклепную желобчатую ручку (рис. 9, 7)¹⁶¹. Декор последних имеет аналогии среди светильников из Милета¹⁶². Наконец, третьи напоминают продукцию мастерской **ROMANESIS**¹⁶³. По ширине рожка и плеч их можно датировать не позже середины I в. н. э.

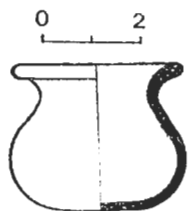
Вероятно, ассортимент импорта не исчерпывался этим. Например, из Восточного Средиземноморья в указанное время могли поступать фундук и кедровые орехи¹⁶⁴.

Наиболее вероятно, что последние экспортировались с юга Малой Азии, Сирии и Палестины через порты Тира и Сидона, откуда наряду с парфюмерией и стеклянными изделиями вывозились также кедровое масло и смола [Plin. NH. XII, 111; XVII, 52].

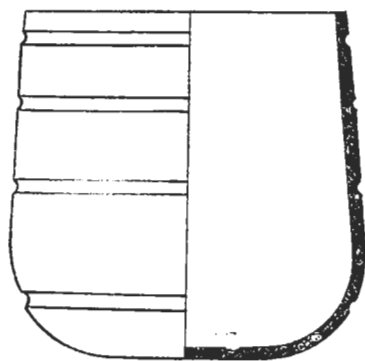
Во второй половине века Рим значительно упрочил свои позиции в Таврике, ликвидировав непосредственную угрозу Херсонесу со стороны «варваров», обезопасив сухопутные дороги и очистив морские пути от пиратов¹⁶⁵. Такое положение самым благоприятным образом отразилось на состоянии торговли Херсонеса.

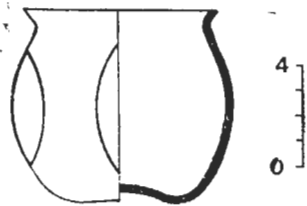
2

4

3

5

Рис. 16. Итальянская стеклянная посуда I—II вв. н. э.

При Флавиях велась подготовка к включению Херсонеса в состав провинции Нижняя Мезия¹⁶⁶, что должно было сопровождаться не только политическими, но и экономическими мероприятиями. Особенно много найдено в Херсонесе монет I в. н. э., имевших хождение в Томи — центре Понтийского торгового союза¹⁶⁷. Из Мезии и Фракии стали поступать архитектурные детали, художественно выполненные

надгробия¹⁶⁸. Возможно, что последние изготавливались в Одессе, который стал особенно важным торговым портом со второй половины I в. н. э.¹⁶⁹

Херсонес продолжал развивать торгово-экономические связи и с Южным берегом Понта. Если предположить, что часть товаров из других районов Малой Азии доставлялась в Херсонес через его порты, то объем торговли города с Южным Причерноморьем во второй половине I в. н. э. будет представляться еще большим. Связи с Малой Азией должны были затрудниться в период гражданской войны 68—69 гг., когда римские войска и флот были выведены из Понта. Однако после окончания войны римляне, введя три легиона, довольно быстро нормализовали обстановку¹⁷⁰. Таким образом, подъем и улучшение экономического положения Малой Азии при Флавиях¹⁷¹ совпали по времени с подъемом внешней торговли Херсонеса.

По-прежнему систематически поступала в город керамическая продукция пергамского круга (рис. 4). Объем этого импорта составлял значительную часть привозных малоазийских товаров в I в. н. э. (табл. 1). Пергамские кубки прежней формы часто делались без украшений¹⁷². Рельефные изображения лозы и налепные медальоны имеются на кувшине с шаровидным туловом, но качество лака, которым он покрыт, не позволяет датировать сосуд ранее середины I в. н. э.¹⁷³ Кроме тарелок второй трети столетия¹⁷⁴, в Херсонес начали ввозиться пергамские тарелки другого типа: с фигурным клеймом или кругом из небрежно нанесенных штампом насечек (рис. 11, 5)¹⁷⁵. Эти тарелки отличались большей глубиной. Из района Пергама происходят также краснолаковые кубки (рис. 17, 3—4)¹⁷⁶, чашки двух типов, с плоскими изогнутыми ручками (рис. 11, 6)¹⁷⁷ и с дуговидными налепами, имитирующими ручки¹⁷⁸. Но в отличие от сосудов более раннего времени такие налепы стали схематичными и слабо рельефными.

Изредка в Херсонесе встречаются фрагменты сосудов с вдавленным «фасеточным» орнаментом (рис. 17, 1)¹⁷⁹. Бледная буро-желтая плотная глина и красновато-коричневый лак с характерными пятнами и затеками указывают на продукцию пергамского круга. Посуда с подобным декором датируется концом I — началом II вв. н. э.¹⁸⁰

Привозились в Херсонес и гладкие пергамские светильники с округлым рожком (рис. 17, 2)¹⁸¹. К концу столетия их импорт увеличился¹⁸². Определенную, хотя и небольшую, часть херсонесского импорта составляла продукция мастерских Книда, представленная главным образом светильниками (табл. 1). Они отмечались сигнатурами **ROMANESIS**, **AMMONIOY** и штампом в виде босой ступни с кружком (рис. 17, 5)¹⁸³. Однако доминирующее положение в импорте светильников с середины I в. н. э. приобрели изделия мастерских Эфеса (табл. 1)¹⁸⁴.

Прочие малоазийские центры продолжали снабжать Херсонес столовой краснолаковой посудой массового производства, которая приобрела более простые очертания и перестала покрываться лаком целиком. Несмотря на то что качество лака ухудшилось (он стал жиже и почти потерял блеск), общий уровень изготовления изделий оставался еще достаточно высоким. Из анонимных малоазийских центров

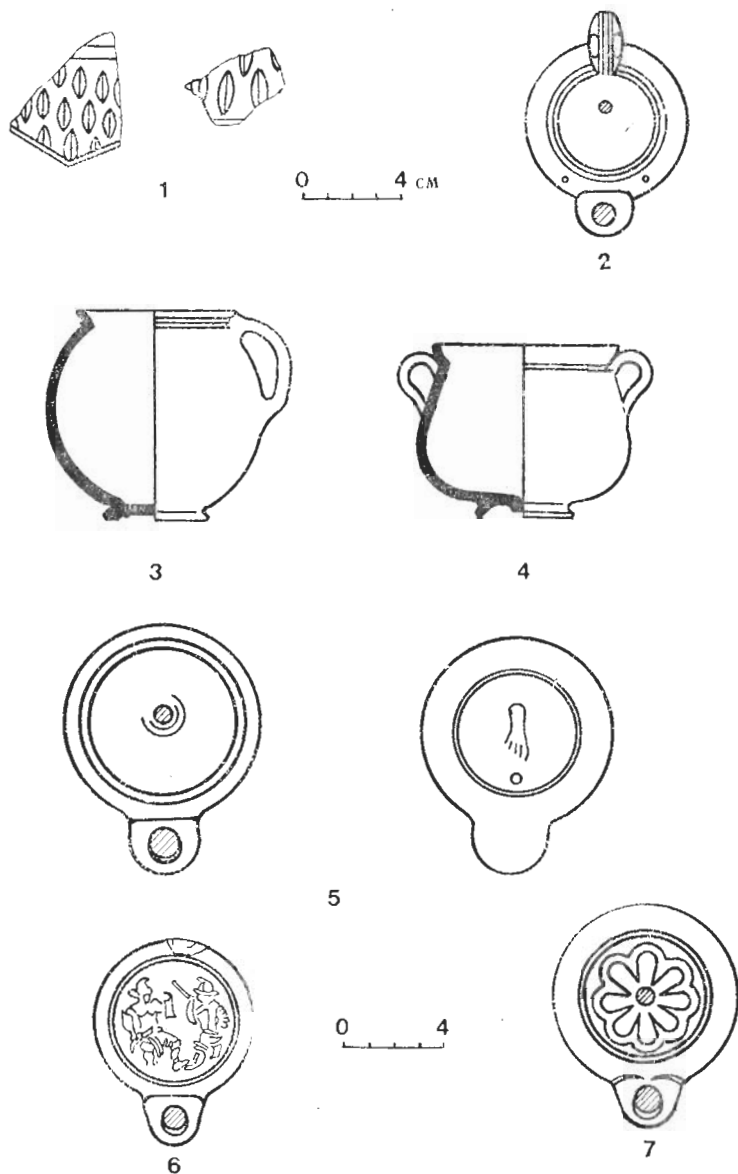

Рис. 17. Керамика и светильники из Малой Азии I в. н. э.

Ввозили кувшины, чаши прежних типов¹⁸⁵, тарелки с отвесным, слабо профилированным бортиком¹⁸⁶ или с горизонтально изогнутым краем (рис. 18, 3)¹⁸⁷. Некоторые из них имеют нечеткие клейма в виде розетки или отиска ступни, что характерно для керамики второй половины — конца I в. н. э. В это же время в город, а через него на посе-

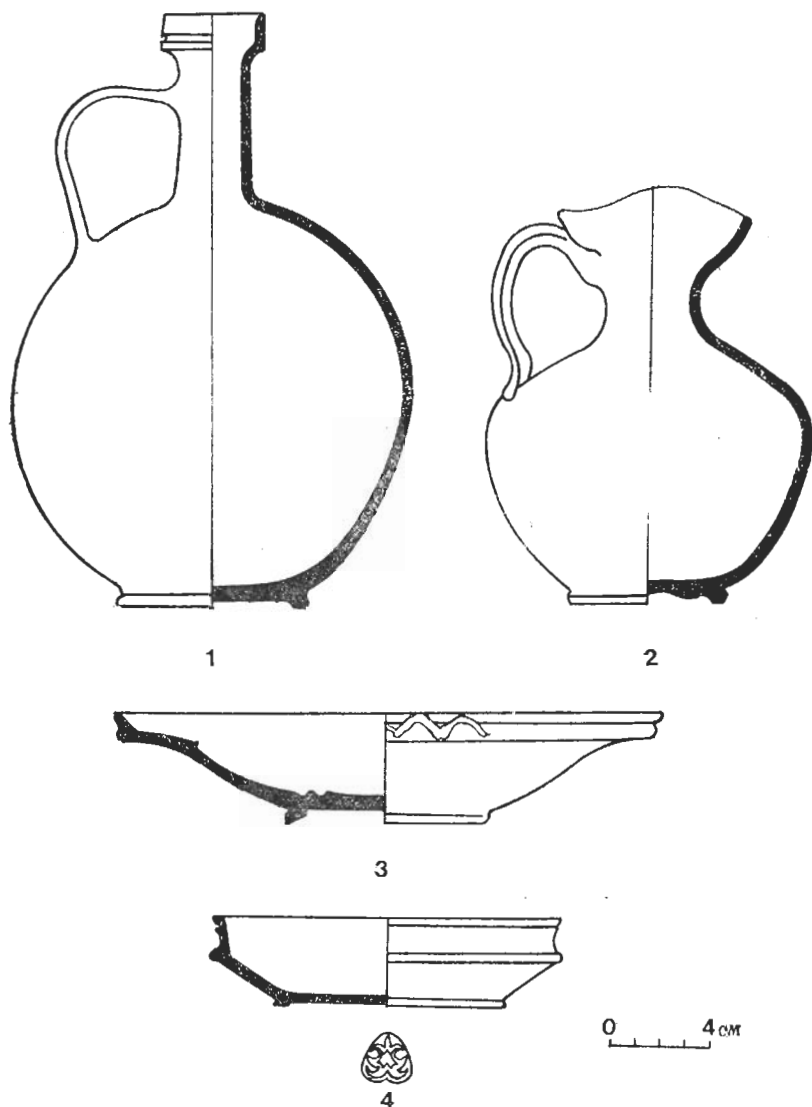

Рис. 18. Малоазийская (1, 3) и самосская (2, 4) керамика I в. н. э.

ления Юго-Западной Таврики начали поступать малоазийские кувшины с нависающим венчиком (рис. 18, 1)¹⁸⁸. Они найдены в погребениях со светильниками или посудой второй половины I—II вв.¹⁸ Другой тип кувшинов — с вытянутым грушевидным туловом и двумя высокими ручками — появился также не ранее середины I в. н. э.¹⁹ Изредка в Херсонесе встречаются двуручные кубки-горшочки, напоминающие пергамские¹⁹¹. Большинство из них имеет шаровидное тулово характерное для изделий I в. н. э. Редкий образец импортной керами

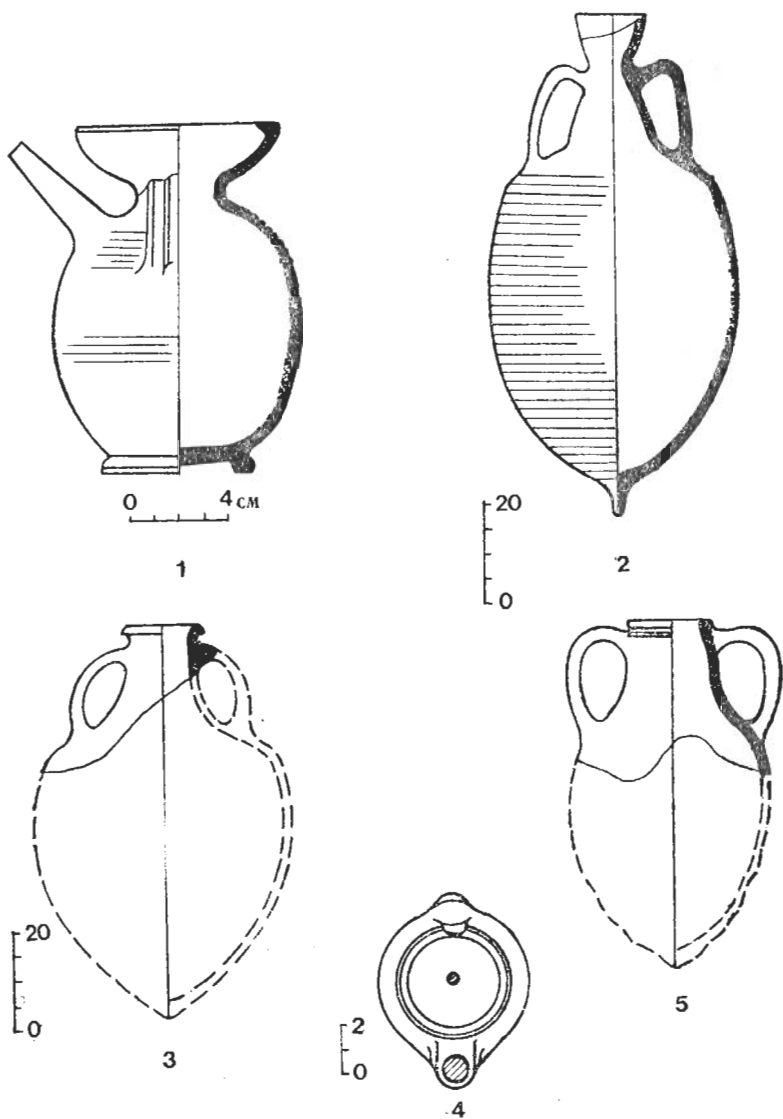

Рис. 19. Керамика из Малой Азии (1), Боспора (3) и анонимных центров (2, 4—5) I—II вв. н. э.

ки представляет краснолаковый гуттус (рис. 19, 1)¹⁹³ из бледно-желтой глины с блестками, часто встречающейся у малоазийских изделий. Сосуд напоминает лучшие образцы I в. н. э., однако тусклый цвет лака не позволяет отнести его к ранней продукции малоазийских гончарных мастерских. Наиболее близкие аналогии он имеет в Тарсе¹⁹³. Из Малой Азии привозили краснолаковые кувшины I в. н. э. с длинными плоскими ручками, украшенными рельефным орнаментом¹⁹⁴.

По качеству глины от этой посуды ничем не отличаются светильники. Часть их похожа на изделия с волютами книдских мастерских второй половины I в. н. э.¹⁹⁵ Другие представлены светильниками с небольшими округлыми или сердцевидными рожками (рис. 17, 6—7)¹⁹⁶. Подобные изделия хорошо известны со второй половины I в. н. э. и характерны для малоазийской продукции¹⁹⁷. В указанное время импорт последней в Херсонес заметно увеличился (рис. 5), что объясняется нормализацией обстановки после 60-х гг. как в Крыму, так и в Малой Азии. В Херсонесе найдены монеты Александрии-Трои, Салы (Фригия), Галатии¹⁹⁸. Трудно допустить, чтобы при таком обильном экспорте из Малой Азии (табл. I) указанные монеты попадали в город только с римскими солдатами, уроженцами этих городов. Очевидно, часть монет оказалась здесь в результате торговых операций. Сказанное тем более вероятно, что данные центры являлись крупными экспортерами разнообразных товаров. Александрия-Троя сосредоточивала торговлю северных районов Эгеиды¹⁹⁹. Фригия широко вывозила как высококачественные дорогостоящие, так и дешевые шерстяные ткани и одежды, вино²⁰⁰. Из Галатии поступали вино и медь [Plin. NH. XIV, 80]. Связи Южного берега Понта с глубинными районами Малой Азии должны были укрепиться после окончания гражданской войны 68—69 гг., когда римляне развернули здесь большое строительство новых коммуникаций и занялись реконструкцией старых. Фригия была соединена дорогами с Вифинией и Галатией, а та, в свою очередь, с Пафлагонией — на севере, Понтом — на востоке и Вифинией — на западе²⁰¹. Последняя была также связана с Александрией-Троей, откуда шла дорога на Пергам и дальше на юг, в Лидию²⁰².

Херсонесский импорт из Малой Азии не мог ограничиваться только керамической продукцией, пусть даже столь разнообразной. Пергам, например, вывозил шерстяные изделия, занавеси, златотканые одежды; Галатия и Лидия — прекрасную шерсть, сукно, цветные материи и т. д. [Plin. NH. VII, 56; VIII, 190, 196; XXXIII, 33, 63; XXXVII, 12]. Предположение об экспорте в Херсонес тканей из Малой Азии вполне допустимо, если учесть, что в погребениях херсонесского некрополя первых веков нашей эры встречаются остатки привозной парчи и золотого шитья²⁰³.

Можно полагать, что город установил связи с районом Пропонтиды, откуда поступал проконнесский мрамор. Мнение о том, что Херсонес вел торговлю с о. Проконнесом только со II в. н. э., представляется, на наш взгляд, необоснованным²⁰⁴. Судя по количеству херсонесских официальных надписей второй половины I в., выполненных на стелах из проконнесского мрамора²⁰⁵, город уже в это время имел контакты с Проконнесом. Продолжала развиваться торговля и с островами Эгейского моря. Вероятно, в небольшом количестве ввозились амфоры со знаменитыми белыми и красными винами о. Коса²⁰⁶. Нумизматические источники позволяют говорить о наличии контактов с о. Хиосом, известным своими сладкими винами²⁰⁷. Кроме виноделия, на Косе было развито производство парфюмерии, специальной клеящей мастики,

очень тонких тканей из льна и другого материала, похожего на шелк²⁰⁸. С Хиоса же экспортировалась целебная ароматическая смола мастикового дерева [Plin. NH, XII, 72]. Однако вещественные источники такого рода практически никогда не сохраняются, что, естественно, затрудняет определение состава экспорта.

Наиболее полно представлен в Херсонесе самосский импорт. Наряду с прежними типами краснолаковой столовой посуды с о. Самоса продолжали поступать тарелки новых типов (рис. 18, 4; 20, 1)²⁰⁹, блюдечки²¹⁰, большие и малые чашки, по форме аналогичные малоазийским²¹¹. Большинство их отмечено клеймами в виде розетки, пальметты или неясной ромбовидной метки. Одновременно увеличился ввоз самосских светильников, изготовленных, как и посуда, из характерной глины с примесью серицита. Некоторые имели рожок с волотами, но от более ранних экземпляров отличались нечеткой формой и небрежным исполнением²¹². Светильники второй половины I в. с сердцевидным или округлым рожком, отделенным от тулова врезной линией²¹³, иногда отмечены сигнатурами «А» и «Т».

Стекланные изделия продолжали поступать главным образом из Сирии. В частности, оттуда привозились двуручные арибаллы из прозрачного стекла (рис. 25, 1)²¹⁴, в основном датированные второй половиной I—II вв. н. э.²¹⁵ Из сирийской мастерской происходил также флакончик с рельефным орнаментом из завитков и рубчиков²¹⁶, найденный вместе с бальзамарией и светильниками I—II вв. На Боспоре такие сосуды встречаются во второй половине I — начале II вв. н. э.²¹⁷ Очевидно, в них экспортировались благовония и духи. В целом интенсивность и объем сирийского импорта в Херсонесе в указанное время были достаточно велики, но, безусловно, не могли сравниться с импортом из Малой Азии или даже таких ее отдельных центров, как Эфес (табл. 1).

Еще менее интенсивными были торговые связи Херсонеса с Африкой (рис. 15; табл. 1). Встречающиеся в Херсонесе и его окрестностях бусы из мозаичного стекла сравнительно малочисленны. К тому же они могли быть продукцией мастеров Сирии, освоивших эту технику²¹⁸. Сказанное относится к бусам и подвескам из фаянса, которые со временем стали производить в различных центрах Восточного Средиземноморья. Изделий же с типично египетскими сюжетами в Херсонесе известно мало. Более уверенно можно говорить о египетском происхождении светильника с изображением головы Зевса-Аммона²¹⁹. Расширились связи Херсонеса с придунайскими провинциями, Галлией и особенно Италией (рис. 7; 21; табл. 1). Не исключено, что прекращение чеканки херсонесских монет при Нероне свидетельствует об усилении римской политической и торгово-экономической экспансии на северо-восток²²⁰. С середины столетия начинается регулярный приток в Херсонес римских монет²²¹. Среди предметов итальянского импорта встречаются краснолаковая посуда, фибулы²²². Судя по аналогиям, итальянского производства стекланные стаканы с вдавлипами на тулове, небольшие косметические сосудики баночной формы, приземистые фиалы (рис. 16, 1, 4—5)²²³. Наиболее была распространена во

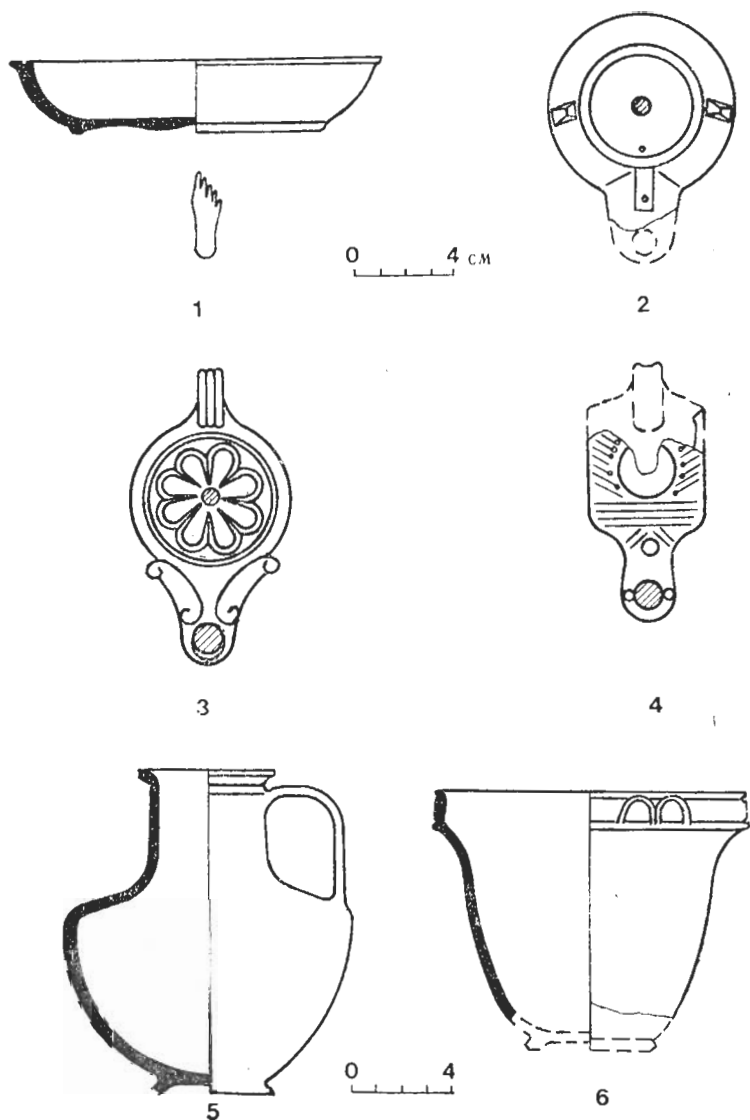

Рис. 20. Малоазийская керамика (1, 5—6) и светильники из Северной Италии, Галлии (2) и неизвестных центров (3—4) I в. н. э.

второй половине I—II вв. н. э. парфюмерия. Сосуды для нее в основном экспортировались в это время из Кампании, в частности из Капуи²²⁴. Бронзовая итальянская посуда представлена в Херсонесе небольшой ойнохоей, изящно изогнутая ручка которой оканчивается протомой животного²²⁵. Кувшины подобного типа производились южно-италийскими мастерскими в конце I в. до н. э.—I в. н. э.²²⁶, но херсонесский сосуд был найден вместе с монетами императора Тита

(79—81)²²⁷. Известны в Херсонесе италийские бронзовые светильники²²⁸. Однако более определенно можно говорить об импорте в Херсонес италийских глиняных светильников. Один из них с рельефной сигнатурой **HERMAT** датируется не ранее второй-третьей четверти I в. н. э.²²⁹ Другие светильники относятся к типу так называемых светильников со штампами²³⁰. Производившие их мастерские концентрировались около Модены в Северной Италии и Лугудуна в Галлии²³¹. Наиболее ранний из них (последняя треть I в. н. э.) отмечен сигнатурой **STROBILI** (рис. 20, 2)²³². Из римской Галлии в Херсонес ввозились краснолаковые чашки²³³, а из Паннонии, транзитом через Мезию и Фракию, — бронзовые фибулы нескольких типов²³⁴.

Предметы италийского импорта встречаются на всей территории городища, в его некрополе и могильниках туземного населения. Маловероятно поэтому, что они были завезены легионерами²³⁵.

Указанный импорт дополнялся разнообразными предметами из неизвестных центров. Очевидно, они были изготовлены в восточных областях империи. Это светлоглиняные амфоры²³⁶, а также многочисленные краснолаковые и буролаковые светильники второй половины I в. с волютами на рожке (рис. 20, 3)²³⁷, светлоглиняные светильники с редкой прямоугольной формой тулова (рис. 20, 4)²³⁸.

Стеклянные сосуды, поступавшие в Херсонес, также имеют особенности, характерные для изделий Восточного Средиземноморья. Из Малой Азии или Египта происходят кубки с гравированными полосками на тулове²³⁹. Они появились во второй половине I в., и в могильнике у совхоза «Севастопольский» им сопутствует краснолаковая посуда I — начала II вв.²⁴⁰ Из Сирии, а возможно и из Италии, попал в Херсонес сосуд в виде головы Диониса, предназначенный для хранения парфюмерных средств и благовоний²⁴¹. Судя по непрозрачному белому стеклу, его можно отнести к концу I — началу II вв.

Торговля во II в. н. э. В первой половине II в. н. э. Херсонес переживал определенные трудности. Он вынужден был отражать нападения варваров, заботиться об укреплении крепостных стен, преодолевать продовольственные и финансовые затруднения²⁴². Такое положение вынуждало город прибегать к помощи частных лиц, в том числе и иноземцев. Среди них были богатые купцы, судовладельцы²⁴³. Очевидно, их помощь городу была не случайной и объяснялась заинтересованностью в Херсонесе как центре ввоза и вывоза различных товаров.

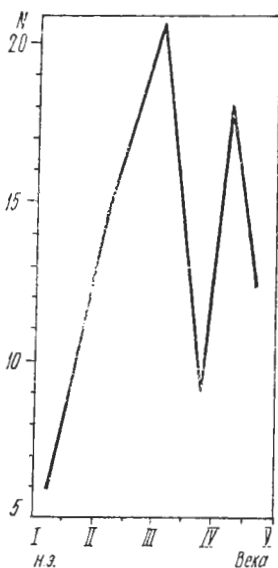

Рис. 21. Интенсивность импорта продукции западных римских провинций и Паннонии в Херсонес

Город продолжал получать мраморные архитектурные детали, изготовлявшиеся в мастерских Западного берега Понта²⁴⁴. Вероятно, оттуда же привозились мраморные стелы, обнаруживающие полную аналогию со стелами из Одесса²⁴⁵. Следует иметь в виду, что в указанное время торговля с этим районом осуществлялась в неблагоприятных условиях вследствие дако-римских войн конца I — начала II вв. и оживилась она лишь к середине II в. н. э.²⁴⁶

Более прочными представляются связи Херсонеса с Вифинией и Понтом, откуда поступали оливковое масло и вино в светлоглиняных амфорах²⁴⁷. Подобные амфоры хорошо известны в южнопонтийских городах, в частности Гераклее²⁴⁸. Связи с последней подтверждаются эпиграфическими источниками конца I — начала II вв.²⁴⁹ Судя по находкам проксений и монет, сохранялись торговые отношения с Амисом и Амастрией²⁵⁰. Со второй трети II в. в Херсонесе появились монеты Абонутейха-Ионополиса²⁵¹, который был одним из торговых посредников Синопы и находился поблизости от м. Карамбиса, откуда начинался кратчайший морской путь к берегам Крыма. В числе торговых партнеров Херсонеса, по-видимому, были Тий и Никея, монеты которых встречаются в городе²⁵². Следовательно, не исключено, что в составе херсонесского импорта были вина Тия, знаменитое оливковое масло, ткани, окрашенные красной краской из кермеса, долгое время являвшиеся выгодной статьей экспортной торговли Никеи²⁵³.

Хотя интенсивность поступления товаров из других районов Малой Азии уменьшилась по сравнению с I в. н. э., она оставалась достаточно высокой и превосходила уровень I в. до н. э. (рис. 4; 5). Из Пергама стали ввозиться мраморные архитектурные детали, краснолаковая керамика, которая приобрела более упрощенные формы и почти лишилась орнаментальных деталей. Ухудшилась отделка поверхности сосудов. Это пергамские чашки на широком поддоне, иногда с налестками, имитировавшими ручки²⁵⁴, конусовидные кубки²⁵⁵, толстостенные плоскодонные тарелки²⁵⁶.

Очевидно, увеличился объем импорта пергамских светильников с трапециевидным, сердцевидным и округлым рожками неясных очертаний²⁵⁷. Очень много светильников продолжало поступать в Херсонес из Эфеса, который переживал в это время подъем²⁵⁸. Мастерские, выпускавшие их, отмечали свою продукцию клеймами в виде правой ступни, лисга плюща без черенка или буквы «P»²⁵⁹. Масштабы импорта эфесских светильников представляются еще более внушительными, если учитывать большое количество найденных обломков, которые могут быть датированы только суммарно I—II вв. н. э. (табл. I)²⁶⁰. Во II в. в Херсонес, вероятно, ввозились кидские сосуды с изображениями античных божеств, которые попадали и на поселения в долине р. Черной и городище Алма-Кермен²⁶¹. Однако ввоз кидских светильников в это время прекратился.

Встречается в Херсонесе немало импортной краснолаковой и буrolаковой посуды, точное место производства которой неизвестно. Вместе с тем техника, выделка, детали профилей таких сосудов не оставляют сомнений в их малоазийском происхождении. К ним отно-

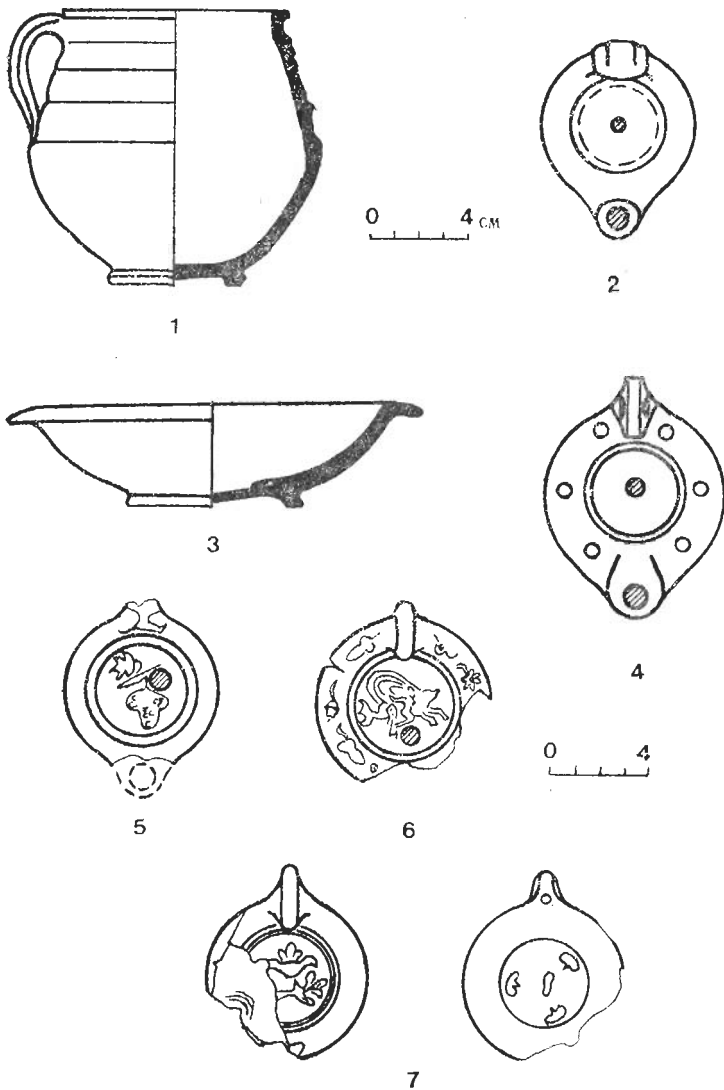

Рис. 22. Свечильники и керамика из Западного Понта (1, 5—7), Малой Азии (2—3) и о. Самоса (4) II—III вв. н. э.

сятся кувшины с цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком, известные в погребениях конца I—II вв. (рис. 20, 5)²⁶², тарелки с отвесным или отогнутым краем (рис. 22, 3)²⁶³, чашки нескольких типов (рис. 20, 6)²⁶⁴.

Вероятно, в небольшом количестве в Херсонес продолжала поступать посуда, покрытая поливой. Обломок такой чашки был обнаружен в цистерне с материалом II—III вв.²⁶⁵

Известно, что Малая Азия поставляла благовония, духи и различ-

ного рода косметические жидкости в дорогих фигурных сосудах²⁶⁶. Она экспортировала майоран, тмин из Карики, плоды ююбы из Каппадокии, душицу из Гераклеи, бальзам и самый лучший нарды из Понта, Н. амарант с о. Коса и особенно шафран из Киликии²⁶⁷. В Херсонесе встречаются как целые фигурные сосуды для благовоний²⁶⁸, так и их обломки²⁶⁹. Судя по низкому качеству бурой или темно-оранжевой облицовки, основная их масса поступала в Херсонес во II в. н. э. Следует заметить, что и фигурные светильники появляются в городе приблизительно в указанное время²⁷⁰. Некоторая часть этих изделий, по-видимому, привозилась в Херсонес из глубинных районов Малой Азии, о чем свидетельствуют находки монет Ликийи, каппадокийской Осесареи и киликийской Селевкии²⁷¹. Сообщение с указанными центрами значительно улучшилось после завершения строительства донароги, соединившей Трапезунт и Амис с южным побережьем Малой Азии и Сирией²⁷², а Кесарея стала важнейшим перевалочным пунктом на этом торговом пути²⁷³.

Появление надписей, надгробий и рельефных саркофагов, выполненных из проконнеского мрамора²⁷⁴, дает возможность предположить, что с начала II в. н. э. еще более оживились экономические связи Херсонеса с о. Проконнесом. Как и прежде, велась торговля с островами Эгейского моря. В конце I—II вв. н. э. в город продолжали ввозиться самосские светильники. Большинство имеет рожок сердцевидной формы²⁷⁵, но известны и отдельные изделия, украшенные на шейке рельефными псевдоволютами²⁷⁶. Самосская красная посуда представлена очень фрагментарно и в небольшом количестве: обломки кувшинов с цилиндрическим горлом, повторяющие форму малоазийских кувшинов²⁷⁷, конусовидные чашки²⁷⁸, а также миски и тарелки, на дне которых прочерчено несколько врезных нечетких кругов²⁷⁹. На рубеже I—II вв. некоторые из них еще продолжали отмечаться клеймами в виде розеток из пяти или семи рельефных кружков, наиболее характерными для самосской продукции²⁸⁰. В целом же интенсивность импорта о. Самоса в Херсонес, по сравнению с I в. н. э., стала снижаться (рис. 6).

Привозились в Херсонес также стеклянные кувшины, чашки ажурным бортиком, гуттусы сирийско-палестинского производства²⁸¹. Аналогии позволяют датировать эти изделия II—III вв.²⁸² Но, вероятно, сирийский импорт не ограничивался только стеклянной посудой, а включал благовония и духи. Последние могли доставляться также из Египта, к продукции которого относятся флаконы из цветного стекла²⁸³. Такие изделия производила, прежде всего, Александрия²⁸⁴. Хотя один из флаконов был найден в погребении II—III вв., они изготовлены не позднее первой половины II в. н. э., когда подобная техника уже вышла из применения²⁸⁵. В целом объем египетского импорта в Херсонес был незначительным (рис. 15), а ввоз подвесок и бус из египетского фаянса и мозаичного стекла во II в. н. э. начал сокращаться²⁸⁶.

Произошли определенные изменения и в западном направлении херсонесской внешней торговли, обусловленные снижением технического и художественного уровня продукции Италии, которую начали

опережат, быстро развивающиеся провинции²⁸⁷. Провинциальные мастерские теперь могли успешно конкурировать с италийскими. Галлия, Нарбонская, Аквилея, наряду с Северной Италией, стали широко экспортировать светильники со штампами на дне²⁸⁸. В Херсонесе найдены изделия с сигнатурами **APRIO/F**, **CRESCES**, **QGC**, **CASSI**, которые сохраняют ранние черты, но имеют канал к рожку²⁸⁹. Поэтому они могут быть датированы II в. н. э.²⁹⁰ Вероятно, через Паннонию²⁹¹ указанные изделия попадали в Мезию²⁹², где, кроме того, изготавливались местные подражания таким светильникам, но без сигнатур²⁹³. Масштабы экспортной торговли Галлии в это время были еще не особенно велики²⁹⁴. И поэтому в Херсонесе галльская продукция представлена редкими фигурными сосудами и обломками рельефных краснолаковых чашек²⁹⁵.

Ко II в. н. э. могут быть отнесены обломки больших блюд, выполненных в технике *terra nigra*²⁹⁶. Такая керамика производилась тогда некоторыми мастерскими Центральной Галлии²⁹⁷. Особый интерес представляет найденный обломок поливной чашки с рельефным орнаментом желтого цвета в виде гирлянды листочков²⁹⁸. На наш взгляд, предположение И. Д. Марченко о том, что данный фрагмент может быть отнесен к местной продукции Северного Причерноморья²⁹⁹, является необоснованным, поскольку находки подобных изделий единичны. Некоторые же особенности этого обломка (коричневый цвет поливы, желтоватый оттенок рельефного орнамента, мотив декора) напоминают изделия, встречающиеся в Галлии, Германии и Паннонии, где они стали производиться со II в. н. э.³⁰⁰

Бронзовые фибулы нескольких типов, иногда украшенные эмалью³⁰¹, поступали в город по Рейну и дунайскому пути из Галлии, Бельгии, Германии и Паннонии³⁰².

Точно определить круг всех торговых партнеров Херсонеса в первой половине II в. находки не позволяют. Отдельные из них относятся к продукции Восточного Средиземноморья. В составе импорта имеются амфоры нескольких типов, среди которых выделяются крупные светлоглиняные сосуды с воронкообразным горлом и клеймами **HPAK** **ΛΑ** и **ΕΛΕΥΘΕΡΟΥ** (рис. 19, 2)³⁰³. В могильнике у совхоза «Севастопольский» такие амфоры были найдены вместе с краснолаковой посудой и стеклянными бальзамариями середины I — начала II вв.³⁰⁴, но в Подунавье амфоры с клеймом **HPAK** **ΛΑ** встречаются и в более позднее время. Большинство исследователей относит их к изделиям Малой Азии и Сирии³⁰⁵. Возможно, оттуда же в город поступали амфоры с горлом, украшенным желобками, и конусообразным дном (рис. 19, 5)³⁰⁶. Содержимое их неизвестно, но, как правило, такие крупные сосуды использовались для перевозки и хранения вина³⁰⁷.

На херсонесский рынок попадали и товары, которые свидетельствуют о запросах покупателей на оригинальную продукцию: стеклянные фигурные сосуды с косметикой или благовониями, фигурные светильники. Подобный сосуд в виде головы двуликого Януса³⁰⁸ датируется находкой монеты II в. н. э. и происходит из Восточного Средиземноморья³⁰⁹. Фигурные светильники из неизвестных центров встречаются в Херсонесе в виде обломков³¹⁰, что затрудняет их датировку.

Относительно сохранившиеся образцы представлены светильниками в виде головы силена³¹¹. Простая округлая форма рожка и схематично выполненная раковина над головой силена указывают на сравнительно позднее происхождение светильников. Коричневая глина и бурый лак напоминают изделия Египта, где существовало производство фигурных светильников³¹². Из неизвестных центров в Херсонес привозили простые светильники с глубоко посаженным трапециевидным рожком и неразборчивым клеймом (рис. 19, 4)³¹³.

Получив к середине II в. н. э. элевтерию, Херсонес продолжал оставаться одним из наиболее крупных торговых центров Северного Причерноморья. Он находился под охраной римских войск и военной эскадры, принадлежавших мезийской армии и флоту. Такое положение обеспечивало безопасность херсонесской торговли на суше и на море. Тесные связи Херсонеса с Мезией должны были привести к дальнейшему укреплению экономических контактов города с этим районом Западного Причерноморья. Поэтому экспорт оттуда мраморных деталей³¹⁴ можно объяснить не только масштабами строительства в Херсонесе, но и благоприятной для торговли с Мезией и Фракией конъюнктурой. Кроме архитектурных деталей, в Херсонесе появились и другие изделия, свидетельствующие о расширении экономических контактов города с западным побережьем Понта (табл. 1). К ним относятся светильники, которые имеют очень близкие аналогии по форме, технике исполнения и мотивам декора изделиям из раскопок на территории современной Добруджи. Особенно много подобных светильников найдено в некрополе античного Томи³¹⁵. Во II в. здесь хорошо известны изделия, отмеченные сигнатурой **ΕΥΚΤΗΜΩΝ**, иногда с припиской **ΕΠΟΙΕΙ**³¹⁶. В Херсонесе обнаружен обломок светильника с такой же надписью³¹⁷ и, помимо того, имеется ряд образцов, которые могут быть отнесены к продукции наследников Евктэмона или мастеров более позднего времени из Томи, Каллатии, подражавших ему³¹⁸. Самым ранним из них следует считать тонкостенный, аккуратно выполненный светильник с сердцевидным рожком³¹⁹. На его щитке тщательно оттиснут петух — традиционное изображение мастерской Евктэмона.

Изредка в Херсонесе встречаются краснолаковые кубки с ребром, которые, возможно, также производились мастерскими II—III вв. в Малой Скифии (рис. 22, 1)³²⁰. Отдельные фрагменты херсонесских краснолаковых сосудов с рельефным чешуйчатым орнаментом аналогичны продукции гончарных центров (Павликены, Бутово, Хотница) в районе Никополя-на-Истре, переживавшего расцвет во второй половине II — начале III вв. н. э.³²¹ К западнопонтийским изделиям этого же времени следует отнести зеркала в квадратных или круглых свинцовых рамках, которые встречаются в Херсонесе и обнаруживают полное сходство с такого рода находками в Томи, Каллатии, Дуросторуме³²², Одессе³²³.

В Херсонесе известны также монеты Каллатии и Филипполя второй половины II в., хотя число их невелико³²⁴.

Состав импорта мезийских товаров, поступающих в город, не ограничивался перечисленными изделиями. Так, заслуживают внимания

бронзовые статуэтки различных божеств. Г. Д. Белов, исследовавший их, считал, что подобные изделия ввозились из Италии и западных римских провинций³²⁵. Следует, однако, отметить, что совершенно аналогичные статуэтки местного производства хорошо известны в Мезии³²⁶. Вероятно, именно оттуда они попадали в Херсонес.

Во второй половине II в. н.э. город по-прежнему получал много товаров из Малой Азии, торговля с которой развивалась без помех. По эпиграфическим данным, между 174 и 193 гг. н. э. боспорский флот разгромил пиратов на Черном море и обеспечил безопасность мореплавания к Южному берегу Понта³²⁷. Наиболее тесные связи существовали у Херсонеса с городами Вифинии и Пафлагонии, среди которых, прежде всего, следует назвать Гераклею [IOSPE, I², № 359, 363, 544, 545]. Другим контрагентом Херсонеса в торговле могла быть Амастрия. Монеты, чеканенные здесь во второй половине II в., встречаются в Юго-Западном Крыму³²⁸. Кроме того, в Херсонесе появляются монеты Апамеи³²⁹. К концу II в. н. э. Херсонес устанавливает связи с Тием³³⁰. По-видимому, это был период расцвета торговли Тия с городами Северного Причерноморья³³¹. Торговые связи с Пафлагонией в указанное время подтверждаются находками в Херсонесе синопских амфор³³², а также проксениями и почетными декретами в честь синопских граждан и навклеров³³³.

Продолжала поступать в город краснолаковая посуда пергамского круга, представленная тарелками³³⁴, плоскодонными мисками с загнутым внутрь бортиком³³⁵ и кубками с отогнутым краем, ручки которых имеют горизонтальные выступы³³⁶. К концу столетия в Херсонесе и на окружающих его поселениях Юго-Западного Крыма появились краснолаковые рельефные блюда овальной³³⁷, реже — круглой формы³³⁸. По своей выделке, цвету неровного красновато-бурого лака с металлическим оттенком они очень напоминают группу керамики из Чандарли³³⁹. Такие же особенности имеют грубоватые светильники с сердцевидным или округлым рожком (рис. 22, 2)³⁴⁰.

Во второй половине II в. Херсонес установил контакты с еще одним портовым городом Трояды — Ассосом³⁴¹. Последний экспортировал различные сорта местного камня, а также пшеницу [Plin. NH. II, 211; XXVIII, 96], в которой Херсонес периодически испытывал нужду.

К концу II в. н. э. круг малоазийских торговых партнеров и, главное, объем их торговли с Херсонесом изменились (табл. I). Так, в составе херсонесского импорта исчезли столь многочисленные ранее эфесские светильники. Отсутствуют данные о существовании связей с Книдом. Из других районов Малой Азии в Херсонес привозились краснолаковые и буrolаковые тарелки, похожие на пергамские³⁴², светильники, но интенсивность их импорта была меньше, чем в I в. н. э. (рис. 4; 5).

Вместе с тем во второй половине II в. оживились контакты города с о. Проконнесом. Оттуда в большом количестве привозились мраморные рельефные саркофаги и заготовки к ним³⁴³. Проконнеский мрамор широко использовался для изготовления стел, надгробий, статуэток³⁴⁴.

Находка монеты города Митилены в Херсонесе³⁴⁵ подтверждает наличие контактов с о. Лесбосом — важным центром транзитной торговли. Добывавшийся на острове свинец, дорогое вино, оливковое масло отправлялись на внешний рынок³⁴⁶ и могли быть среди товаров, поступающих в Херсонес. Однако импорт с островов Эгейского моря также сократился, что наглядно видно на примере самосского (рис. 6). Самос продолжал снабжать город своей керамической посудой, но количество ее значительно уменьшилось. Это же относится и к самосским светильникам округло-яйцевидной формы с трапециевидным или неясным рожком (рис. 22, 4)³⁴⁷.

Изменения произошли и в составе сирийского импорта (рис. 24). В 40—80-х гг. II в. Сирия переживала подъем, что не могло не отразиться на состоянии ее торговли³⁴⁸. Кроме стеклянных изделий, оттуда в Херсонес привозились светлоглиняные светильники со своеобразно изогнутыми выступами — волютами по обеим сторонам тулова. О. Вальдгауэр относит такой светильник к египетским³⁴⁹, однако совершенно аналогичные и по форме, и по цвету глины изделия встречаются главным образом в Антиохии, где они производились в конце II в. н. э.³⁵⁰

Объем египетского импорта, как и ранее, был небольшим (рис. 15), хотя экономика африканских провинций в это время тоже переживала подъем³⁵¹. Очевидно, из Египта в Херсонес ввозилась некоторая часть изделий из фаянса, среди которых стали преобладать ребристые бусы бирюзового цвета³⁵². Они могли сопутствовать импорту краснолаковых светильников, украшенных типично египетскими сюжетами в виде Зевса-Аммона, Сераписа, быка, Исиды, Анубиса и Гарпократа. Форма рожков и очень широкие плечи светильников указывают на их принадлежность к изделиям, производившимся не ранее второй половины II — начала III вв. н. э.³⁵³

Ввоз товаров из Италии продолжал сокращаться, в то время как поступление их из западных провинций увеличилось (рис. 7; 21). В составе этого импорта преобладали фибулы нескольких типов из Галлии и Паннии³⁵⁴.

Херсонес сохранил связи с неизвестными нам греческими центрами Восточного Средиземноморья, откуда во II в. н. э. ввозились амфоры нескольких типов. В городе встречается множество одноручных кубков — горшочков местного производства, иногда расписанных белой краской³⁵⁵. Но некоторые из них сделаны из мелкозернистой глины, усеянной блестками, и поэтому не могут являться продукцией херсонесских мастерских³⁵⁶. Такие же горшочки хорошо известны в Греции, Иллирии, Мезии, Фракии и датируются II—III вв. н. э., но в основном временем правления Антонина Пия³⁵⁷.

Среди привозных изделий особое место занимают тщательно исполненные буролаковые светильники с сердцевидным рожком³⁵⁸, украшенным на шейке двумя рельефными стилизованными побегими. Подобные экземпляры обычно датируются II—III вв. н. э.³⁵⁹, но форма тулова и четкая посадка рожков херсонесских светильников не позволяют датировать их позднее II в.

Торговля в III в. н. э. До походов готов и их союзников во второй трети III в. Херсонес продолжал вести оживленную внешнюю торговлю. Известный итинерарий на щите легионера из Дура-Европос (230—235 гг.) показывает, что Западное Причерноморье было связано с городом хорошо налаженным путем, проходившим через Тиру, пересекавшим переправу на Дунае и тянувшимся к Истрии и дальше на юг через Томи, Каллатию и Одесс³⁶⁰. Морские коммуникации охранялись понтийским флотом, который при Септимию Севере был перебазирован в Византий³⁶¹. Обращает на себя внимание множество находок монет этого времени, чеканенных в городах Нижней Мезии и Фракии³⁶². Кроме старых торговых партнеров Херсонеса — Истрии, Томи, Каллатии и Одесса, они представлены монетами Никополя-на-Истре, Дионисополя, Маркианополя, Месембрии, Адрианополя, Пауталии, Целы, Неаполя Фракийского и Византия. Большинство монет относится к первой трети III в., т. е. ко времени наивысшего экономического подъема западнопонтийских городов³⁶³. Оттуда в Херсонес ввозились светильники, иногда отмеченные клеймом *planta pedis* в окружении трех фигурных выступов или сигнатурой ΔI , с изображениями на щитке быка, петуха, канфара, виноградной кисти, nereиды на гиппокампе (рис. 22, 5—7)³⁶⁴, которые аналогичны местным изделиям из раскопок на территории Малой Скифии. Они известны в Исаче, Печенеге, Симбэте Новэ, Истрии, Овидии, Тропее Траяна, Бизоне и особенно в Каллатии и Томи³⁶⁵. Датируются второй половиной II — началом III вв. и изготовлялись они в Томи и мастерских в районе Бизоне³⁶⁶.

Весьма вероятно, что из западнопонтийских центров в Херсонес поступали некоторые кувшины и ойнохои, а также бронзовые пряжки с инкрустацией и некоторые типы фибул³⁶⁷. Полное сходство с западнопонтийскими изделиями обнаруживают глиняные кубки-горшочки баночной формы с муфтообразным венчиком и слегка каннелированным туловом³⁶⁸. В Херсонесе они встречаются не ранее III в. и до конца IV в. н. э. Подобные сосуды хорошо известны в Эскусе, Новиодунуме, Диногетии, Сачидаве, Томи и других городах Подунавья. Следует отметить, что одним из центров производства так называемых рубчатых светильников III—IV вв., особенно многочисленных в Херсонесе, был Экус³⁶⁹.

С этого же времени в Херсонесе появились светильники, изготовленные на гончарном круге. Иногда они имеют необычный вид широкой низкой трубки с отверстием у основания, прикрепленной вертикально ко дну круглой чаши-плошки. Особенности глины некоторых из них исключают возможность их местного производства³⁷⁰. Сопутствующий им материал позволяет установить, что они встречались в городе уже в III в. н. э.³⁷¹, но продолжали существовать и позднее. Совершенно аналогичные изделия можно найти только на территории Мезии, в Капидаве и Томи, где они, видимо, производились во II—IV вв. н. э.³⁷² На это указывают обнаруженные здесь переходные формы подобных светильников, тогда как в Херсонесе они неизвестны.

В первой половине III в. Херсонес успешно поддерживал торгово-экономические связи с Южным берегом Понта. Очевидно, события

войны 193—197 гг. должны были отразиться на их интенсивности, но после гражданской войны города Малой Азии, получив от римского правительства помощь и покровительство, уже в начале III в. стабилизировали свою экономику. Даже особенно пострадавшая в ходе военных действий Никея стала активно налаживать торговлю³⁷³.

В Херсонес ввозились оливковое масло и вино в многочисленных синопских однотипных амфорах, иногда отмеченных буквенными клеймами или *dipinti* красной краской³⁷⁴. Нумизматические источники свидетельствуют о торговых связях с Синопой, Амисом, Абонутейхом, Неокесарией, с центрами Вифинии — Тием, Амастрией, Никеей, Никомедией, Гераклеей³⁷⁵ и, возможно, Кием³⁷⁶. Очевидно, из Гераклеи поступали амфоры с энглифическим клеймом **ΚΑΔΙΣΤΡΑΤΟΥ**³⁷⁷. Известно, что Гераклея и Синоп в большом количестве экспортировали грецкий орех³⁷⁸. И хотя эти плоды росли и в Крыму, южнопонтийские сорта могли ввозиться в Херсонес в числе привозных продуктов. К такой же категории херсонесского импорта относились съедобные каштаны (*castanea sativa*)³⁷⁹. О том, что они широко употреблялись в пищу, свидетельствует установление цены на их продажу в эдикте 301 г., изданном Диоклетианом³⁸⁰. По свидетельству Афенея, каштанами торговали пафлагонцы [Athen. I, 28a]. Следовательно, в Херсонес они могли поступать из Пафлагонии.

Города Южного Причерноморья являлись в указанное время одним из основных поставщиков импортных малоазиатских товаров, которые доставлялись туда даже из достаточно отдаленных районов. Так, при раскопках Гераклеи найдены кубки-скифосы из бледно-желтой глины, покрытые красно-бурым жидким лаком³⁸¹. Точно такие же сосуды известны в Херсонесе³⁸², откуда они, в свою очередь, попадали к туземному населению Таврики (рис. 23, 1)³⁸³. Изучение кубков не оставляет сомнения в их пергамском происхождении. Они начали ввозиться в Херсонес на рубеже II—III столетий, поскольку один из кубков был обнаружен в погребении вместе с монетой Септимия Севера (193—211)³⁸⁴. В аналогичной технике изготовлены краснолаковые и буролаковые кувшины с вытянутым яйцевидным туловом (рис. 23, 2)³⁸⁵, светильники с приподнятым рожком (рис. 23, 3)³⁸⁶. К продукции пергамского круга относятся и отдельные рубчатые светильники грушевидной формы с оттиснутой на дне лучевой розеткой³⁸⁷, выполненные из характерной плотной буро-розовой глины и покрытые лаком с темными пятнами и затеками. Кроме того, из района Пергама продолжали поступать краснолаковые рельефные блюда³⁸⁸ и чашки с изогнутыми косыми стенками³⁸⁹. Это позволяет говорить о некотором увеличении масштабов пергамского импорта в Херсонес в первой половине III в. (рис. 4).

Существовали, вероятно, контакты и с другими центрами западного побережья Малой Азии, о чем свидетельствуют коммеморативные монеты-медальоны Скепсиса и Магнезии³⁹⁰. В составе экспорта последней могли быть вина, которые считались лучшими после хиосских³⁹¹. Насколько далеко могли простирались торговые связи, указывают находки в Херсонесе монет Кесареи Каппадокийской и Сиды³⁹². Сид, будучи одним из процветающих портовых городов Памфилии,

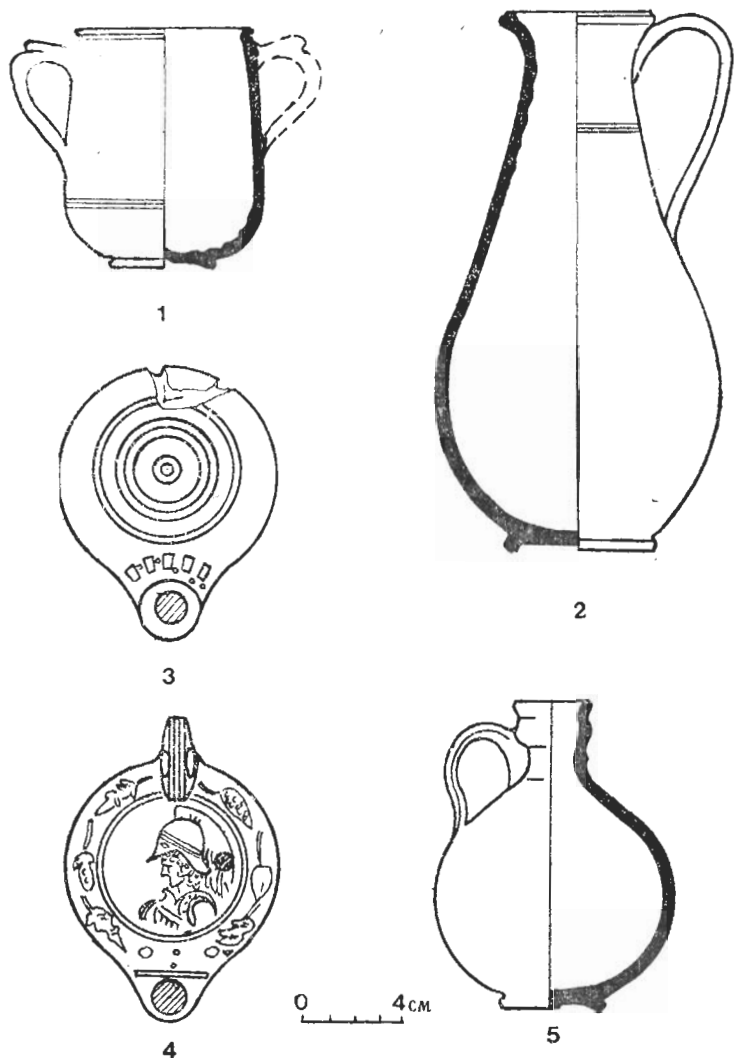

Рис. 23. Керамика и светильники из Малой Азии (1—3), Египта (4) и неизвестных центров (5) III в. н. э.

широко экспортировал вино и благовонную смолистую камедь³⁹³. Ввозилась в Херсонес разнообразная краснолаковая посуда: небольшие мисочки и миски побольше, с косыми стенками³⁹⁴, одноручные горшочки³⁹⁵, массивные блюда³⁹⁶, кувшины нескольких типов³⁹⁷. Глина их имеет обычный для малоазийской керамики красновато-бурый цвет и близкий глине по цвету, но более яркий лак. Такую же выделку имеют несколько типов светильников³⁹⁸.

Таким образом, импорт Херсонеса из Малой Азии оставался в это время на достаточно высоком уровне (рис. 5).

В III в. город продолжал получать мрамор с о. Проконнеса, однако ввоз рельефных саркофагов постепенно прекратился³⁹⁹. Еще больше сократился объем торговли с о. Самосом (рис. 8; табл. 1). Импорт последнего ограничивался краснолаковыми чашками⁴⁰⁰ и рубчатыми светильниками из характерной розовато-коричневатой глины с блестками серицита⁴⁰¹.

Находки светильников свидетельствуют также о наличии торговых связей Херсонеса с Грецией, прежде всего с Афинами и Коринфом. Коринфский импорт, особенно в первой половине века, заметно уступал по своему объему афинскому, что, вероятно, объяснялось сильной конкуренцией со стороны аттических мастерских, которые с III в. н. э. вступили в период своего расцвета. Только один светильник из Херсонеса, по глине напоминающий коринфские образцы, датируется первой половиной III в. н. э.⁴⁰² Среди светлоглиняных аттических светильников, встречающихся в Херсонесе, наиболее ранним экземпляром второй четверти — середины III в. н. э. является светильник с сигнатурой из двух букв **Λ** и **Ε**, расположенных по обеим сторонам стилизованной ветки⁴⁰³. Р. Хакен и К. Кюблер относили данную сигнатуру к большой мастерской Эльпидефора⁴⁰⁴, которая возникла в первой половине III в. Особенно интенсивным был ввоз аттических светильников с середины века и до 267 г. н. э., когда нашествие герулов прервало их производство. К этому времени относятся аттические светильники с сигнатурой **ΠΡΕΙΜΟΥ**⁴⁰⁵, с рельефной сигнатурой **ΠΡΕΙΘΟΥ**⁴⁰⁶. После 267 г. н. э. мастерская Пирейфа перешла к изготовлению светильников с врезной сигнатурой⁴⁰⁷. Импортировала в Херсонес светильники и крупная афинская мастерская Евтиха⁴⁰⁸. На светильниках из Херсонеса встречаются три варианта из десяти возможных сигнатур Евтиха: **ΕΥΤΥΧΗΣ**, **ΕΥ** и **Ε**⁴⁰⁹. Использование полного имени характерно для второй половины III в. Две первые буквы — наиболее распространенная ранняя и поздняя сигнатура⁴¹⁰. Так, сокращенное **ΕΥ** оттиснуто на светильнике с изображением Эрота с лирой⁴¹¹. Данный экземпляр был изготовлен после 267 г. По-видимому, мастерская Евтиха не всегда отмечала продукцию сигнатурами. В Херсонесе известны светильники, которые полностью совпадают с клеймеными изделиями этой мастерской. К ним относятся светильники с изображением Эрота на дельфине⁴¹², боя гладиаторов, старика и старухи⁴¹³, кентавра с палицей⁴¹⁴, раковины⁴¹⁵. Светильник с изображением старика на ложе и мужчины с женщиной перед ним имеет на дне двойное кольцо с четырьмя кружками, уже встречавшееся в сочетании с сигнатурой **ΕΥ**⁴¹⁶. Материалы афинских раскопок также указывают на принадлежность данных сюжетов к мастерской Евтиха⁴¹⁷. Светильники с сигнатурами **I** и **II** также являются изделиями аттических мастерских⁴¹⁸. Они имеют легкий черепок светло-желтого цвета и поэтому не могут быть датированы позднее 267 г., когда качество глины и выделка афинских изделий ухудшились. Вероятно, будучи второстепенными даже в мирное время, эти мастерские не сумели оправиться после разгрома их герулами, тогда как крупная мастерская с клеймом в виде рельефного листа плюща вывозила свои изделия как во второй половине III в., так и в первой половине IV в. н. э.⁴¹⁹ Ее ранняя продукция

представлена в Херсонесе светильниками из светло-желтой глины с декором из восьми двойных волют на плечах⁴²⁰.

Сирийский импорт первой половины III в. представлен в Херсонесе очень слабо (рис. 24). Видимо, это объясняется общим тяжелым положением Сирии в результате римско-персидских войн 30—40-х гг.⁴²¹ К III в. н. э. могут быть отнесены редкие стеклянные флаконы с надписями⁴²² и фрагменты сосудов с волнистым или ячеистым орнаментом⁴²³. Возможно, из Северной Африки попадали в Херсонес амулеты из яшмы и халцедона с изображениями Озириса или Изиды⁴²⁴, а также бусы и подвески из египетской пасты⁴²⁵. В расположенных рядом с городом могильниках туземного населения встречаются неглубокие стеклянные чашки и блюда, которые находят аналогии среди материалов III в. н. э. из Караниса (рис. 25, 4—5)⁴²⁶. Египетские светильники из Херсонеса имеют простой округлый рожок, плавно переходящий в тулово (рис. 23, 4)⁴²⁷. Несмотря на то что они были найдены с материалами III—IV вв.⁴²⁸, у них много общего со светильниками II в. Только форма рожка, применение местами ретуши, худшее качество глины и лака позволяют отнести их к III в. н. э.

Вместе с тем все упомянутые находки единичны и не могут свидетельствовать о наличии прямых связей Херсонеса с Северной Африкой. Вероятно, не существовало таких связей и с западными римскими провинциями. Тем не менее в первой половине III в. н. э. ввоз изделий из этих провинций увеличился и достиг своего максимального уровня (рис. 21). Из Италии происходят некоторые отделочные материалы и архитектурные украшения⁴²⁹, из Паннонии — краснолаковая посуда и несколько типов фибул⁴³⁰. В составе импортных товаров могла быть и бронзовая галло-римская посуда: она встречается в ближайших к Херсонесу инкерманских могильниках и Хараксе⁴³¹. Из Галлии или Подунавья происходят однотипные бронзовые статуэтки, изображавшие коня⁴³².

Среди импортных товаров, ввезившихся в город с первой половины III в., встречается немало таких, которые не могут быть отнесены к тому или иному центру производства. Особый интерес в данном плане представляют небольшие амфориски, цвет и качество глины которых близко напоминают аттические светильники⁴³³. К продукции неизвестных центров относится также краснолаковая столовая посуда, кувшины (рис. 23, 5; 27, 1)⁴³⁴, рыбные тарелки (рис. 27, 2)⁴³⁵. Появились в Херсонесе амфоры с высоко поднятыми ручками (рис. 27, 4)⁴³⁶,

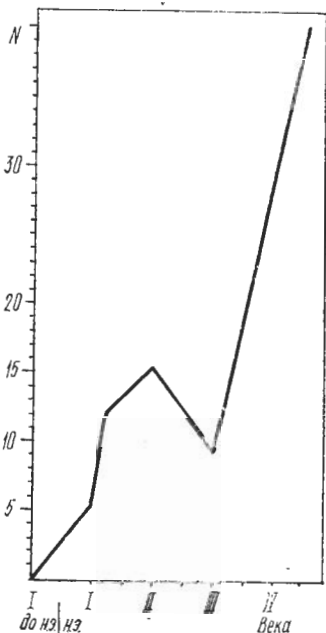

Рис. 24. Интенсивность импорта продукции Сирии и Палестины в Херсонес

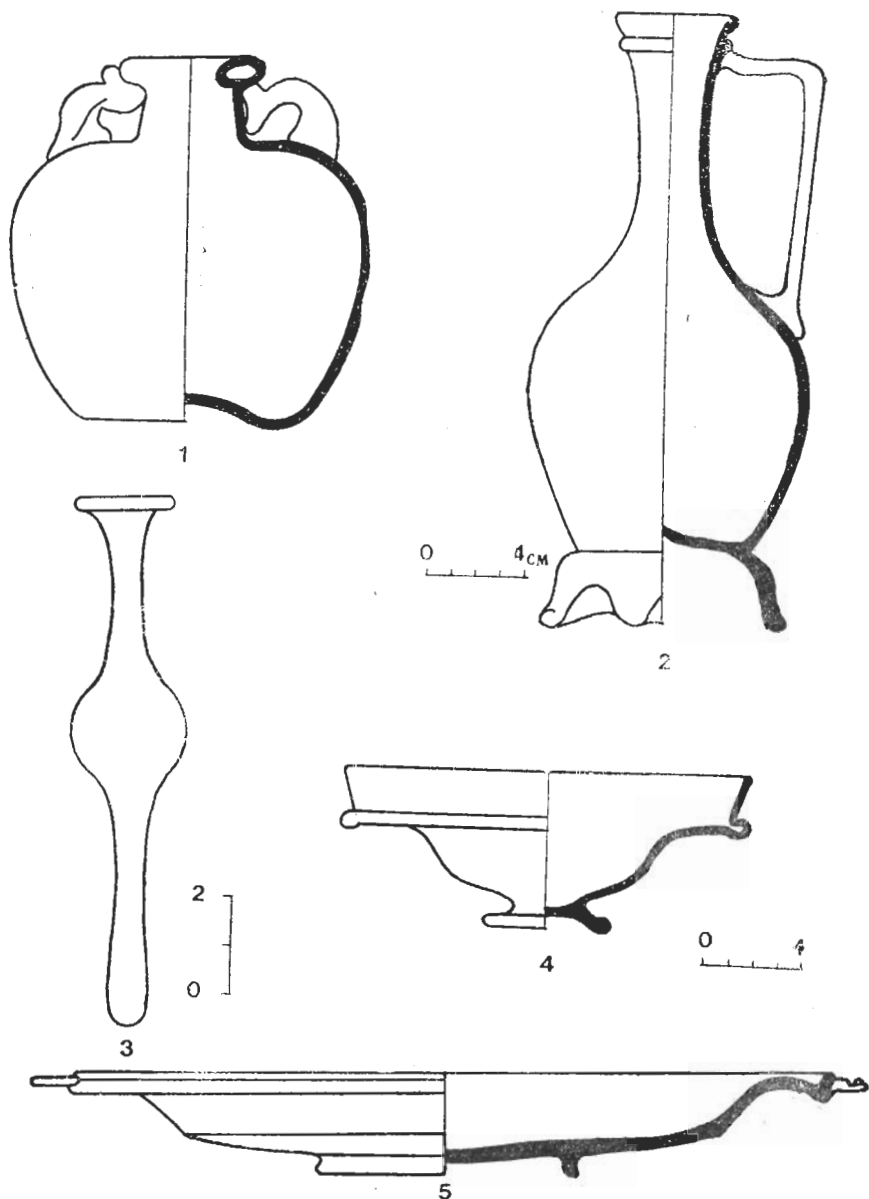

Рис. 25. Привозные стеклянные изделия II—IV вв. н. э.

распространенные в Восточном Средиземноморье⁴³⁷, где, вероятно, и производились. Наиболее ранние из них имеют цилиндрическую ножку с поддоном и принадлежат к концу II—III вв. н. э.⁴³⁸ В указанное время в Херсонесе встречается еще один редкий тип амфор — с характерным горлом в виде приплюснутого раструба⁴³⁹.

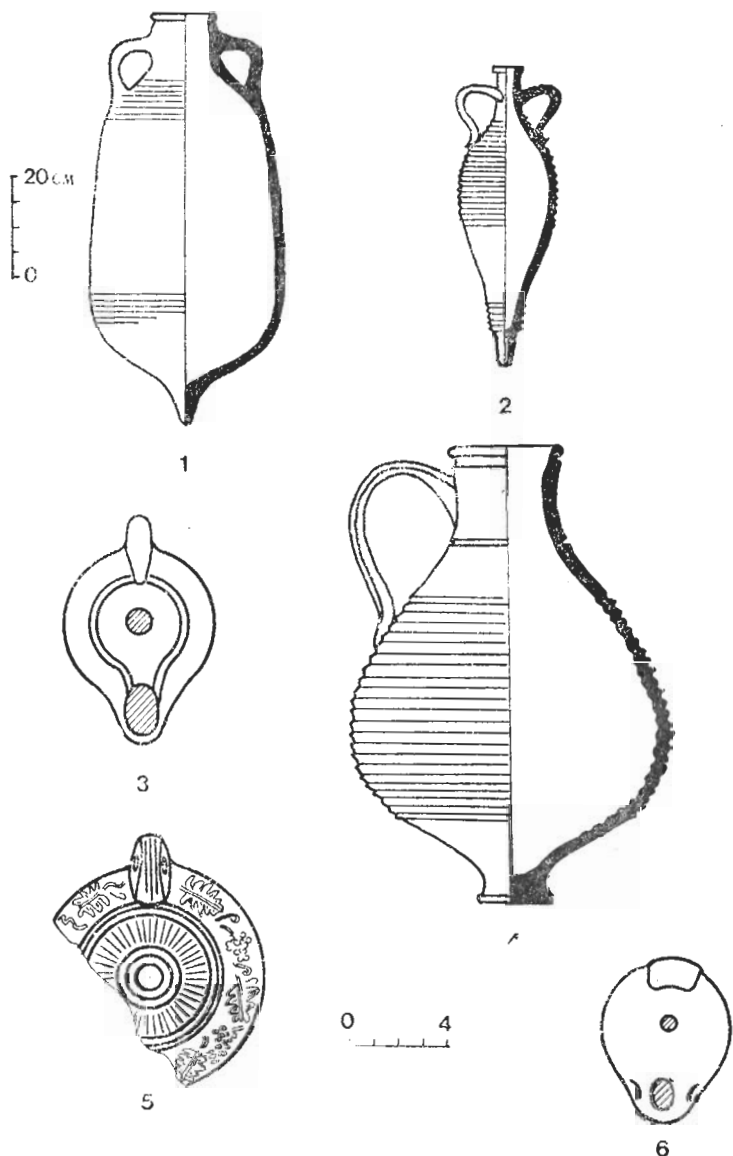

Рис. 26. Керамика и светильники о. Самоса (1—4, 6) и Коринфа (5) IV—V вв. н. э. Такие амфоры известны в Испании и Сицилии; предположительно их производство связывают с африканскими провинциями⁴⁴⁰.

Значительную часть херсонесского импорта составляли светильники, место производства которых пока не поддается определению. Особенно многочисленны небольшие округлые светильники с наклепной, обычно желобчатой, ручкой⁴⁴¹, хорошо известные на Боспоре и в Ольвии⁴⁴², встречающиеся на территории Мезии⁴⁴³. В Херсонесе

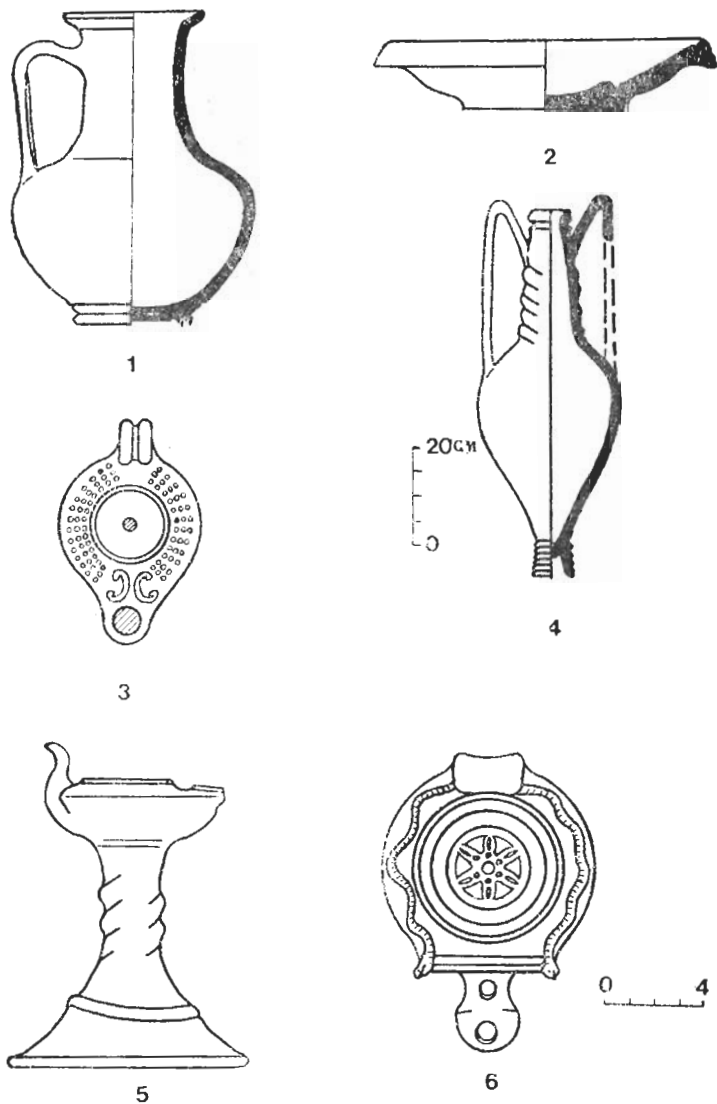

Рис. 27. Малоазийский светильник (6) и керамика неизвестных центров (1—5) III в. н. э.

преобладают изделия из глины оранжевого цвета, в большей или меньшей степени содержащей примесь слюды. Основная масса рассматриваемых светильников была обнаружена вместе с херсонесскими монетами, датируемыми около 180—270 гг. н. э.⁴⁴⁴ или римскими монетами того же времени⁴⁴⁵, что дало основание О. Вальдгауэру совершенно справедливо отнести эти светильники к III в. н. э.⁴⁴⁶ Вместе с ними в погребениях херсонесского некрополя встречается вариант

данного типа светильников со стилизованными волютами на рожке и бугорками на плечах (рис. 27, 3)⁴⁴⁷. Качество глины и облицовки отличий не имеют. Следовательно, производили их одни и те же мастерские. Особенности формы и выделки позволяют датировать III в. светильник с рубчатыми псевдоволютами, отмеченный врезным клеймом РОУ/ФΟΥ⁴⁴⁸. Светильники с такой сигнатурой известны в Томи⁴⁴⁹.

Следует отметить, что в составе херсонесского импорта из анонимных центров III в. н. э. увеличивается число изделий, которые обнаруживают сходство с продукцией, известной, прежде всего, в Западном Причерноморье. Однако ведущей по-прежнему остается ориентация города на ввоз товаров из Восточного Средиземноморья. Именно оттуда поступали не только керамика, но и амулеты с изображением восточных божеств⁴⁵⁰ и, вероятно, ткани⁴⁵¹. Ввозились также продукты, о чем свидетельствуют находки маслин и фиников в херсонесских погребениях III и IV вв.⁴⁵² Ближайшим поставщиком маслин являлись приморские города, расположенные к востоку от Синопы⁴⁵³, но финиковые пальмы в Малой Азии не дают плодов⁴⁵⁴. Финики могли доставляться через Трапезунт и Амис из Северной Месопотамии⁴⁵⁵ или из Самарии, Галилеи, Иудеи и особенно долины Иерихона⁴⁵⁶.

Изменения во внешнеторговых связях Херсонеса во второй половине III в. были тесно связаны с событиями, охватившими восточные провинции Римской империи⁴⁵⁷. Наиболее неблагоприятной для их развития следует считать третью четверть столетия, когда почти непрерывные походы варварских племен разоряли города Мезии, Фракии, Понта, Вифинии, Троады, Ионии, Киликии, Памфилии, Галатии, Каппадокии, островов Эгейского моря и Греции⁴⁵⁸. Нападения персов, войны с Оденатом и Зенобией в 50—60-х гг. нарушили экономическую жизнь городов Сирии, Каппадокии и Киликии⁴⁵⁹. После восстания Гордианов в тяжелом положении оказались африканские города⁴⁶⁰. Таким образом, почти все торговые партнеры Херсонеса были объектами нападений и грабежей на суше и на море. Только после побед Клавдия, Аврелиана, Проба над готами и персами наступила временная стабилизация и начали довольно быстро восстанавливаться торгово-экономические связи⁴⁶¹. К концу III в. н. э. положение Херсонеса упрочилось по сравнению с другими северопричерноморскими городами. Так, он сохранил связи с Западным Понтом, хотя почти полное исчезновение монет Мезии и Фракии указывает на сокращение торгового оборота⁴⁶². Города Южного берега Понта продолжали вывозить в Херсонес оливковое масло и вино в амфорах прежних типов⁴⁶³. Нумизматические источники позволяют установить степень участия в этой торговле Гераклеи Понтийской, Никеи, Никомедии, Синопы, Неокесареи и Севастополя-Гераклеополя⁴⁶⁴. Среди херсонесского импорта встречаются перстни с сердоликовыми и гранатовыми вставками, украшенными изображениями Немезиды из Смирны или храма на горе Аргея близ Кесареи Каппадокийской⁴⁶⁵. Не исключено, что они являлись продукцией малоазийских ювелиров III в.⁴⁶⁶ Следует также обратить внимание на находки краснолаковых светильников с рожком, сужающимся в шейке, которые отличаются высоким качеством (рис. 27, 6)⁴⁶⁷. Особенности выделки указывают на принадлеж-

ность светильников к продукции малоазийского, возможно, пергамского круга. Однако в целом в указанное время снизилась интенсивность и сократился объем малоазийского импорта в Херсонес, а ввоз самосской продукции значительно уменьшился (рис. 4; 5; 6; табл. 1).

Слабо прослеживается в указанное время в Херсонесе сирийский и египетский импорт. Сирийские стеклянные изделия некоторое время не ввозились и появились в городе к концу III в., когда стали восстанавливаться прежние торговые связи. Этим временем и датируются палестинские бальзамарии с вертикальными вдавливаниями на тулове⁴⁶⁸ и шарообразный флакон с раструбообразным венчиком и греческой надписью — продукция мастерских Сирии или Палестины⁴⁶⁹.

Из антиохийской мастерской Феодора происходят обнаруженные в Херсонесе светильники нескольких вариантов, которые датируются не ранее III в. н. э. Это светлоглиняные светильники без ручки со слабо выступающим рожком и трехстрочной сигнатурой на дне **ΘΕΟΔΩΡΟΥ**⁴⁷⁰.

Сложная внешнеполитическая обстановка, непрекращающиеся приблизительно с 250 г. столкновения римлян с германцами не могли не отразиться на интенсивности поступления товаров из западных римских провинций. Их ассортимент и количество сокращаются (рис. 21). Среди этих товаров прежде всего следует назвать многочисленные Т-образные фибулы с «луковичными» головками, которые широко экспортировались с начала III в. главным образом из Паннонии⁴⁷¹. Однако в Херсонесе они появились не ранее второй трети столетия, судя по находкам этих фибул вместе со светильниками, отмеченными клеймами **ΧΡΥΣΟΥ**, **ΑΡΧΕΠΟΛΙΔΟΣ**⁴⁷². Возможно, что какие-то незначительные и непрямые связи город поддерживал и с более отдаленными провинциями. Поэтому заслуживает внимания редкая находка монеты Тетрика, который правил в Галлии в 270—273 гг.⁴⁷³

Значительную часть привозной керамики из неизвестных центров второй половины III в. составляли светильники — подражания малоазийским и аттическим образцам. Среди рубчатых светильников этого времени выделяется продукция мастерской **ΧΡΥΣΟΥ**, которая поступала в Херсонес в сравнительно большом количестве. Известно около 25 изделий с таким клеймом⁴⁷⁴. А. Н. Щеглов, впервые обративший на них внимание, считал, что подобные светильники являлись продукцией местного коропласта, работавшего в Херсонесе во второй половине IV в.⁴⁷⁵ На наш взгляд, эта датировка ошибочна и нуждается в пересмотре. Более определенно время бытования светильников с клеймом **ΧΡΥΣΟΥ** позволяет установить анализ инвентаря двух погребений, в одном из которых они были найдены с монетами Филиппа Араба (244—249 гг.) и Требониана Галла (251—253 гг.)⁴⁷⁶, а в другом — самой поздней оказалась херсонесская монета около 230 г. н. э.⁴⁷⁷ Следовательно, можно утверждать, что эти светильники производились не ранее второй трети III в. н. э. Местная мастерская, работавшая не менее 20—25 лет, должна была бы оставить значительно больше продукции, чем та, которой мы располагаем. Кроме того, мастерские античных городов Северного Причерноморья не отмечали изделия сигнатурами⁴⁷⁸. Таким образом, импортное происхождение светильников из мастерской Хриса представляется более вероятным.

Довольно многочисленны в Херсонесе и находки светильников позднегреческого типа второй половины III в. н. э., которых нет среди продукции Аттики и Коринфа. Датируются они по обстоятельствам находок, аналогичным, особенностям формы и качеству исполнения. Некоторые из них имеют сигнатуры: ΔΙΟΥΔΙ⁴⁷⁹, ΑΡΧΕΠΟΛΙΟΣ⁴⁸⁰, ΦΟΙΝΕΙΚΟΣ⁴⁸¹, ΧΟΣΝΟΡΓ⁴⁸², ΠΛΑΤΩΝΟΣ⁴⁸³, ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ⁴⁸⁴, ΧΟΔΗΡΣ⁴⁸⁵, ΣΗΒΗΡΟΥ⁴⁸⁶, ΦΟΙΜΗΚΟΥ⁴⁸⁷, ΜΑΡΚΟΥ⁴⁸⁸, ΜΑΡΚΙΑΝΟΥ⁴⁸⁹ и ΑΦΦΙΑΝΟΥ⁴⁹⁰. Очевидно, эти изделия были привезены из других районов Греции, в частности Арголиды, побережья Лидии, Карики, о. Кипра и о. Крита⁴⁹¹.

Итак, мы проследили развитие херсонесской торговли от начала I в. до н. э. до конца III в. н. э., когда он превратился в провинциальный римский город. Его экономика была тесно связана с торговлей и, что очень важно, давала возможность в большом количестве вывозить продукты местного производства. В отличие от других северопричерноморских городов, ведущими статьями херсонесского экспорта являлись не хлеб, а продукты рыбного промысла. Важную роль играл экспорт соли. Главными статьями импорта были оливковое масло и краснолаковая керамика. Особенно больших средств требовала закупка масла, которое широко использовалось для приготовления пищи и в быту⁴⁹². Каждый день его расходовали в среднем не менее 18—20 г на одного человека⁴⁹³. Поэтому можно принять за среднюю норму потребления одним человеком 7 литров масла в год. В этом случае для 10 тыс. жителей Херсонеса и его округи требовалось примерно 70 тыс. л масла ежегодно. В первые века нашей эры котила масла (0,274 л) стоила около одного денария и выше⁴⁹⁴. Следовательно, город должен был ежегодно ввозить только для собственного потребления масла более чем на 255 тыс. денариев. В неурожайные годы эта сумма, естественно, увеличивалась, цены на другой основной продукт — хлеб — повышались.

Находясь почти по курсу кораблей, направлявшихся кратким путем через Черное море, Херсонес имел особенно тесные связи с Южным берегом Понта. Политика Митридата IV Евпатора соответствовала торгово-экономическим интересам города. Рассмотренные материалы опровергают представление о I веке до н. э. как о времени полнейшего упадка херсонесской торговли. До начала Митридатовых войн она успешно развивалась с центрами бассейна Эгейского моря и Малой Азией, а в пределах Черного моря — без особых помех даже в 80-е гг. Наиболее сложным следует считать время 70—40-х гг., когда в упадке находились многие торговые контрагенты Херсонеса. Тем не менее в город, хотя и в небольшом количестве, поступали товары из Италии, что было результатом установления политических связей Херсонеса с Римом. В составе импорта были также египетские изделия, но Херсонес до конца III в. н. э. получал их сравнительно немного. Вместе с тем ассортимент египетского импорта был не менее разнообразным, чем в других северопричерноморских городах, хотя Херсонес получал египетские товары транзитом, главным образом через Синопу.

Восстановление внешней торговли города начинается с конца I в.

до н. э., а своего наивысшего расцвета она достигла в I в. н. э., когда в Херсонесе появилось много малоазийской краснолаковой посуды, амфор с оливковым маслом и вином, которые привозились в основном из Синопы, Амастрии и Гераклеи или же через их порты — важнейшие центры морской транзитной торговли⁴⁹⁵. С начала I в. н. э. херсонесский импорт пополнился продукцией из Эфеса, в котором сосредоточились не только важные морские пути, но и некоторые очень удобные сухопутные магистрали⁴⁹⁶. Они вели на восток, к Месопотамии, и на север, к Пергаму, а оттуда — к Кизику, в Вифинию⁴⁹⁷. Особенно интенсивно в Херсонес поступала краснолаковая посуда пергамского и самосского круга, причем самосская группа керамики в количественном отношении не уступала пергамской. В других северопричерноморских городах самосская керамика представлена значительно слабее⁴⁹⁸.

Херсонес получал также светильники Книда, вино о. Коса, сирийскую и палестинскую стеклянную посуду, благовония. Более разнообразным в первой половине I в. н. э. стал импорт из Италии, Галлии и других западных провинций. Объясняется это укреплением военно-политических и экономических контактов Херсонеса с Западным берегом Понта, особенно во второй половине I в., когда в Херсонесе и Хараксе были размещены римские гарнизоны. Стабилизация политической обстановки и надежная охрана римлянами морских и сухопутных коммуникаций привели к дальнейшему расцвету торговли. Ее подъему способствовала также заинтересованность херсонесских торговцев и владельцев рыбозасоленных комплексов в выгодных поставках продовольствия для римских войск, расположенных в Причерноморье и Малой Азии. Поэтому кратчайший морской путь от м. Крию Метопон в Крыму до пафлагонского м. Карамбиса должен был приобрести особо важное значение. Известно, что м. Крию Метопон (Бараний лоб) находился недалеко от Херсонеса [Strab. VII, 3], однако точное его местоположение до настоящего времени остается предметом дискуссии⁴⁹⁹.

В I—III вв. н. э. город установил торгово-экономические связи с о. Проконнесом. Из всех северопричерноморских городов Херсонес ввозил особенно много проконнесского мрамора.

Сложная внешняя обстановка конца I — начала II вв. сказалась на состоянии торговли Херсонеса, интенсивность и объем которой несколько снизились. Очевидно, в наиболее трудных условиях в это время оказались связи с Мезией и Фракией, тогда как с Малой Азией они продолжали успешно развиваться. Среди малоазийских торговых контрагентов Херсонеса появились Тий, Никея, Абонутейх, но не исключены контакты и с более отдаленными районами, такими, как Ликия, Каппадокия, Киликия. После длительного перерыва были восстановлены связи с Грецией, экономика которой в первой половине II в. переживала определенный подъем. Вместе с тем прекратился импорт с о. Коса и начал сокращаться ввоз самосской столовой посуды и светильников.

Херсонес являлся рынком сбыта изделий быстро окрепших во II в. н. э. ремесленных центров западных римских провинций. Продук-

ция этих центров поступает в город в большом количестве, ее ассортимент становится разнообразнее. В определенной мере сказанное можно объяснить улучшением связей Италии и западных римских провинций с побережьем Черного моря после постройки при Траяне системы хороших дорог⁵⁰⁰.

Во второй половине II в. упрочилась также херсонесская торговля с Западным Понтом, чему способствовали общие внешнеполитические и экономические условия. Поэтому трудно согласиться с тем, что римские торгово-экономические интересы в Таврике были совсем незначительны⁵⁰¹. Археологические материалы из Херсонеса позволяют в этом усомниться. Но особенно тесные связи сохранялись с центрами Вифинии и другими малоазийскими провинциями, хотя из состава его импорта исчезли книдские и эфесские светильники, а керамика Самоса стала еще более редкой. Однако значительно увеличился ввоз продукции Проконнеса, стал разнообразнее импорт Сирии и, возможно, появились определенные контакты с Ассосом и Лесбосом.

Начало III в. было отмечено дальнейшим укреплением торгово-экономических взаимоотношений Херсонеса с Мезией и Фракией. Важное значение имела дорога, соединявшая Дунай с Боспором Фракийским и проходившая через Филиппополь, Адрианополь, Перинф, Неаполь и Византий, т. е. через те города, монеты которых обнаружены в Херсонесе. Филиппополь в свою очередь сообщался на западе с Пауталией, а на севере — с Мезией⁵⁰². Другая, не менее важная, магистраль шла от Одессы в Маркианополь, а затем в Никополь-на-Истре, известный своим керамическим производством. Очевидно, этими же путями, через Мезию и Фракию, в Херсонес попадала значительная часть продукции западных римских провинций и Паннонии. Их импорт достиг в указанное время наибольших масштабов.

Интенсивную торговлю Херсонес вел с Понтом и Вифинией. В числе его торговых партнеров в первой половине III в. были Пергам и другие центры Троады, Лидии, Каппадокии, Памфилии. Трудно установить, с какими городами он имел непосредственные связи, а с какими сообщался транзитом. Но портовые города Малой Азии, по-видимому, вели прямую торговлю с Херсонесом.

Глубинные районы Малой Азии могли поддерживать не прямые связи с Херсонесом, используя две основные магистрали, пересекавшие Малую Азию с севера на юг и с запада на восток⁵⁰³. Конечными пунктами дорог являлись Амис и портовые города Лидии. Даже светильники, которые начали экспортировать в это время из Греции, могли доставляться в Херсонес транзитом через южнопонтийские центры, с которыми Аттика имела прочные связи⁵⁰⁴. В целом херсонесская внешняя торговля первой половины III в. оставалась еще достаточно оживленной, хотя ввоз продукции о. Проконнеса уменьшился, ослаб сирийский импорт, а изделия о. Самоса стали поступать в меньшем количестве.

Нормальное развитие торговых связей Херсонеса было подорвано событиями 50—70-х гг. III в. н. э., в результате которых пострадали почти все партнеры города. Это было время самого значительного спада херсонесской торговли, которая стала восстанавливаться только в последние десятилетия III в. н. э.

**ТОРГОВЛЯ ХЕРСОНЕСА
С АНТИЧНЫМИ ГОРОДАМИ
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ
в IV—V вв. н. э.**

Изменения в политическом положении Херсонеса на рубеже III — IV вв. не привели, однако, в упадок его экономику и денежное обращение¹. Нет оснований говорить и о постепенном сокращении масштабов херсонесской внешней торговли. Город продолжал поддерживать широкие связи с различными областями Римской империи, торговля которой успешно развивалась после реформ Диоклетиана, Константина и повсеместной, хотя и непродолжительной, нормализации цен².

В обмен на получаемые товары Херсонес, как и прежде, должен был вывозить свои. Он оставался крупным центром товарного производства, и поэтому выводы некоторых исследователей о натурализации его хозяйства в IV—V вв. следует считать преувеличенными³. Особенно крупных масштабов достигло здесь рыбозасоленное производство⁴. Это позволяет предположить, что основной экспортной статьей по-прежнему являлись продукты рыболовного промысла.

До конца IV в. население Таврики продолжало заниматься земледелием⁵. Однако изменения, происшедшие в торговле Херсонеса с населением Таврики в конце IV—V вв., привели к тому, что город вынужден был окончательно исключить зерно из состава своего экспорта.

Ежегодно Херсонес экспортировал около 10000—15000 ц соли⁶, что давало ему 6250000—9375000 медных денариев или 125—187,5 фунтов золота, т. е. приблизительно 187500—281250 серебряных денариев по курсу монетной реформы 286 г.⁷ Выручка от продажи рыбы и рыбных соусов, вероятно, была в несколько раз большей, соответственно большим был и доход⁸. Вместе с тем много средств требовала закупка различных импортных товаров. Так, согласно эдикту 301 г. секстарий масла стоил 12 медных денариев⁹. Из расчета 70000—140000 л в год городу было необходимо масла на 1,5—3 млн медных денариев, что в переводе на золото составляло от 30,5 до 61 фунта (приблизительно 46—92 тыс. серебряных денариев).

К началу IV в. Херсонес, утратив свою элвтерию, а с ней и статус государства, окончательно превратился в обычный провинциальный римский город. Поэтому цены эдикта, предусмотренные для всех римских городов, должны были распространяться и на Херсонес. И хотя приведенные цифры ориентировочные, они все же могут в некоторой степени отражать реальное состояние дел.

Торговля в IV в. н. э. Надо полагать, что город вывозил свою продукцию прежде всего в центры Западного и Южного Понта и ввозил оттуда же значительное количество разнообразных товаров.

В конце III—IV вв. во Фракии велось усиленное строительство крепостей и укреплений. Привозные продукты были необходимы для снабжения многочисленных пограничных и внутренних войск, охранявших жизненно важный Дунайский лимес¹⁰. Оживление экономики, новый расцвет фракийских городов¹¹ способствовали углублению связей между Херсонесом и Фракией (рис. 28), что подтверждается сравнительно многочисленными находками массивных светильников с фигурными ручками в виде чело-веческой головы, стилизованного листа, округлой или ромбовидной наставки, а также равно-стороннего византийского креста (рис. 29, 1—2)¹². Подобные светильники в большом количестве встречаются в Мезии¹³ и на территории Малой Скифии¹⁴. Характер глины, техника исполнения, форма и декор изделий свидетельствуют, что частью они были сделаны именно там. Но самым убедительным аргументом является открытие в Мезии форм для отсиска аналогичных светильников, а также гончарных печей, в которых они обжигались¹⁵. Одна из крупных мастерских находилась рядом с античным Дионисополем¹⁶. Судя по условиям находок, подобные светильники изготовлялись с IV по VI вв. включительно¹⁷. Материалы, сопутствующие таким светильникам в Херсонесе, подтверждают их экспорт в это время¹⁸.

Продолжала успешно развиваться торговля с Южным берегом Понта, откуда в IV в. поступали вино и масло в светлоглиняных амфорах¹⁹, а также черепица, глина которой обнаруживает большое сходство с синопской²⁰. Косвенным доказательством этому являются частые находки позднеримских монет, чеканенных в Геракле, Кизике и Никомедии²¹.

Из района Пергама в Херсонес поступали чашки из светлой глины с характерным лаком²², миски на низком поддоне (рис. 5)²³. Последние относятся к группе керамики, появившейся в городе на рубеже III—IV вв.²⁴ Ф. Вааге, занимавшийся изучением аналогичных изделий, считал, что их нельзя связывать с побережьем Малой Азии²⁵. Однако херсонесские миски сделаны из светлой бледно-желтой глины и покрыты коричневато-красным лаком с темными пятнами, окруженными бо-

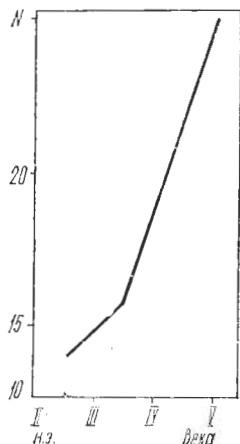

Рис. 28. Интенсивность импорта продукции Мезии и Фракии в Херсонес

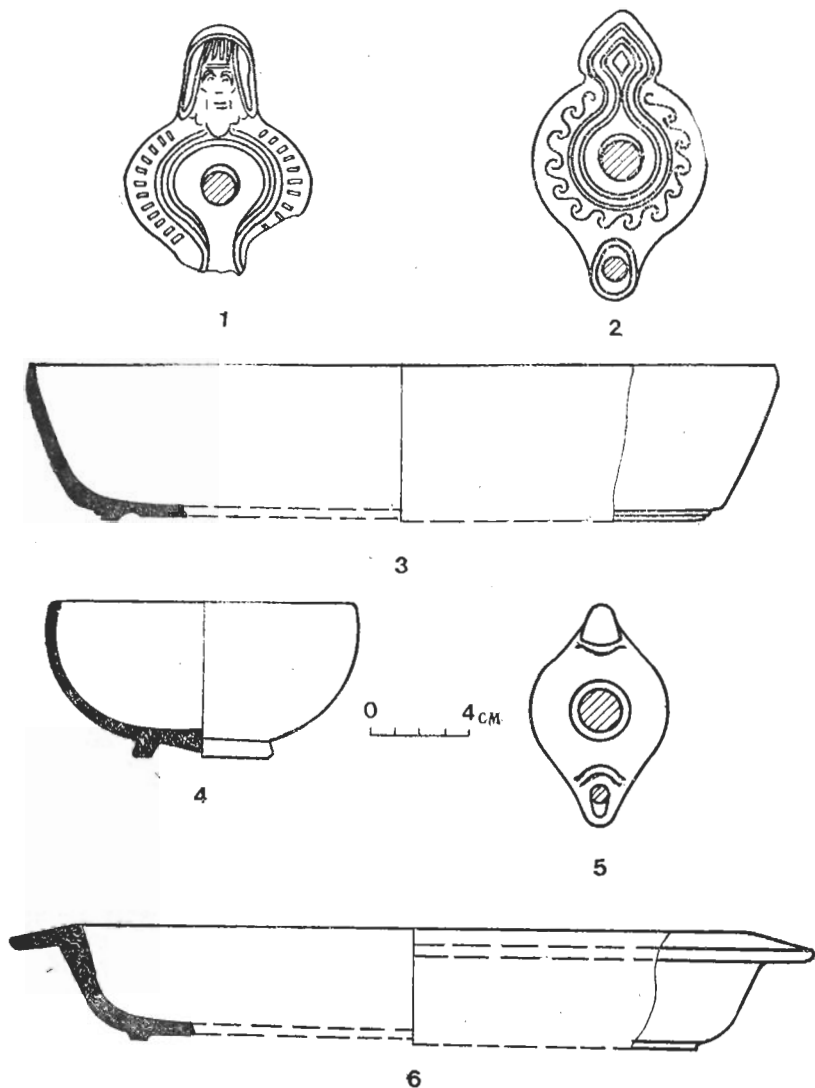

Рис. 29. Святильники и столовая посуда из Малой Азии (3—6) и Западного Понта (1—2) IV—V вв. н. э.

лее светлым фоном, что позволяет видеть в них типичную продукцию пергамского круга. Очень близки к ним по качеству изготовления чашки и блюда, которые стали поступать в Херсонес в IV в. н. э. (рис. 29, 4, 6)²⁶. Но в целом объем пергамского импорта в указанное время резко уменьшился, тогда как торговля с другими районами Малой Азии, напротив, увеличилась (рис. 4; 5). В составе малоазийского импорта было большое количество святильников с биконическим туловом из бледно-желтой легкой глины (рис. 29, 5; 30, 9)²⁷. Некоторые из них

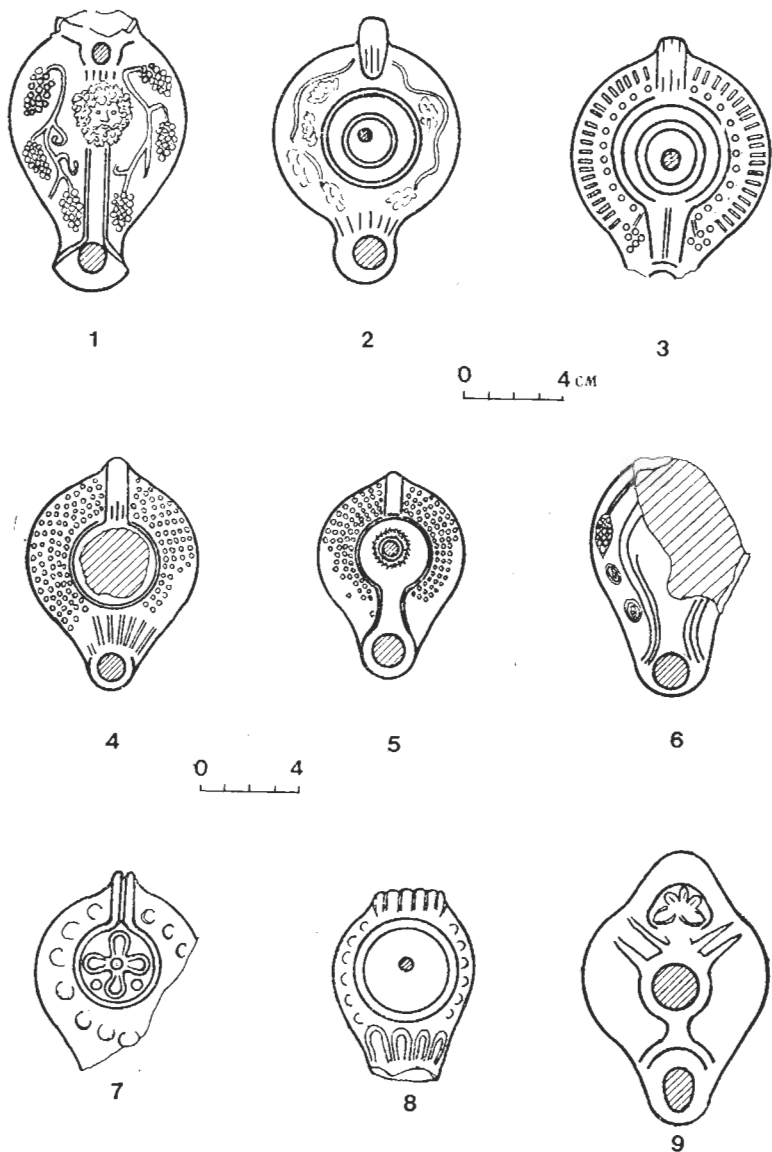

Рис. 30. Малоазийские (1—6, 8—9) и самосские (7) светильники второй половины IV—V вв. н. э.

имеют слегка приподнятое дно овальной формы с рельефным валиком к ручке и рожку. Подобный декор дна известен на малоазийских светильниках из Милета²⁸. Судя по находкам в склепах херсонесского некрополя, они начали поступать в город с конца III — начала IV вв. и особенно интенсивно ввозились в IV — начале V вв.²⁹

Стабильными представляются связи Херсонеса с о. Проконнесом, откуда продолжали привозить мрамор и архитектурные детали из него³⁰.

Самосский импорт, незначительный в предыдущем столетии, вновь стал увеличиваться. Можно полагать, что торговля с о. Самосом вступила в период нового подъема (рис. 6). Об этом свидетельствуют многочисленные находки амфор из коричневой или более светлой глины, усыпанной блестками серицита³¹. Особенно часто встречаются сосуды IV в. (рис. 26, 1—2)³². Однако надо учитывать, что не исключена принадлежность веретенообразных амфор к кругу Сард.

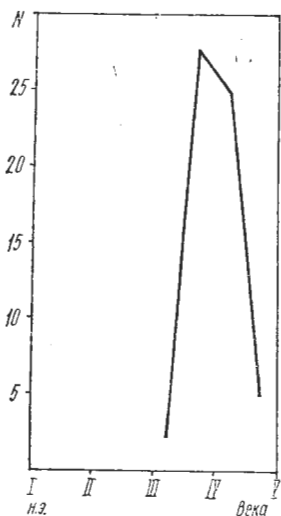

Рис. 31. Интенсивность импорта продукции Аттики и Коринфа в Херсонес

В Херсонес ввозилась и самосская столовая посуда. Следует обратить внимание на фрагмент краснолаковой тарелки из характерной глины с множеством блесток, украшенной гребенчатым орнаментом на дне³³. Значительное количество посуды подобного типа появляется в городе с конца III в.³⁴ Самосское происхождение имеет некоторая часть краснолаковых кувшинов с желобчатым туловом (рис. 26, 4)³⁵. Вместе с тем в Херсонесе встречаются кувшины такого же типа, глина которых не похожа на самосскую³⁶. Аналогичные сосуды известны в Томи, Каллатии и некрополе Петра Фрекэцей IV в. н. э.³⁷ Кроме посуды, Самос экспортировал коричневоглиняные амфориски³⁸ и светильники, среди которых встречались как рубчатые светильники и подражания им³⁹, так и некоторые новые типы светильников, характерные для IV—V вв. (рис. 26, 3, 6)⁴⁰.

Следует отметить наличие в Херсонесе импорта из Балканской Греции, представленного светильниками с черепком красновато-коричневого цвета, возможно, из коринфских мастерских (рис. 26, 5)⁴¹. В город продолжали поступать аттические светильники, причем интенсивность и объем их ввоза в первой половине IV в. почти не изменились (рис. 31; табл. I). Ухудшилось лишь качество изготовления продукции. Мастерская Евтиха поставляла светильники с сигнатурой **ΕΥ**, иногда заключенной внутри двух врезных колец с четырьмя маленькими кружками крест-накрест⁴², или сигнатурой **Ε**⁴³. Последняя известна только на изделиях, выпускавшихся со второй четверти IV в. до конца существования мастерской в середине — второй половине IV в.⁴⁴ Однако форма херсонесских образцов не выходит за пределы середины столетия. Манера исполнения и особенности декора позволяют предположить, что некоторая часть светильников без сигнатур также выпускалась этой мастерской⁴⁵. Плохое качество глины, нечеткость формы и сопутствовавшие светильникам материалы датируют их не ранее первой половины IV в. Эти же особенности харак-

терны для привозившейся в Херсонес продукции другой крупной мастерской, отмечавшей свои изделия клеймом в виде листа плюща⁴⁶. В IV в. в город стали поступать изделия мастерской с сигнатурой «K»⁴⁷. По мнению Дж. Перлцвейг, «K» — начальная буква имени Кратера, мастерская которого работала в Афинах в конце III — первой половине IV вв., возможно, не позже первой четверти столетия⁴⁸. Можно отметить, что в Херсонесе имеются светильники, тождественные продукции этой мастерской, но без сигнатуры⁴⁹. Ухудшение пластичности изображений, появление диспропорций в фигурах декора хорошо заметно на светильнике из мастерской ВРОМЮС, который может быть датирован началом IV столетия⁵⁰. Еще более грубо сделаны светильники с изображениями человека, перепрыгивающего через медведя⁵¹, букрания⁵², идущего влево медведя⁵³, полумесяца⁵⁴. Похожие изделия выпускались мастерскими Евтиха, Кратера, Навмаха и другими преимущественно в первой половине IV в.⁵⁵ В Херсонесе светильник с букранием был найден в склене, где не было монет позднее первой половины IV столетия⁵⁶. Иногда донышко таких светильников расчерчено четырьмя-пятью врезными кругами. Такая особенность характерна для поздних аттических светильников⁵⁷. Врезные круги можно видеть на массивных красноглиняных светильниках, которые производились в IV столетии, но не позднее времени правления императора Трациана (рис. 32, 1)⁵⁸. Исходя из этой особенности, можно считать аттическими небольшие грушевидные светильники с перевернутым изображением орла или стилизованными двойными волютами на щитке (рис. 32, 2)⁵⁹.

После спада в III в. сирийская торговля переживала новый подъем⁶⁰. Это подтверждается тем, что в Херсонес (рис. 24) увеличился приток стеклянных изделий из мастерских Сирии и Палестины, представленных разнообразной посудой (рис. 25, 2)⁶¹, бальзамариями⁶², сосудами культового характера⁶³. Особенно возрос объем экспорта Антиохии, которая вывозила не только изделия из стекла, но и оливковое масло, благовония, мази, косметические средства, красители⁶⁴. Среди сирийских товаров, поступавших в Херсонес, встречаются светлоглиняные светильники с большим отверстием для масла и пологой ручкой с глубоким желобком, обнаруживающие полное сходство с одной из групп антиохийских светильников (рис. 33, 1)⁶⁵.

Уже в первой половине IV в. в Херсонес все чаще стали попадать изделия североафриканских центров, переживавших определенный подъем⁶⁶.

Главные ремесленные и торговые центры Африки этого времени — Александрия, Карфаген, Аполлония, Цезаря, Гадрумет, Такапа Цирта, Сабрато, Оя, Лептис, Гиппон Регий, Русикада, Салдая — широко экспортировали продукцию местных мастерских и промыслов⁶⁷. Наиболее ранними в Херсонесе следует считать фрагменты североафриканских краснолаковых тарелок, на дне которых оттиснуты пальмовые листья, «плетенки» и кружки, очерченные несколькими рядами врезных колец (рис. 34, 5, 7)⁶⁸. Такие изделия датируются концом III—IV вв.⁶⁹, хотя отдельные исследователи относят их к периоду между 360—450 гг.⁷⁰ При раскопках в Херсонесе в 1937 г. фрагмент

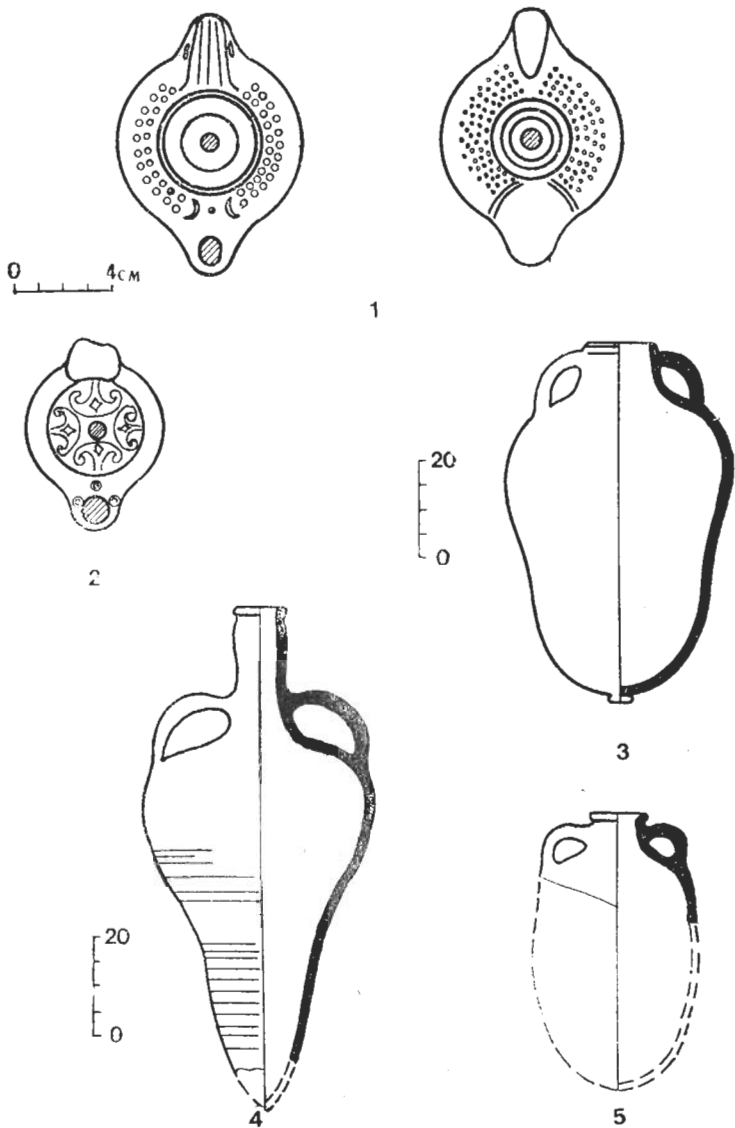

Рис. 32. Светильники Балканской Греции (1—2) и амфоры неизвестных центров (3—5) IV—V вв. н. э.

тарелки с подобным декором был найден в слое с материалами I—III вв.⁷¹ Поэтому представляется более верным относить начало импорта штампованной керамики к рубежу III—IV вв.

В город также поступали большие прямоугольные блюда, покрытые темно-бурым лаком и украшенные на дне различными рельефными сценами, проработанными от руки⁷². Известно, что подобные блюда

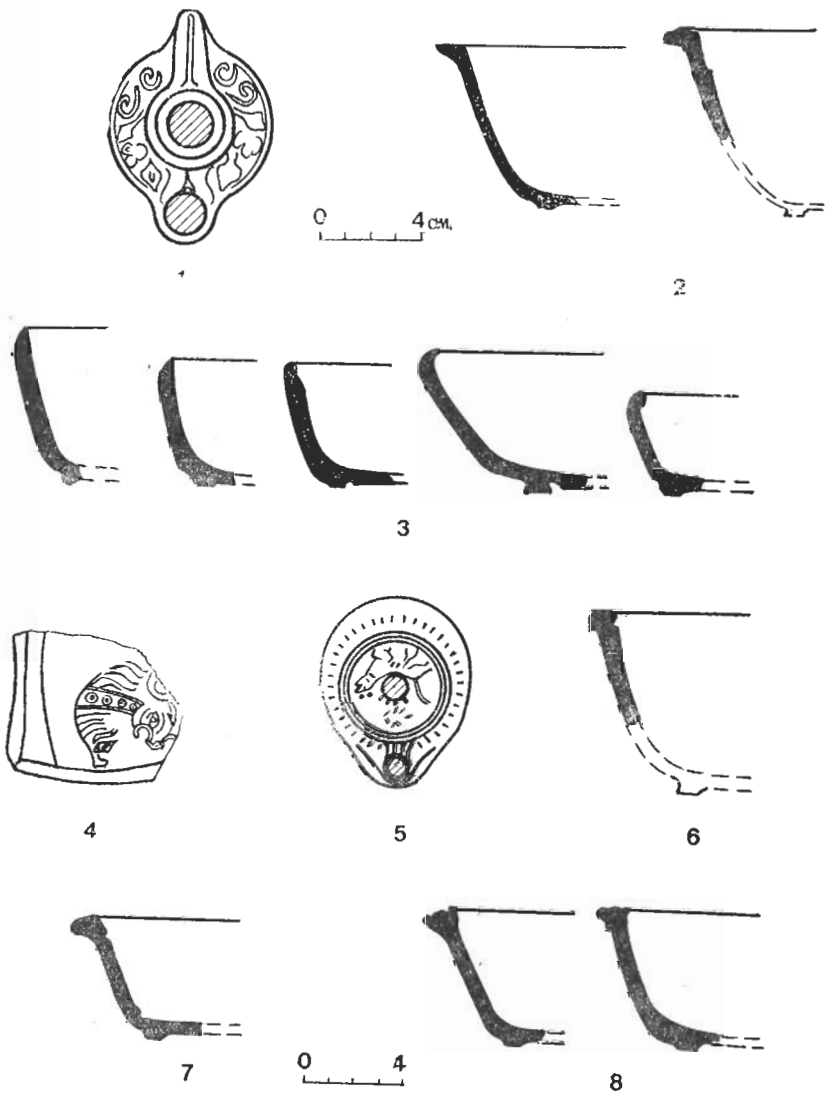

Рис. 33. Керамика и светильники о. Самоса (5), Сирии, Северной Африки и неизвестных центров (2—4, 6—8) IV—V вв. н. э.

часто встречаются в Мавритании, где они, вероятно, и производились⁷³. Вместе с тем следует отметить, что интенсивность связей Херсонеса с Северной Африкой оставалась по-прежнему незначительной (рис. 15).

Масштабы торговли с западными римскими провинциями начали сокращаться, но в первой половине IV в. еще не так заметно, как в конце столетия (рис. 21). В небольшом количестве в Херсонес поступали стеклянные сосуды с рельефными украшениями или фасеточным ор-

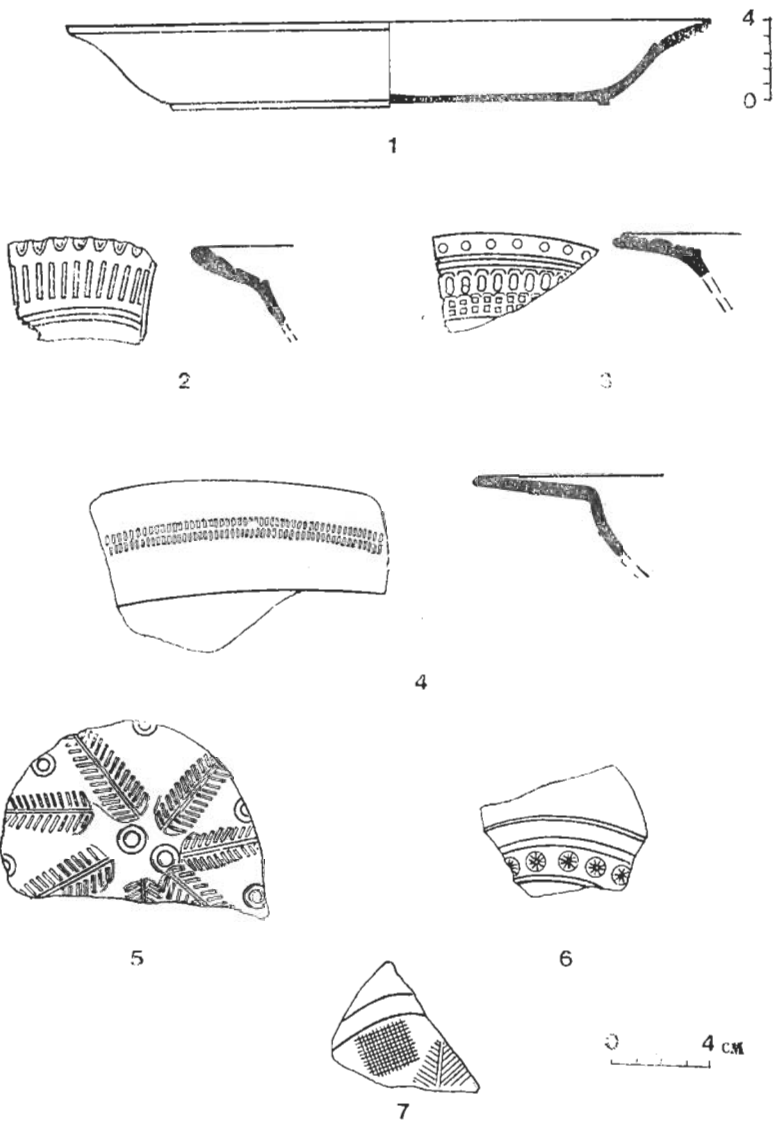

Рис. 34. Керамика из Северной Африки (5—7) и неизвестных центров (1—4) IV в. н. э.

наментом, которые особенно широко производились в Германии⁷⁴. Некоторые привозные чаши и кубки со шлифованными изображениями находят аналогии среди кельнского стекла IV в. н. э.⁷⁵ К импортным изделиям Галлии и других западных провинций могут быть отнесены редкие балзамарии с раздутым туловом, наиболее распространенные в IV в. (рис. 25, 3)⁷⁶. В то же время продолжали поступать фибулы, украшенные эмалью⁷⁷, с луковичными головками⁷⁸. Вероятно, они

изготавливались и в Подунавье, так как в большом количестве встречаются на территории Мезии⁷⁹.

Среди торговых контрагентов Херсонеса были один или несколько городов, откуда с конца III в. ввозились амфоры с расширяющимся книзу корпусом и гладкие остродонные с перехваченным туловом⁸⁰. Кроме Северного Причерноморья, они хорошо известны на Западном берегу Понта⁸¹, но точное место их производства установить не удается. Из других неизвестных центров происходят еще несколько типов амфор, которым сопутствуют материалы IV—VI вв. (рис. 32, 3—5; 35, 1)⁸². Глина отдельных из них напоминает синопскую⁸³, другие типы амфор часто встречаются в Западном Средиземноморье, в частности в Мавритании⁸⁴. Остается невыясненным место производства многочисленных краснолаковых тарелок, украшенных гребенчатым орнаментом (рис. 34, 1)⁸⁵, а также с декором, нанесенным по краям штампом (рис. 34, 2—4)⁸⁶.

Можно полагать, что в первой половине IV в. в Херсонес стала поступать краснолаковая посуда со штампованными изображениями на дне. По характеру декора такая керамика имеет аналогии среди продукции не только Северной Африки, но и Галлии, Бельгики, Паннонии, Афин, Сирии⁸⁷. В последнее время ее стали связывать с районом Малой Азии⁸⁸. Анализ херсонесской посуды этого типа подтверждает сказанное. Особенности изделий указывают, что они производились в разных центрах и мастерских.

Из анонимных центров в Херсонес продолжали ввозить многочисленные рубчатые светильники, отмеченные на доньшках лучевыми розетками или редким клеймом, похожим на рог изобилия⁸⁹. Из Восточного Средиземноморья ввозились желтоглиняные светильники позднегреческого типа с клеймом в виде букв **Е** и **У** по сторонам ветки⁹⁰. Они датируются монетами императоров IV в. При раскопках некрополя и городища встречались и светильники, о которых в отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича сказано как о «малых лампочках крайне грубой работы»⁹¹. Судя по аналогиям и сопутствующим монетным находкам, они появились в конце III—IV вв.⁹², а наибольшее распространение получили в IV — первой половине V вв.⁹³ Находка формы для изготовления таких светильников свидетельствует в пользу их местного производства⁹⁴. Однако часть светильников была импортного происхождения, на что указывают глина с мелкими блестками и ее довольно высокое качество⁹⁵.

События второй половины IV в., связанные с нашествием гуннов, тяжело отразились на положении многих городов и поселений Северного Причерноморья, но, по-видимому, в малой степени затронули Херсонес, который оставался крупным торгово-ремесленным центром, пользовавшимся поддержкой Восточной Римской империи⁹⁶. В город продолжали ввозиться южнопонтийские амфоры с маслом и вином, светильники из мастерских Фракии, проконнесский мрамор, самосская керамика. В херсонесские гавани нередко заходили грузовые торговые суда, направлявшиеся в Константинополь и обратно⁹⁷. Связи с Малой Азией оставались наиболее тесными и интенсивными (рис. 5). При исследовании этих связей источником может служить группа

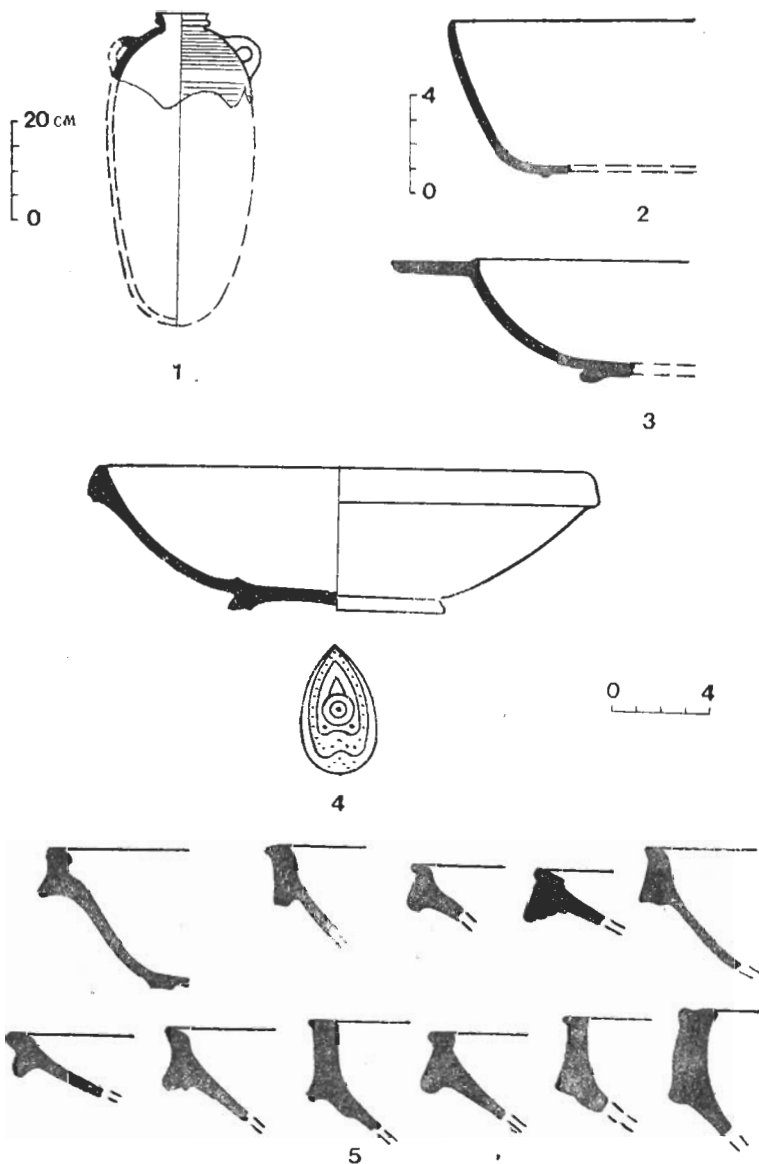

Рис. 35. Краснолаковая посуда Северной Африки (2—3) и керамика неизвестных центров (1, 4—5) IV—V вв. н. э.

изделий, известная в специальной литературе под названием «малоазийские светильники»⁹⁸.

Во второй половине IV в. наиболее характерными в Херсонесе являлись крупные малоазийские светильники с круглым туловом и сужающимся в шейке рожком (рис. 30, 2)⁹⁹. Некоторые из них имеют

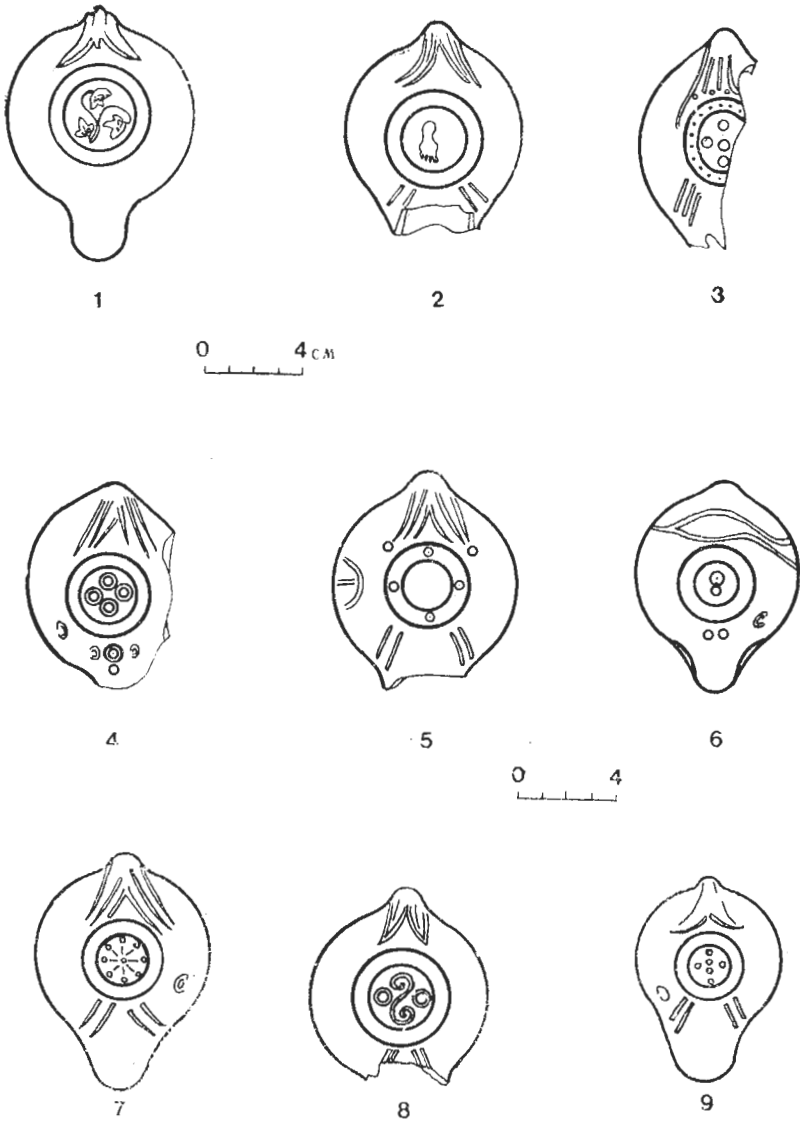

Рис. 36. Клейма на малоазийских светильниках IV—V вв. н. э.

клейма в виде отиска веточки с тремя виноградными листьями (рис. 36, 1)¹⁰⁰ или пары ступней¹⁰¹. В это же время в город ввозились малоазийские светильники других типов, грушевидной, а также яйцевидной формы, с изображениями или имеющие канал в сторону рожка (рис. 30, 1, 8)¹⁰². Некоторые из них отмечены штампом в виде босой правой ступни¹⁰³, вмятины в центре и четырех вмятин поменьше крестна-крест от нее¹⁰⁴.

Продолжала поступать в Херсонес сирийско-палестинская стеклянная, а также гончарная посуда. Последняя иногда украшалась изображениями, сюжеты которых были заимствованы из Евангелия¹⁰⁸.

Аттические светильники второй половины IV в. встречаются в Херсонесе сравнительно редко¹⁰⁶. Их производство в это время стало сокращаться. Наиболее поздние изделия с сигнатурой **ΠΟ** выпускались мастерской, существовавшей в конце IV — начале V вв.¹⁰⁷

Продолжал увеличиваться импорт Северной Африки (рис. 15). В Херсонес ввозились египетские светильники с характерным изображением знака жизни¹⁰⁸ и стеклянные лампадки из прозрачного стекла оливкового оттенка¹⁰⁹. К североафриканским изделиям относятся крупные светильники грушевидной формы из плотной оранжево-красной глины, украшенные полосой мелкого тисненого орнамента на плечах¹¹⁰. Наиболее широко они были распространены в Египте и Ливии, где появились в первой половине IV в.¹¹¹ По материалам последних исследований, центры производства таких светильников были сосредоточены в Александрии и Бизацене¹¹². Оттуда светильники поступали в Западное Средиземноморье (Сицилию, Италию); в восточном районе Средиземного моря они встречаются довольно редко. Однако при раскопках Херсонеса обнаружено 14 или 15 североафриканских светильников; четыре из них могут быть отнесены ко второй половине — концу IV в., когда этот тип светильников получил наибольшее развитие¹¹³.

Характер глины и качество лака некоторых тарелок и мисок из Херсонеса тождественны североафриканским светильникам и позволяют предполагать их производство в тех же центрах (рис. 35, 2—3)¹¹⁴.

Поступала в город и краснолаковая посуда с оттиснутыми на дне штампованными изображениями. Наиболее часто они встречаются на больших низких мисках с утолщенным бортиком (рис. 35, 5)¹¹⁵. Нередко бортик украшен насечками или вдавлинками, также нанесенными штампом¹¹⁶. Некоторые из них по своему внешнему виду, характеру декора и технологии изготовления полностью совпадают с керамикой, производившейся в Александрии и Мавритании¹¹⁷. С. А. Беляев считает, что сосуды данной группы появились не ранее начала V в. н. э., ссылаясь при этом на Ф. Вааге¹¹⁸. Однако последний не отрицал факт их существования в IV в.¹¹⁹ С. А. Беляев также относит к этой группе изделий обломок сосуда с крестом на дне¹²⁰. По наблюдениям Э. Попеску, кресты такой формы принадлежат к наиболее ранним типам и могут быть датированы второй половиной IV — началом V вв.¹²¹ В Херсонесе обломки краснолаковой керамики с подобными штампами изредка встречаются вместе с материалами IV в.¹²² Некоторые из них тоже могут быть отнесены к кругу мавританских изделий¹²³. Последние имеют светло-коричневую окраску с редкими блестящими и покрыты жидким тускло-коричневым лаком. Эти особенности характерны для нескольких фрагментов, один из которых имеет на дне изображение птицы или рыбы, другой — льва, а третий — скачущей лошади¹²⁴. Румынские исследователи датируют посуду с такими штампами не ранее середины V в.¹²⁵ Однако в Херсонесе подобный сосуд был найден в погребении, где наиболее поздними оказались мо-

неты Феодосия I и Аркадия¹²⁶. Другой фрагмент миски с изображением зайцев, бегущих по кругу, имеет аналогию среди мавританской керамики второй половины IV — начала V вв.¹²⁷ Наконец, к наиболее древним относится обломок, орнаментированный христианскими символами — рыбой и зайцем внутри пяти концентрических желобков¹²⁸.

Трудно согласиться с датировкой V в. миски с изображением Доброго Пастыря, предложенной С. А. Беляевым¹²⁹. Подобная керамика происходит из Северной Африки (рис. 33,4), но фрагменты с изображениями фигур из Антиохии и Истрии датируются второй половиной IV — началом V вв.¹³⁰

До настоящего времени еще не установлено место производства многих мисок с клювовидным бортиком, хотя некоторые из них имеют аналогию среди привозной керамики IV—V вв., найденной в Александрии (рис. 35, 4; 33, 2)¹³¹.

Торговля в V в. н. э. Анализ экономических связей города первой половины V в. позволяет отнести Херсонес к значительным торговым центрам. Городу и его купцам были предоставлены определенные привилегии, освобождение от уплаты пошлин¹³². И, видимо, не случайно для определения расстояний между причерноморскими городами северного и западного побережья в V в. основным ориентиром служил Херсонес¹³³. Особенно интенсивно велась торговля с Малой Азией (рис. 5). Оттуда ввозились краснолаковые миски с чуть загнутым внутрь бортиком¹³⁴ и светильники (рис. 30, 3, 6)¹³⁵. Наиболее многочисленны в Херсонесе небольшие малоазийские светильники, украшенные тремя-четырьмя рядами бугорков (рис. 30, 5)¹³⁶.

В отдельных случаях бледно-желтый цвет глины и пятнистый жидкий лак позволяют отнести светильники к пергамскому кругу изделий¹³⁷. Клейма, которыми они снабжены, имеют вид кружков (рис. 36, 3—6, 9)¹³⁸. Х. Менцель отмечает, что данная форма получила самое широкое распространение в V в.¹³⁹ Другие исследователи относят их к более позднему времени¹⁴⁰. К этим светильникам примыкают изделия с грушевидным туловом и семилепестковой пальметтой на шейке рожка, тоже отмеченные клеймами (рис. 30, 4; 36, 3, 7)¹⁴¹. Находки таких светильников в комплексах с монетами IV—V вв., Юстиниана I и ранневизантийской краснолаковой керамики позволяют отнести их к V—VI вв. н. э.¹⁴² На афинской агоре они известны в слоях V—VI вв.¹⁴³ Другие светильники этой же группы отличаются разнообразной орнаментацией плеч, состоящей из нескольких рядов бугорков, виноградной лозы, рельефного волнистого орнамента или треугольников и кружков с точкой посередине¹⁴⁴. Иногда они украшены изображениями розетки, животных, в которых можно узнать льва или лежащего зайца. Часть этой продукции отмечена клеймами в виде босой правой ступни или двойной вертикальной волюты (рис. 36, 2, 8)¹⁴⁵.

Следует отметить, что ввоз малоазийских светильников особенно увеличился в V в. Большая часть амфорной тары V в. тоже привозилась преимущественно из Малой Азии¹⁴⁶. Это может служить подтверждением данных эпиграфических источников о регламентации тесных торговых сношений Херсонеса с восточными областями Римской империи при Феодосии I, Гонории и Аркадии¹⁴⁷. Вместе с тем в V в.

в этих связях произошли определенные изменения. Например, уменьшился импорт из самосских гончарных мастерских (рис. 6). Он представлен амфорами прежних типов и редкими светильниками из характерной глины с множеством блесток слюды. Один из них напоминает мадоазийские светильники V в. (рис. 30, 7)¹⁴⁸. Монеты императоров Феодосия и Аркадия являются наиболее поздними из найденных вместе с ним¹⁴⁹. Поэтому светильник может быть датирован началом V в. н. э. Другой светильник, обнаруженный в цистерне с материалами св. IV — V вв., напоминает сирийско-палестинские изделия (рис. 33, 5)¹⁵⁰.

Связи с Грецией в это время уже не прослеживаются, а объем североафриканского импорта в начале V в. достиг, очевидно, наибольших размеров (рис. 15). На рубеже IV—V вв. в Херсонес еще поступали украшения из египетского фаянса, но в очень малом количестве. Вскоре они вообще исчезают. Число же североафриканских светильников в это время удвоилось¹⁵². На принадлежность их к V в. указывают особенности формы и декора изделий. В то время они украшались христианскими символами или сюжетами из Библии и Евангелия¹⁵³. Встречаются они и на экземплярах из Херсонеса (рис. 13, 1)¹⁵⁴. В город продолжали поступать краснолаковые миски с клювовидным бортиком, которые по условиям находок могут быть датированы не ранее V в.¹⁵⁵ и напоминают североафриканскую керамику. Встречаются миски с характерной формой края, изготовлявшиеся в египетских мастерских и известные с V в. в Антиохии (рис. 33, 7—8)¹⁵⁶. Ввозились краснолаковые тарелки или миски с валикообразным бортом, иногда на высоком поддоне (рис. 13, 3)¹⁵⁷. Редкое исключение представляет собой фрагмент тарелки, покрытой плотным блестящим ангобом (рис. 13, 4)¹⁵⁸. Светло-коричневая глина с мелкими блестками, из которой она сделана, имеет аналогии среди мавританской керамики, а форма известна среди местной продукции Египта и Нубии¹⁵⁹. Оттуда же происходят фрагменты краснолаковых тарелок и мисок, найденных в комплексе с монетами V—VI вв. (рис. 13, 2)¹⁶⁰. К этому времени относится большая часть посуды со штампованными изображениями двойных волют, ромбов, «плетенки», стилизованных животных, птиц и рыб¹⁶¹. Довольно многочисленны штампы в виде монограммных крестов с открытым или закрытым завитком в виде «р», с двумя или четырьмя кружками в углах пересечения креста, и апокалиптическими буквами Λ и Ω ¹⁶². Вероятно, местом производства подобной керамики являлась не только Северная Африка.

Из неизвестных центров в Херсонес доставлялись разнообразные амфоры¹⁶³, а также архитектурные детали¹⁶⁴. Последние говорят об известном благосостоянии города, который мог позволить себе расходы на приобретение мраморных деталей для ордерных зданий. Подавляющее большинство привозных карнизов, колонн и капителей было сделано из проконнесского мрамора и находит аналогии в Константинополе и городах Византийской империи¹⁶⁵.

Особенностью херсонесской внешней торговли второй половины V в. явилось то, что ее развитие проходило в условиях экономического подъема города. С середины V в. началось расширение территории херсонесского городища¹⁶⁶, связанное, очевидно, с ростом населе-

ния. Ремонтировались оборонительные стены и башни¹⁶⁷, интенсивно строились здания, базилики с мозаичными полами¹⁶⁸. Свидетельством укрепления товарно-денежных отношений в Херсонесе явилась чеканка с конца 80-х гг. собственной монеты¹⁶⁹. Эти условия обеспечили успешное и стабильное ведение херсонесской внешней торговли. Следует отметить, что находившийся здесь в 460—477 гг. ссыльный александрийский епископ Тимофей Элур поддерживал постоянные связи со своими сторонниками в Сирии, Египте, Константинополе, Томе и других городах Византии¹⁷⁰, пользуясь для этого, очевидно, часто заходившими в Херсонес торговыми кораблями. Показательно, что город продолжал получать импортные товары из тех же областей Восточной Римской империи, с которыми он был связан в IV — начале V вв. Главной оставалась ориентация на южнопонтийские центры.

Кроме описанных типов малоазийской краснолаковой посуды и светильников, в Херсонес стали поступать грушевидные светильники с четырехлепестковой пальметтой на ножке, разделенной пополам узким каналом¹⁷¹. Недавно найденный фрагмент подобного светильника может быть отнесен к изделиям мастерских пергамского круга¹⁷². Но особенно широко представлена в Херсонесе посуда, украшенная штампованными крестами. Как правило, это фрагменты больших мисок или тарелок. На некоторых из них отиснуты простые греческие кресты с раздваивающимися концами, иногда в сочетании с буквами А и Ω¹⁷³. Г. Папук считает, что кресты такой формы принадлежали изделиям, относящимся к 440—490 гг.¹⁷⁴ Штампованная керамика встречается в Херсонесе до второй половины VII в. включительно¹⁷⁵. Можно предположить, что все это время в числе ее экспортеров были одни и те же центры, хотя после вандальского завоевания Северной Африки в 30-х гг. V в. торговля с ней должна была сократиться¹⁷⁶.

Наряду с посудой в Херсонес поступали новые типы амфор, число которых особенно увеличилось к концу V в.¹⁷⁷ Почти все они обнаруживают сходство с западно-причерноморскими находками и производились в различных центрах Византии¹⁷⁸.

Сказанное позволяет заключить, что в IV—V вв. Херсонес был центром, экономика которого в немалой степени зависела от состояния внешней торговли. При этом собственное производство города выходило за рамки обеспечения населения и основывалось на относительно широких товарных отношениях. До гуннского нашествия Херсонес периодически мог вывезти зерно, но главной экспортной статьёй являлись рыба и рыбопродукты. Ассортимент херсонесского импорта существенно не изменился. Город постоянно ввозил оливковое масло, вина, керамические изделия. Ведущим направлением внешней торговли являлись Вифиния, Пафлагония и другие районы Малой Азии. Для поддержания связей служили порты или расположенные недалеко от побережья центры, которые были соединены с этими районами торговыми дорогами. Кроме Синопы и Гераклеи, особое значение, очевидно, имели Никомедия и Константинополь. С 292 г. н. э. Никомедия и дороги, ведущие к ней, приобрели первостепенную важность, а с 330 г. этот крупнейший порт оказался непосредственно свя-

зан прямой магистралью с Константинополем, что еще более увеличило его роль как торгового посредника с Малой Азией¹⁷⁹. Не исключено, что многие товары, поступавшие в указанное время из неизвестных центров, являлись изделиями малоазийских мастерских.

Не прерывались связи с районом Пропонтиды, откуда продолжали ввозить мрамор и архитектурные детали. В IV в. новый подъем наступил в торговле с о. Самосом, которая вскоре ослабла в V в. До конца IV в. сохранялись торговые связи с Грецией, откуда поступали аттические и коринфские светильники. Однако из-за конкуренции со стороны аттических мастерских объем экспорта Коринфа был невелик. Своего высшего подъема достигла торговля с Сирией и Палестиной, где наиболее крупным контрагентом Херсонеса в торговле являлась Антиохия-на-Оронте. Кроме традиционных стеклянных изделий и парфюмерии, отсюда ввозились светильники и гончарная посуда. В IV в. в Херсонесе начал увеличиваться объем импорта краснолаковой керамики, происходившей из мастерских Северной Африки. Особенно он возрос во второй половине IV — начале V вв. н. э., когда, помимо столовой посуды, в его состав вошли светильники. Большая часть этой керамики производилась в Египте, в частности Александрии, а также в Карфагене и других центрах Триполитании, Бизацены и Мавритании. Очевидно, североафриканские товары попадали в Херсонес через Константинополь, который вел обширную торговлю и поддерживал очень тесные связи с Александрией¹⁸⁰. Наиболее прочными эти связи представляются в начале V в. вплоть до завоевания Северной Африки вандалами. Но общий объем североафриканского импорта в Херсонесе был невелик, что можно объяснить непрямым характером торговли, дальностью и трудностью доставки товаров.

Не следует недооценивать масштабы торговли с Западным берегом Понта, экономические контакты с которым существовали вплоть до VI в. н. э. Несмотря на варварские нашествия, изменившиеся внутренние и внешние условия, такие портовые центры, как Томи, Одесс, Истрия, Месембрия, продолжали поддерживать связи с причерноморскими и малоазийскими городами¹⁸¹. Во Фракии и Мезии существовали крупные керамические центры, продукция которых встречается в Херсонесе. Кроме того, до V в. Подунавье служило транзитной территорией, по которой переправлялись товары западных провинций. Но эта торговля никогда не была особенно значительной, хотя и занимала более важное место в торговле Херсонеса, чем представлялось до недавнего времени.

Таким образом, в IV—V вв. н. э. интенсивность торговли города с Причерноморьем и Средиземноморьем изменилась, но экономические контакты не прервались. Город находился на перекрестке важных торговых путей и к тому же имел хорошие гавани и порт. Это помогло ему сохранить значение центра торговли и товарного производства в сложный период внешних и внутренних потрясений античного мира.

3

ТОРГОВЛЯ ХЕРСОНЕСА С АНТИЧНЫМИ ГОРОДАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ТУЗЕМНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ КРЫМА

ближайшими торговыми партнерами Херсонеса являлись античные города Северного Причерноморья. В силу своего географического положения Херсонес служил транзитным портом для кораблей, следующих из Тиры и Ольвии на Боспор и в обратном направлении. Еще более тесными были экономические связи Херсонеса с туземным населением Таврики. Но если туземное население было торговым контрагентом города на протяжении всего исследуемого периода, то по ряду внешнеполитических причин торговля Херсонеса с античными центрами данного региона почти или окончательно прекратилась в III—IV вв. н. э.

1. Торговля с античными городами

Торговля с Ольвией и Тирой. Напряженная военно-политическая обстановка конца II в. до н. э., вызванная попытками скифов захватить северопричерноморские города, самым неблагоприятным образом сказалась на развитии торговли между ними. Создавшееся положение нашло отражение в нумизматических материалах. Ольвийские монеты рубежа II—I вв. до н. э., монеты Тиры составляют в Херсонесе самую незначительную часть¹. Только после поражения скифов и присоединения Ольвии к державе Митридата Евпатора эти города стабилизировали свои связи, о чем свидетельствуют эпиграфические данные² и находки херсонесских тетрахаков 90—63 гг. в Ольвии³. Нападение гетов на Ольвию нарушило развитие торговли, но ненадолго — уже в 40-х гг. здесь вновь появляются монеты Херсонеса⁴. Они встречаются до конца столетия и затем снова исчезают, что говорит о слабости и неустойчивости экономических контактов между обоими городами. Следует отметить, что ольвийские монеты известны в Херсонесе только со второй половины I в. н. э.⁵, т. е. со времени освобождения Ольвии от скифов. О низком качестве ольвийских

товаров можно судить по высказываниям самих ольвиополитов, приведенным в Борисфенитской речи⁶. Из других центров, в том числе Херсонеса, они также получали изделия и продукты далеко не лучших образцов. Ольвиополиты называли их не иначе как «дрянные тряпье и скверное вино». На наш взгляд, состояние торговли Херсонеса с Ольвией могло улучшиться лишь во второй половине II — начале III вв. Не случайно именно к этому времени относятся известный декрет в честь Феокла и находки в Ольвии около четырех десятков монет, большинство которых, судя по описанию, аналогично херсонесским монетам эпохи элевтерии⁷. Немногие тирские монеты, найденные в городе, а также херсонесские, обнаруженные в Тире, тоже датируются первой половиной III в.⁸ Но такое укрепление торгово-экономических связей было непродолжительным. Наиболее поздние монеты Ольвии и Тиря, обнаруженные в Херсонесе, датируются 30-ми гг. III в. н. э.⁹ О торговле Херсонеса с указанными центрами в последующее время мы не располагаем данными, хотя Тира и Ольвия еще существовали¹⁰.

Торговля с Боспором. В начале I в. до н. э. херсонесско-боспорские связи носят относительно устойчивый характер. На 100—90 гг. до н. э. приходится наибольшее количество боспорских монет в Херсонесе¹¹. Представляется, не случайно именно к этому времени относится находка в Нимфее драхмы из последнего выпуска херсонесских серебряных монет¹². С началом войн Митридата VI с Римом связи с Боспором ослабли, но не прервались полностью. Это подтверждает сокращение количества боспорских монет в Херсонесе¹³. Военные действия, предпринятые Римом, отрицательно сказались на состоянии торговли Херсонеса с Малой Азией. Поэтому можно предположить, что для пополнения запасов оливкового масла и других импортных товаров город вынужден был прибегать к посредничеству Боспора, который получал их из Колхиды¹⁴. Однако упадок боспорских городов и поселений, особенно в середине I в. до н. э., постепенно привел к почти полному прекращению этой торговли¹⁵. Подъем экономики Боспора в период правления Асандра (47-17 гг. до н. э.), способствовали оживлению торговли, в том числе и с Херсонесом. Можно отметить, что около 30 % всех найденных в городе боспорских монет I в. до н. э.—IV в. н. э. приходится на годы правления Асандра и Полемона I¹⁶.

Не исключено, что в I—II вв. Херсонес получал продукцию боспорских промыслов. Отдельные фрагменты амфор, встречающиеся при раскопках города, по особенностям глины и формы могут быть отнесены к боспорским изделиям I—II вв. (рис. 37, 1)¹⁷. Следовательно, в Херсонес поступало боспорское вино, а возможно, и другие продукты.

Экспорт херсонесской керамики на Боспор, по-видимому, был невелик. Т. Н. Книпович считала херсонесскими некоторые единичные краснолаковые сосуды, обнаруженные в Тиритаке¹⁸. Вероятно, привозилась и простая кружальная керамика. Так, редкие на Боспоре ойнохой с вытянутым туловом и характерным дном известны в Херсонесе (рис. 37, 3)¹⁹.

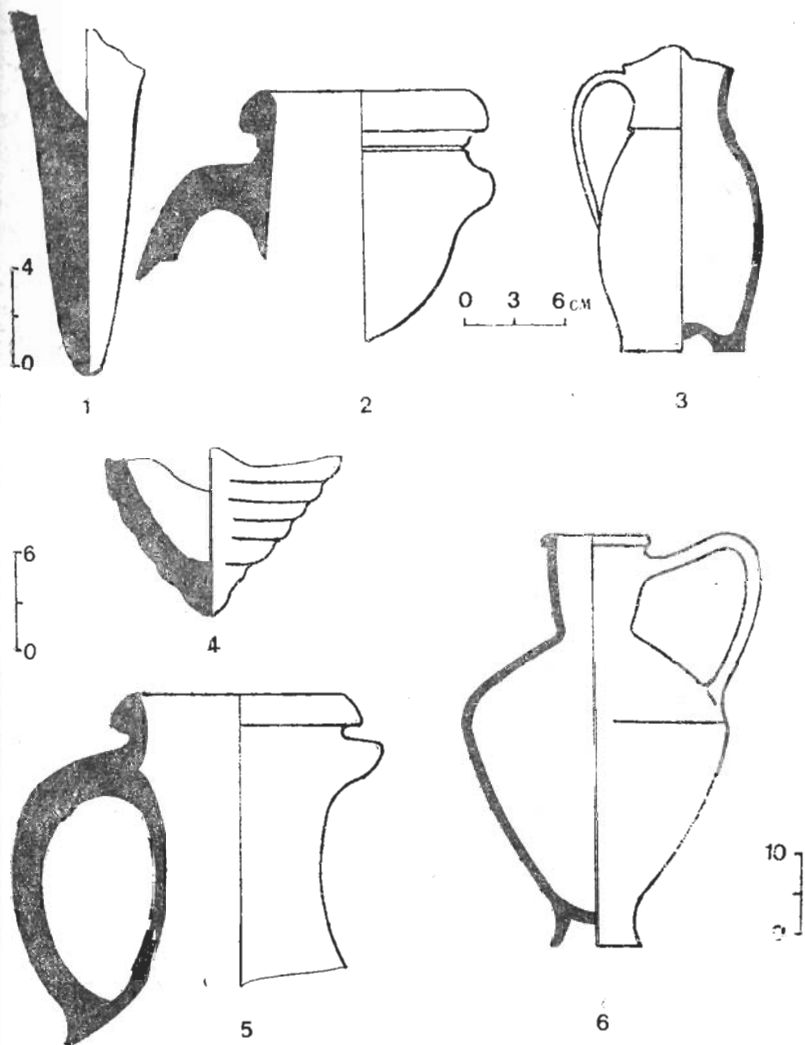

Рис. 37. Керамика Боспора (1—2, 4—5), Херсонеса (3) и анонимных центров (6) I—III вв. н. э.

Косвенным подтверждением существовавших торговых связей могут служить нумизматические источники, представленные в Херсонесе всеми монетными выпусками боспорских правителей I—II вв.²⁶, что указывает на регулярные и стабильные отношения.

Позднее увеличился экспорт боспорских амфор нескольких типов. Большинство из них аналогично амфорам II—III вв. с Европейского Боспора (рис. 19, 3; 37, 2, 4—5)²¹. Наконец, в Херсонесе есть точные аналогии стеклянным кувшинам боспорского производства второй половины II — первой половины III вв.²²

Об интенсивной торговле с Боспором в это время свидетельствуют монеты Савромата II (174—210) и Рескупорида III (210—226), которые встречаются в Херсонесе в значительно большем количестве, чем монеты предшествующих правителей²³. В свою очередь, на Керченском полуострове было найдено несколько херсонесских тетрадрасмиев 211—217 гг. н. э.²⁴.

В IV в. н. э. Херсонес продолжал поддерживать торговые связи с Боспором, но в меньшем объеме²⁵, так как Боспор переживал упадок и даже прекратил выпуск монет²⁶. Нашествие гуннов в конце IV в.²⁷ видимо, окончательно разрушило эти связи. В V в. только Пантикапей продолжал еще существовать как ремесленный и торговый центр²⁸. По мнению некоторых исследователей, с Боспора в Херсонес в указанное время в очень небольшом количестве привозились серебряные позолоченные фибулы, иногда инкрустированные цветными стеклами²⁹.

Изложенное позволяет заключить, что в первой половине I в. до н. э. крупные северопричерноморские центры поддерживали экономические связи с Херсонесом. Военные действия римлян на Южном берегу Понта в 80—60-х гг. до н. э., блокада морских путей в Средиземноморье вынудили Херсонес укрепить торговые связи с ближайшими партнерами — Ольвией, Тирой и городами Боспора. К середине столетия торговля почти полностью прекратилась, но в дальнейшем (приблизительно с 40-х гг. до н. э. и до середины III в. н. э.) она развивается без особых помех. Однако ее масштабы и степень влияния на экономику Херсонеса были невелики. После резкого спада торговли во второй половине III в. она возобновляется только с боспорскими городами. Возможно, Херсонес поддерживал связи с некоторыми из них в V в., однако у нас нет оснований говорить об этом с уверенностью.

2. Торговля Херсонеса с туземным населением Таврики

Изучение археологических материалов многочисленных позднескифских городищ и селищ юго-западной части Крымского полуострова не оставляет сомнений в том, что Херсонес имел с ними прочные торговые связи. Главным объектом херсонесского импорта являлись хлеб и другие продукты³⁰. Ближайшая сельская округа на Гераклеонском полуострове производила в основном виноград³¹. И если в первую очередь нашей эры здесь произошло некоторое расширение посевных площадей зерновых³², оно все же не могло полностью решить продовольственный вопрос: хлеб был необходим горожанам и римскому гарнизону. Северо-Западный Крым — основной поставщик зерна Херсонесскому государству, по-видимому, был утрачен к этому времени³³. Напряженная обстановка, столкновения со скифами за обладание этим районом препятствовали налаживанию устойчивой торговли, хотя имеются свидетельства, что херсонесская керамика в небольшом количестве встречается в Керкинитиде и Калос Лимен³⁴, а также в городищах Беляус³⁵, Кульчук и поселении Марьино I³⁶. Но эта керамика не может быть с уверенностью датирована римским временем.

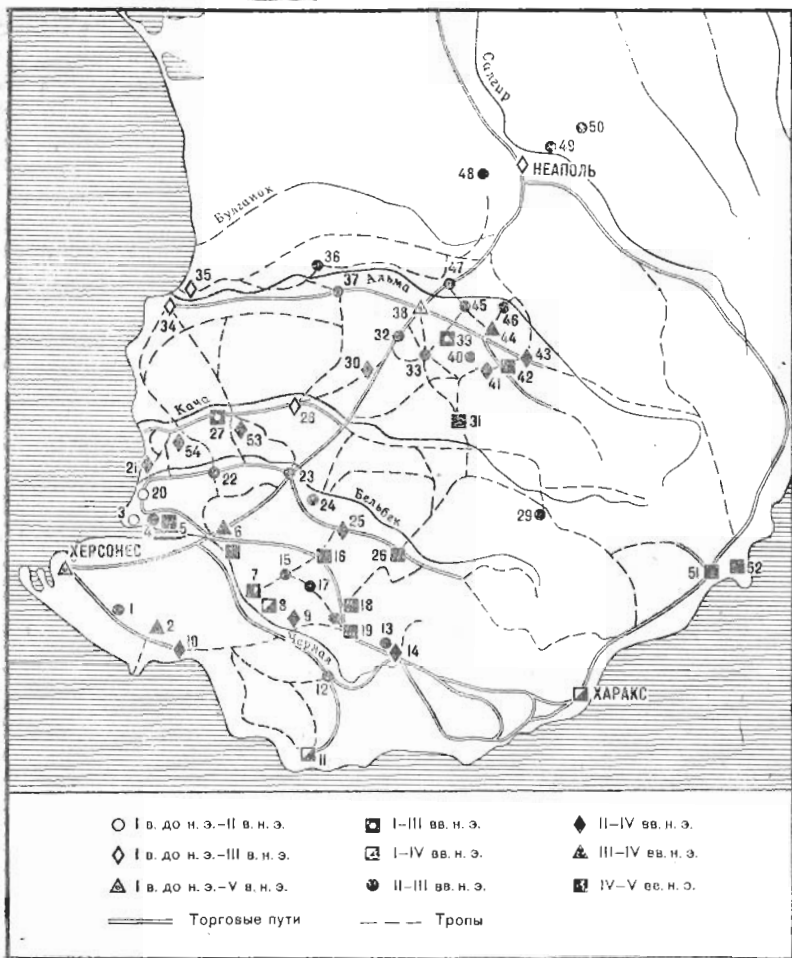

Рис. 38. Вещи и монеты, поступавшие на территорию Юго-Западного Крыма из Херсонеса

Таким образом, достоверные данные о существовании торговых связей Херсонеса с указанным районом в первые века нашей эры отсутствуют.

Усилия городских торговцев, владельцев промыслов и мастерских, вероятно, сосредоточились на укреплении связей с близлежащей округой. Необходимость пополнения запасов продовольствия и сырья заставляли Херсонес развивать торговлю с туземным населением Юго-Западного Крыма. Существовавшие здесь зерновое хозяйство и виноградарство носили товарный характер³⁷. Отсюда же могли поступать мед и воск³⁸. Кроме того, Херсонес нуждался в различных продуктах местного скотоводства.

В I в. до н. э. город только начал налаживать экономические контакты с населением Юго-Западного Крыма. Эти связи стали более тесными к концу века, особенно в северо-восточном направлении, в долине третьей гряды Крымских гор. Так, на Северной стороне Севастополя (рис. 38, 3) встречается малоазиатская, в частности пергамская керамика I в. до н. э., имеющая аналогии в Херсонесе³⁹. Оттуда же происходят стеклянная посуда I в. н. э. и глиняный светильник, очевидно, этого же времени⁴⁰. Но наиболее интенсивные связи существовали с районом нижнего течения р. Бельбек, где обнаружено несколько могильников I — начала IV вв. н. э. (рис. 38, 20 — 22, 24)⁴¹. Судя по материалам могильников, местное население получало из Херсонеса разнообразные изделия, самые ранние из которых датируются концом I в. до н. э. Амфоры (за исключением одного экземпляра херсонесского производства I в. н. э.⁴²) представлены хорошо известными в Херсонесе привозными типами амфор II—III вв.⁴³, очевидно, южно-понтийского происхождения. Встречается посуда и херсонесская. Она довольно однообразна: преобладают округлые миски⁴⁴, горшочки⁴⁵ и кувшины⁴⁶; реже — кухонные кастрюли⁴⁷, тарелки⁴⁸, чашки с косыми стенками⁴⁹ и двуручные кубки, иногда расписанные белой краской⁵⁰. Подавляющее большинство посуды — из бельбекских могильников малоазиатского происхождения. Поскольку она находит полные аналогии в Херсонесе, можно предположить, что ее доставляли именно оттуда. Особенно обильным экспорт становится в конце I—II вв., что совпадает по времени с общим подъемом херсонесской торговли. Обращает на себя внимание большое число находок пергамской и самосской краснолаковой посуды (табл. 2, 1). Итальянская керамика, напротив, почти не встречается⁵¹. К редким находкам относятся два светильника, один из которых малоазиатского происхождения⁵². Местное население получало из Херсонеса стеклянную посуду, количество которой стало увеличиваться во II—III вв. Больше всего

Таблица 2

Соотношение находок импортной краснолаковой керамики на поселениях и в могильниках Юго-Западного Крыма

Период	Малая Азия и Пергам	Самос	Херсонес	Неустановленный	Всего
<i>1. Могильники Бельбек II—IV (раскопки 1966—1975 гг.)</i>					
I—II вв.	69	21	12	7	112
II—III вв.	8	—	15	16	39
<i>2. Могильники Озерное I—III (раскопки 1959—1969 гг.)</i>					
I—II вв.	21	5	13	6	45
II—III вв.	3	—	27	12	42
<i>3. Могильник и городище Алма-Кермен (раскопки 1954—1969 гг.)</i>					
I—II вв.	43	9	10	6	68
II—III вв.	7	—	14	9	30

этих изделий обнаружено в могильниках Бельбек I и Бельбек II⁵³. Наряду с херсонесской эти находки представлены средиземноморской, в частности сирийской продукцией. За исключением бус и подвесок из египетского фаянса, остальные украшения херсонесского производства: бронзовые браслеты⁵⁴, подвески⁵⁵, амулетники⁵⁶, золотые серьги из витой проволоки⁵⁷, золотые погребальные венки⁵⁸. Очевидно, из Херсонеса привозили деревянные шкатулки⁵⁹ и костяные пиксиды⁶⁰.

С конца I в. до н. э. Херсонес вел также торговлю с населением Качинской долины. Об этом свидетельствуют находки амфор, черепицы и краснолаковой посуды, в том числе малоазийской, на поселении у с. Суворовка (рис. 38, 27) и Краснозоринском городище в нижнем течении р. Качи (рис. 38, 28)⁶¹. В количественном отношении эти находки заметно уступают материалам из бельбекских могильников.

Более оживленными представляются связи Херсонеса с населением долины р. Бодрак. Раскопки озернинских могильников (рис. 38, 39—41) показали, что торговля с данным районом велась с рубежа нашей эры вплоть до IV в. н. э. В I в. н. э. сюда экспортировалась главным образом малоазийская, пергамская и самосская керамика, аналогичная керамике из Херсонеса и долины р. Бельбек⁶². Во II в. н. э. она исчезает, но увеличивается ввоз херсонесской продукции, который продолжался и в III в. (табл. 2, 2). Среди посуды, изготовленной в Херсонесе, — миски с округлыми стенками⁶³, кувшины⁶⁴, горшочки⁶⁵, конические чашки⁶⁶. Обращает на себя внимание отсутствие амфор I—II вв. Они появляются только в III—IV вв. и представлены двумя южнопонтийскими типами⁶⁷. Стекланные изделия здесь очень редки, но их количество возрастает в IV в.⁶⁸ Наряду с импортными фибулами, в частности украшенными эмалью, в могильниках встречается множество простых бронзовых коленчатых фибул, браслетов с перевитыми концами и подвесок, хорошо известных в Херсонесе⁶⁹. Вероятно, оттуда же доставлялись деревянные шкатулки и пиксиды для румян.

Одно из поселений, с которым вел торговлю Херсонес, — городище Алма-Кермен в среднем течении р. Альмы (рис. 38, 38). Материалы городища и расположенного поблизости могильника свидетельствуют об интенсивном ввозе малоазийской и самосской краснолаковой посуды I в. н. э. Почти вся она по форме и клеймам имеет аналогии в Херсонесе. Большое сходство обнаруживают миски⁷⁰, кувшины⁷¹, тарелки⁷², горшочки⁷³, кастрюли⁷⁴. В целом состав импорта совпадает с материалами из Бельбекской долины (табл. 2, 3). Амфоры, обнаруженные на Алма-Керменском городище, также хорошо известны в Херсонесе во II—III вв.⁷⁵ Среди украшений преобладает продукция херсонесских мастерских: бронзовые браслеты, подвески, нашивные бляшки⁷⁶, золотые, серебряные и бронзовые гофрированные трубчатые бусы⁷⁷, золотые наглазники и нагубники⁷⁸. Бусы и подвески из египетского фаянса, так называемые провинциально-римские фибулы⁷⁹, тоже имеют аналогии в Херсонесе, откуда они поступали вместе с деревянными шкатулками и костяными пиксидами⁸⁰.

По-иному развивались связи города с населением нижнего течения р. Альмы. Краснолаковая и простая посуда I в. до н. э. — III в. н. э.,

обнаруженная на Усть-Альминском городище и в могильнике (рис. 38, 34), иногда имеет аналогии среди херсонесских форм. Но по характеру глины (примесь слюды) она отличается от херсонесской. Поэтому к продукции Херсонеса могут быть отнесены лишь отдельные изделия⁸¹. Ввоз малоазиатской керамики был также невелик. Полное сходство с посудой из Херсонеса имеют только отдельные образцы самосских тарелок⁸². Это объясняется, по-видимому, тем, что на городище существовало собственное гончарное производство, о чем свидетельствуют остатки керамического шлака и гончарных печей⁸³. В I в. до н. э.— III в. н. э. сюда поступали амфоры нескольких типов, хорошо известные среди импорта Херсонеса⁸⁴. Не исключено, что из Херсонеса привозились перстни с геммами, бронзовые фибулы, украшенные эмалью⁸⁵. Но в целом эти связи были незначительными.

Конечный пункт херсонесской торговли в Юго-Западном Крыму — Неаполь Скифский. Его торговыми партнерами были Ольвия, Керкинитида, Калос Лимен, Боспор, что затрудняет определение роли Херсонеса в торговле Неаполя. Следует также учитывать, что в городе существовали свои косторезное, бронзолитейное и гончарное производства⁸⁶.

В I в. до н. э. торговля Херсонеса с Неаполем не была стабильной⁸⁷. Но к концу столетия она стала укрепляться и в целом развивалась без особых помех.

В город ввозилась херсонесская краснолаковая посуда, представленная кувшинами и мисками с округлыми стенками⁸⁸. В конце II — первой половине III вв. н. э. в районе Неаполя и на самом городище встречаются амфоры, вероятно, херсонесского производства⁸⁹. Бронзовые браслеты с шишечками, а также с перевитыми концами; колокольчики и подвески в виде человеческих фигурок, найденные в Неаполе, могли изготовляться не только там, но и в Херсонесе⁹⁰. Типично херсонесской продукцией являлись некоторые бронзовые подвески⁹¹, амулетницы-трубочки с ушками⁹². Можно предположить, что через Херсонес, имевший связи с Мезией, Фракией и западными римскими провинциями, в Неаполь попадали редкие вещи импортного производства: бронзовые италийские светильники⁹³, фибулы типа «Авцисса» и украшенные эмалью⁹⁴.

Кроме херсонесских, в Неаполе известны амфоры других центров, однако установить, какие именно попали сюда через Херсонес, сложно. Поставщиками амфор могли быть и другие города Северного Причерноморья.

Новое расширение экономических связей Херсонеса в северо-восточном направлении произошло во II — первой половине III вв. В определенной мере это объясняется продвижением римских отрядов в глубь Крыма и возникновением новых поселений. Керамика, редкие херсонесские и римские монеты II—III вв. были найдены в районе Радиогорки, сел Верхне-Садовое и Красный Мак (рис. 38, 4, 23, 25)⁹⁵. Но особенно интенсивно стали развиваться контакты Херсонеса с населением междуречья Альмы, Качи и Бодрака. В селах Долинное, Дорожное, на городищах Балта-Чокрак, Заячьё, Карагач, гора Чабовского встречаются римские монеты и фрагменты амфор — III вв. (рис. 38, 30, 32, 33, 36—37, 43, 53—54)⁹⁶. Керамика херсо-

несского производства преобладает в Скалистинских могильниках II—V вв. (рис. 38, 42, 44—46)⁹⁷. Но малоазийских изделий здесь значительно меньше, чем в низовьях Бельбека или среднего течения р. Альмы. Среди украшений выделяются своим количеством бусы из египетской пасты, фибулы с эмалью, аналогичные херсонесским, подвески, браслеты, амулетницы, многие из которых также происходят из Херсонеса⁹⁸. Амфоры из Скалистинских могильников привозные и не только из Херсонеса, но и с Боспора⁹⁹.

Другое направление херсонесской торговли в Крыму с I в. н. э.—юго-восточное. Исследование материалов могильника у совхоза «Севастопольский» (рис. 38, 8) показывает, что около половины найденных здесь амфор являются херсонесскими¹⁰⁰. Остальные имеют аналоги среди тех типов амфор, которые поступали в Херсонес главным образом в конце I—III вв.¹⁰¹ Довольно многочисленны в могильнике одноручные кувшины на высоком поддоне II—III вв. (рис. 37, б)¹⁰², хорошо известные в западнопонтийских центрах¹⁰³.

Преобладает в могильнике у совхоза «Севастопольский» гончарная посуда херсонесского производства. Обращает на себя внимание ее однообразный ассортимент¹⁰⁴. Эту продукцию дополняет малоазийская, самосская и другая импортная керамика I—IV вв.¹⁰⁵ За исключением отдельных образцов, она имеет много общего с посудой, экспортировавшейся Херсонесом в долины Бельбека, Альмы и Бодрака¹⁰⁶. Единичными находками в могильнике представлены терракотовые статуэтки херсонесского производства¹⁰⁷ и бронзовая посуда¹⁰⁸. Но в значительном количестве сюда привозились изделия из стекла¹⁰⁹. Часть их может быть отнесена к продукции сирийских, палестинских и других мастерских¹¹⁰. Несколько сосудов, подобных образцам из Херсонеса, относятся к изделиям итальянского круга (рис. 16, 2)¹¹¹. Возможно, к херсонесской продукции принадлежат многочисленные кувшины, украшенные стеклянной нитью, и простые кубки на кольцевом поддоне¹¹². Судя по сопутствующему материалу, их экспорт в Инкерманскую долину особенно интенсивным был в III—IV вв.

Херсонесскими являются многие бронзовые подвески, амулетницы, найденные в могильнике¹¹³. Исследование фибул, браслетов и колокольчиков показало, что они изготовлялись из тех же материалов и в той же технике, что и аналогичные изделия из Херсонеса¹¹⁴. Вероятно, из Херсонеса привозили деревянные шкатулки и костяные пиксиды¹¹⁵.

По количеству монетных находок могильник у совхоза «Севастопольский» превосходит все известные поселения и могильники Юго-Западного Крыма. Здесь обнаружено около 60 римских, более 10 херсонесских и одна боспорская монеты¹¹⁶. Самые ранние из них чеканены при императоре Траяне, а наиболее поздние датируются IV—V вв.

На Южном берегу Крыма торговым контрагентом города с конца I в. н. э. являлся Харакс. По-видимому, упрочение связей Херсонеса с этой крепостью было обусловлено размещением в ней римского гарнизона¹¹⁷. Здесь, безусловно, были свои ремесленники, но римский гарнизон и местное население нуждались в продовольствии, военном снаряжении и ремесленных изделиях. И на поселении, и в могильнике найдено множество херсонесских монет.

Расширение херсонесской торговли в юго-восточном направлении, с населением Балаклавской, Каралезской, Шульской, Инкерманской и Байдарской долин произошло не ранее II—III вв. н. э. Именно к этому времени относятся краснолаковая посуда, светильники, украшения, обнаруженные в Балаклаве¹¹⁸ (рис. 38, 10).

Херсонесские и малоазийские амфоры II—III вв., краснолаковая и стеклянная посуда поступали также на поселения в районе Мартыновской балки, с. Терновка, на городище «Ревущий верблюд» (рис. 38, 15, 17, 19)¹¹⁹. Особенно тесные торговые связи с Херсонесом поддерживало население, оставившее Чернореченский могильник II—IV вв. (рис. 38, 9). Наряду с амфорами из Малой Азии и других центров сюда экспортировались херсонесская керамическая тара, краснолаковая, стеклянная и изредка бронзовая посуда местного и импортного производства¹²⁰. Но малоазийская керамика представлена в могильнике в небольшом количестве. Среди украшений встречаются херсонесские бронзовые подвески¹²¹ и золотые наглазники, которые также могли быть привезены из Херсонеса¹²². В Чернореченском могильнике больше, чем где-либо, найдено бронзовых провинциально-римских фибул с эмалью и без нее¹²³.

Амфоры, обломки пифосов херсонесского производства, черепица, бронзовые и серебряные монеты II — начала III вв. обнаружены в восточной части Байдарской долины, в с. Широкое, Ново-Бобровское, Родниковое и других (рис. 38, 12—14)¹²⁴.

В IV—V вв. Херсонес продолжал вести торговлю с этим районом и Южным берегом Крыма. Город вывозил импортные, вероятно, синопские амфоры с маслом и вином¹²⁵, краснолаковые кувшины и массивные миски своего производства¹²⁶, стеклянную посуду, среди которой встречается продукция сирийских мастеров¹²⁷.

В Юго-Западном Крыму только в Херсонесе и Инкерманском могильнике (рис. 38, 6) известны Т-образные фибулы, изготовлявшиеся в Подунавье, а также импортные бронзовые или серебряные двухпластинчатые фибулы¹²⁸, что указывает на их экспорт из Херсонеса.

Еще беднее находки из могильника у высоты «Сахарная головка» (рис. 38, 7). Из Херсонеса в небольшом количестве сюда привозились амфоры с перехваченным туловом, стеклянные кувшинчики и рюмки, бронзовые двухпластинчатые фибулы¹²⁹, серебряные фибулы — «мухи», хорошо известные в городе¹³⁰.

Поддерживались связи с населением, проживавшим в районе нынешнего с. Терновка (рис. 38, 19). На это указывают находки пряжек, серег, имеющих аналоги среди изделий Херсонеса V—VI вв.¹³¹

Уже с III в. н. э. велась торговля с Мангупом (рис. 38, 18), куда экспортировались в небольшом количестве керамическая тара, черепица, гончарная и стеклянная посуда, архитектурные детали из проконесского мрамора, украшения¹³².

На существование торговли Херсонеса с Южным берегом Крыма в IV—V вв. указывают материалы могильника Суук-Су (рис. 38, 52). К предметам, привозимым сюда из Херсонеса, могут быть отнесены красноглиняные миски, бусы из египетского фаянса, двухпластинчатые фибулы, серьги с пирамидкой из «зерни»¹³³.

Итак, можно выделить два основных направления торговых связей Херсонеса с населением Юго-Западного Крыма: северо-восточное вело к Неаполю Скифскому, а юго-восточное — к Южному берегу Крыма и охватывало территорию Инкерманской, Байдарской и других долин. Состав товаров, поступающих по этим направлениям из города, был достаточно велик и разнообразен. Но особым спросом у местного населения пользовались гончарные изделия. Следует отметить, что в количественном отношении херсонесская керамика уступала привозной. Так, на некоторых поселениях и в могильниках находки малоазийской и самосской посуды, поступавшей через Херсонес, в три-четыре раза превосходят по количеству херсонесскую. Экспорт последней увеличивается со второй половины II в. н. э. и в III — IV вв., а число изделий малоазийских гончарных мастерских в Юго-Западном Крыму существенно уменьшается. Исключение составляли амфоры II—III вв., которые принадлежали главным образом к изделиям южно-понтийских и восточно-средиземноморских центров.

Херсонес вывозил также стеклянную посуду, шкатулки, украшения, косметические средства, оливковое масло, вино, соль, возможно, продукты рыбного промысла. Устричные раковины, остатки рыбы и крабов встречаются в Неаполе Скифском и во внутренних районах предгорного и горного Крыма.

Характер торговли. Наличие херсонесских и римских монет на городищах и селищах, окружавших Херсонес¹³⁴, указывает на существование здесь денежного обращения. В частности, об этом свидетельствует находка монет вместе с остатками кожаного кошелька из могильника Бельбек I³⁵. Наиболее развитыми представляются денежные отношения в непосредственной близости от Херсонеса, в районе Инкерманской долины, а также в Хараксе. Сложнее это выяснить в Неаполе Скифском, где находки монет единичны. Вместе с тем поблизости от городища обнаружены крупные клады боспорских и римских монет II — начала III вв. (рис. 38, 48—50)¹³⁶.

Количество монет в Юго-Западном Крыму увеличивается к концу I в., что, на наш взгляд, может быть объяснено расширением торговли. Своего максимального развития денежные отношения достигли во II—III вв. Но даже в это время уровень их развития не соответствовал объему привозной продукции. Кроме того, в основе денежного обращения у туземного населения лежала медная монета, которая могла служить только для мелких торговых операций. Поэтому надо полагать, что торговля носила характер натурального обмена и лишь частично была денежной. Это не соответствовало греческим правилам продажи, предусматривавшим преимущественно денежную торговлю¹³⁷. Однако ведение торговли на основе товарного обмена не было исключительным явлением и существовало в первые века нашей эры как на варварской периферии античного мира¹³⁸, так и в наиболее развитых областях Римской империи¹³⁹.

Торговые пути. Повсюду, где это было возможно, в том числе и в Таврике, преобладало более выгодное и быстрое морское сообщение. Морем поддерживалась связь между Херсонесом и северной стороной Севастопольской бухты, устьями рек Черной и Бельбека, бухтой

Симболом и Южным берегом Крыма. Даже из Байдарской долины лес и другие продукты удобнее было вывозить морем. Но значительные внутренние пространства полуострова были удалены от водных путей.

Главная торговая и в то же время военно-стратегическая сухопутная магистраль от Херсонеса к Неаполю Скифскому проходила в Инкерманской долине от устья р. Черной, по Мекензиевым горам и дальше, вдоль второй и третьей гряд Крымских гор, приблизительно по маршруту современного шоссе Севастополь — Симферополь¹⁴⁰. Можно предположить, что важными транзитными пунктами здесь были селища в районе с. Верхнее Садовое и Алма-Керменское городище, расположенные на расстоянии дневного перехода друг от друга (рис. 38, 23, 38). Таким образом, торговцы достигали Неаполя за три дня. Другие поселения были связаны с магистралью путями местного значения, проходившими по долинам рек Бельбек, Кача, Альма и Бодрак. Судя по находкам монет, еще одна дорога из Херсонеса шла по линии нового Балаклавского шоссе через Сапун-гору в Балаклаву (рис. 38, 1—2, 10). Сообщение с Южным берегом Крыма осуществлялось в основном по пешеходным или вьючным тропам, которые пересекали яйлу, перевалы в районе Байдарских ворот, Шайтан-Мердвень и Эски-Богаз¹⁴¹. Колесная дорога в Харакс могла идти по Инкерманской и Байдарской долинам, через поселения у с. Широкое, Ново-Бобровское, Родниковое (рис. 38, 12—14), где монеты встречаются особенно часто. Но в районе Чертовой лестницы дорога переходила в опасную тропу, которую с трудом преодолевали навьюченные лошади¹⁴². Еще одна колесная дорога к южному побережью вела из Неаполя Скифского вниз по р. Салгир, через селище рядом с убежищем Джалман, городище у с. Доброе и Ангарский перевал¹⁴³. В IV—V вв. в связи с гибелью одних и перемещением других поселений в предгорные районы Крыма произошло некоторое изменение торговых путей: на севере они ограничились бассейном р. Альмы и сместились восточнее главной трассы в горные долины. Основными центрами на пути становятся Каламита, Чуфут-Кале, Мангуп или Эски-Кермен, связанные с южным побережьем через перевалы Гаспра-Богаз и Гурзуфское седло (рис. 38, 6, 16, 18, 31)¹⁴⁴.

Изложенное позволяет сделать некоторые общие выводы о состоянии торговли Херсонеса с окружающим таврским и скифо-сарматским населением. Очевидно, в силу указанных обстоятельств торговля велась преимущественно в Юго-Западном Крыму. Эта область простиралась на север до р. Салгир, на востоке — ограничивалась Южным побережьем, доходя до мыса Аю-Даг. Данная территория составляла около 3200 кв. км и была относительно плотно заселена, особенно в междуречье Бельбека и Черной.

Обращает на себя внимание тот факт, что область наиболее интенсивных торговых связей Херсонеса с населением Таврики находилась приблизительно в границах римских военных коммуникаций и постов.

Существует мнение о том, что внешняя торговля у скифов была сосредоточена в руках верхушки общества и соответственно основная масса полученных товаров попадала только к племенной знати, жречеству и высшему слою дружинников¹⁴⁵. Но одинаковый набор пред-

метов почти во всех погребениях могильников Юго-Западного Крыма заставляет усомниться в этом. Похоже, что покупателем привозных товаров была основная масса населения, а не только знать. Отдельные предметы роскоши, приобретаемые представителями туземной верхушки, не могли существенно повлиять на баланс этой торговли.

В I в. до н. э. экономические связи Херсонеса с Таврикой были неустойчивы и нерегулярны. Период их укрепления (вторая половина I — первая половина II вв.) совпал по времени с общим подъемом херсонесской внешней торговли. Границы области, связанной торговыми интересами с Херсонесом, расширились во II — начале III вв. за счет новых районов полуострова, расположенных к востоку и северо-востоку от города. Некоторые находки керамики из долин Бельбека, Альмы и Бодрака не имеют аналогий в Херсонесе, но хорошо известны среди самосской и малоазийской краснолаковой посуды I—II вв. н. э. Ольвии и Боспора¹⁴⁶. Следовательно, наряду с разнообразными изделиями из Херсонеса, к населению Юго-Западной Таврики поступали товары других античных городов. Неаполь Скифский также поддерживал экономические связи не только с Херсонесом, но и другими центрами Северного Причерноморья. Однако экспорт Ольвии и Боспора был незначительным и со второй половины III в. н. э. он не прослеживается в Юго-Западном Крыму. Гибель Неаполя, разгром многих городищ и поселений Таврики¹⁴⁷ должны были привести к резкому сокращению торговли. Со второй четверти III в. монеты встречаются только южнее р. Бельбек и в горных долинах. Основная их масса найдена в долине р. Черной. Херсонес продолжал поддерживать торговые связи с этим районом до конца IV в., когда нашествие гуннов прервало жизнь в предгорьях и вызвало новое перемещение местного населения в глубины горных долин¹⁴⁸. Ко второй половине V в. херсонесская торговля с туземным населением еще более сократилась, так как, по данным Прокопия [Procop. De bell. got., IV, 5, 23—30], гунны захватили почти всю Таврику, за исключением Херсонеса. В указанное время происходит и ослабление связей города с его сельской округой. Город и поселения стали существовать более замкнуто и изолированно. Поступавшие в Херсонес импортные товары, а также изделия местных мастерских в основном потреблялись самими горожанами. К туземному же населению они попадали в значительно меньшем количестве, чем прежде. Длительное время не был налажен регулярный обмен с кочевниками-гуннами. Упоминание Иордана о «богатствах Азии», т. е. скоте, шкурах, кожах, привозившихся купцами в город, относится уже к VI в. (Jord. V, 37). Продукты и сырье, которые еще продолжали доставляться в предыдущем столетии из Таврики в Херсонес, очевидно, составляли весьма скромную часть необходимых населению города продуктов и сырья. Следует также учитывать, что горные районы, куда переместилось туземное население, были мало пригодны для земледелия. Представляется, что усиление зависимости Херсонеса от поставок хлеба из Малой Азии о которых упоминал Константин Багрянородный (Const. Porph. De adm. imp., 53), отчасти можно объяснить сокращением торговли с населением Юго-Западного Крыма.

4

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ, ПОШЛИНЫ, ТОРГОВЦЫ

В первые века нашей эры в Херсонесе существовали развитые товарно-денежные отношения, которые глубоко проникли в хозяйство и быт населения. Следует подчеркнуть, что они сохранились вплоть до раннего средневековья. В городе процветало товарное производство, рассчитанное на рынок¹. В последнем нуждалось большинство горожан, ремесленников, мелких торговцев, наемных работников. Владельцы усадеб на Гераклейском полуострове покупали здесь продукты, которые не производились на их землях. Численность и платежеспособность этих слоев населения определяли емкость херсонесского внутреннего рынка.

В городе, по-видимому, было несколько рынков. Один из них находился на центральной площади — агоре, существование которой засвидетельствовано уже в III в. до н. э.² Наиболее удобным для нее местом являлась центральная возвышенная часть города вблизи Карантинной бухты. В таком случае главная улица, тянувшаяся через весь Херсонес с юго-запада на северо-восток, обязательно должна была примыкать к площади или даже пересекать ее. Подобное устройство рынков было типичным для областей Восточного Средиземноморья³. Нередко в городах Греции, Малой Азии, Западного Причерноморья агора или форум находились по соседству с театром и другими общественными зданиями⁴. Поэтому расположение херсонесского театра почти в центре города, рядом с главной улицей, может служить указанием на близость рыночной площади.

Вероятно, херсонесский рынок мало чем отличался от обычного греческого. В римское время они имели четырехугольную или прямоугольную форму и застраивались со всех сторон крытыми, нередко двухэтажными портиками, соединенными с прилегающими улицами несколькими воротами⁵. Херсонес, особенно тесно связанный с Южным берегом Понта, очевидно, должен был иметь рынок, построенный по малоазийским образцам. Наряду с замкнутой формой, его неотъемлемой деталью являлись стоя или базилика, без которых не обходилась ни одна агора⁶. К ним примыкали несколько десятков лавок с нижними помещениями — хранилищами, которые нередко сдавались в аренду⁷.

Учитывая масштабы херсонесских ремесел и промыслов, можно предположить, что на рынке должны были быть ряды или «секции» (*ἰσθλοὶ*) для торговли керамическими и металлическими изделиями, а также овощами и фруктами⁸. Кроме торговых рядов и лавок, на территории рынка, вероятно, были ларьки и палатки⁹. Мелкие торговцы устанавливали на рынке легкие навесы из самых разнообразных подручных материалов¹⁰, но чаще раскладывали свои товары прямо на полу¹¹.

Для продажи рыбы и рыбных соусов в городе существовал специальный рынок, построенный агораномом Теагеном, сыном Диогена¹². В 129—130 гг. н.э., по-видимому, этот же Теаген известен уже как архонт¹³, а позднее — как одно из первых должностных лиц Херсонеса¹⁴. Пост агораномом он занимал в первой четверти II в., следовательно, тогда и был сооружен рынок. Местоположение его до настоящего времени не установлено. В римский период в центре такого рынка иногда строилось небольшое круглое здание — павильон¹⁵. Остатки подобного сооружения площадью около 13 кв.м обнаружены в Херсонесе на северном берегу, к югу от базилики 1935 г.¹⁶ Внешний край каменных плит здания со всех сторон был сильно истерт ногами людей. В помещениях, примыкавших к площади с круглым павильоном, найдено большое количество монет I—IV вв. и обнаружен фрагмент надписи о проведении строительных работ одним из херсонесских агораномов¹⁷. Местоположение площади было удобно для торговли рыбными продуктами, поскольку лишь в этом районе рельеф местности позволял устроить пристань для судов и рыбацких лодок. Другие же прилегающие участки северного берега были слишком обрывисты и круты.

Таким образом, если наше предположение верно, в Херсонесе существовало по меньшей мере два рынка, один из которых находился в центре города, а другой — рыбный — на северном берегу.

Вероятно, торговля велась и в других районах города. Неслучайно наибольшее количество иногородних монет в Херсонесе встречается в юго-восточной части города, в его портовом районе¹⁸. Это объясняется тем, что купцы-оптовики, как и торговцы, вели свои дела поблизости от порта, у складов, в специально построенных для этой цели зданиях¹⁹. Наконец, небольшие городские мастерские работавшие на принадлежавшем им сырье, могли одновременно быть лавками. Такая практика торговли имела широкое распространение.

Нередко торговцы устраивались рядом с банями и храмами²⁰. В данной связи особый интерес представляет свидетельство о том, что один из херсонесских агораномов израсходовал крупную сумму денег (3 тыс. денариев) на строительные работы, связанные с храмом Афродиты²¹. Необходимо подчеркнуть, что агораномы должны были заботиться, прежде всего, о приведении в порядок мест торговли, а не общественных зданий и храмов вообще. Поэтому не исключено, что у херсонесского храма Афродиты, которая почиталась в городе и как хтоническое божество, могла совершаться торговля различными вещами для погребального обряда²².

Склады для товаров были расположены в разных районах города: в центральной части²³, на западном берегу Карантинной бухты, у

внутренней стороны городской стены²⁴. Хозяином такого склада или части его мог быть не только купец, но и так называемый ἐΥδοχεύς²⁵.

Состав товарооборота внутригородского рынка был достаточно велик. Сюда свозилось зерно, необходимое для нужд горожан. В месяцы добычи соли (июль — сентябрь) особенно интенсивно шла торговля ею на городском рынке²⁶. Продавались различные сорта рыбы и рыбные соусы, составлявшие значительную часть ежедневного рациона горожан, вина местного изготовления, овощи и фрукты из садов Гераклеийского полуострова. На городском рынке велась торговля импортными винами и оливковым маслом. Из гончарных мастерских Херсонеса на рынок поступали тара, посуда, строительная керамика²⁷, реже — терракотовые статуэтки²⁸ и светильники²⁹. Предметом внутренней торговли была также продукция местных меднолитейных, кузнечных и деревообрабатывающих мастерских³⁰. На городском рынке можно было приобрести бытовые вещи, украшения, орудия труда из кости³¹. К сожалению, до нас дошло сравнительно мало изделий из кожи и ткани. Но даже по имеющимся остаткам можно заключить, что на рынках города продавались кожаная обувь, ремни, ножны, детали сбруи и готовая одежда³². Приблизительно в III в. н. э. было налажено свое стеколделательное производство³³, что привело к появлению на рынке не только привозных, но и местных стеклянных изделий. В продажу поступали ювелирные украшения, бусы, подвески, амулетницы, принадлежности для письма³⁴, статуэтки из мрамора и известняка, служившие для украшения домашних алтарей или интерьера жилищ состоятельных херсонеситов³⁵. Кроме того, на херсонесском рынке была представлена продукция из различных областей Римской империи. Приведенный перечень местных и импортных товаров на внутреннем рынке позволяет судить о масштабах и ассортименте торговли, которая велась в городе.

Сделки купли-продажи в Херсонесе осуществлялись в различных формах. Должно быть, наиболее распространенной была мелкая, розничная торговля (*κατὰ μίση*), призванная удовлетворять спрос самых широких слоев населения. Косвенно на это указывают сравнительно большое количество находок гирь и весов³⁶ и мелкие ремесленные мастерские Херсонеса³⁷. Но существовала и продажа товаров оптом, связанная с крупными поставщиками соленой рыбы, вина и других продуктов. Как известно, даже мелкие странствующие торговцы старались закупать все товары для себя оптом³⁸.

Формализм в греческом торговом праве в указанное время был крайне ограничен³⁹, и определенной фиксации подлежали лишь крупные сделки. Такая практика была наиболее распространена в восточных провинциях империи⁴⁰, которые оказывали заметное влияние на Херсонес. Подобные документы из Херсонеса до нас не дошли, но, вероятно, их текст составлялся по общепринятым формулам⁴¹.

Как правило, большинство крупных актов купли-продажи совершалось при свидетелях, в агораномии или другом государственном учреждении, в присутствии чиновников, агораномов или откупщиков налогов на торговые сделки⁴². Если даже такая сделка происходила в частном порядке, на рынке или на улице, продавец заявлял агорано-

мам об этом, указывал размер полученной суммы и вместе с покупателем уплачивал налог⁴³.

На интенсивность херсонесской внутренней торговли на протяжении интересующего нас периода указывают разнообразие весовых систем⁴⁴ и большое количество медных и вообще мелких монет⁴⁵. Город имел развитый денежный рынок, на который со второй половины I в. н. э. во все большем количестве стало проникать римское серебро — наиболее удобный эквивалент для торговых операций⁴⁶. Постепенно оно полностью вытеснило местную серебряную монету. В 70-х гг. III в. чеканка херсонесских медных монет окончательно прекратилась, однако денежное обращение не сократилось. Следует отметить, что в IV—V вв. деньги повсеместно продолжали широко применяться при сделках⁴⁷, а в V в. денежное обращение в Римской империи даже улучшилось⁴⁸.

Наличие в обращении разных денежных систем может свидетельствовать о существовании в Херсонесе менял, которые за соответствующую плату производили обмен и размен денег, кредитные операции.

Контроль за торговлей обычно осуществляли астиномы и агораномы. Однако тенденция сокращения коллегиальных органов, наметившаяся в Херсонесе к первым векам нашей эры, постепенно привела к исчезновению астиномов и переходу их функций к агораномам⁴⁹. Последние следили за благоустройством и состоянием мест торговли, устанавливали цены на некоторые товары, контролировали деятельность менял, осуществляли контроль за соблюдением действующих законов денежного обращения⁵⁰. Но наиболее обременительной обязанностью агораномов было обеспечение города зерном⁵¹. Агораномы имели право на установление санкций: если нарушителем был раб, то он подвергался телесному наказанию⁵², свободнорожденных штрафовали на крупную сумму⁵³.

Мы не располагаем данными о числе херсонесских агораномов. Но известно, что в Мегаре и ее колониях было по два агоранома⁵⁴. Неизвестен и срок полномочий местных агораномов. Как правило, они избирались на год, но в первые века нашей эры срок исполнения ими обязанностей нередко ограничивался несколькими месяцами⁵⁵.

В первые века нашей эры должность агоранома была важной, но очень обременительной, требовавшей значительных денежных затрат⁵⁶. В IV в. с ликвидацией институтов полисной организации функции агораномов перешли в руки чиновников во главе с *κόμης*⁵⁷. Такое усиленное вмешательство чиновной администрации в сферу торговли — характерная черта этого времени⁵⁸.

Обслуживанием нужд торговли в Херсонесе, вероятно, занимались весовщики, упаковщики, носильщики, известные даже в сравнительно небольших античных городах⁵⁹.

В условиях развитых товарно-денежных отношений важным источником доходов Херсонеса были торговые налоги и пошлины. В античную эпоху они являлись государственным доходом во многих городах, особенно расположенных на торговых путях. Эти налоги и пошлины служили главным источником пополнения государственной казны. Ярким примером может служить Мегара, не имевшая источников

полезных ископаемых и плодородной земли, но разбогатевшая благодаря введению таможенных пошлин и налогов на торговлю⁶⁰.

Следовательно, трудно предположить, что херсонеситы, как и их предки, не пользовались этим источником доходов. Изредка, в целях поощрения, государство разрешало торговцам не уплачивать торговые налоги. Известно, что в IV в. н. э. император Константин предоставил Херсонесу льготы на подати, которые купцы обычно платили за свои товары и корабли⁶¹. Об ателии говорится и в одной из надписей, имеющей прямое отношение к торговле⁶². Традиционную фразу херсонесских декретов о праве въезда и выезда проксенов с их имуществом без ущерба и без договора, очевидно, следует понимать как свободу данных лиц от уплаты въездных и выездных пошлин⁶³.

Обычно главным налогом являлась ἀλὸ ἐμπόρωγ (portoria) — таможенная пошлина с экспорта и импорта товаров или на проезд с торговыми целями⁶⁴. Все торговцы, ввозившие и вывозившие товары, должны были регистрировать свой груз у сборщиков пошлин и у агораномов. Кроме того, существовали в различных формах второстепенные налоги на продажу: в виде аукционного налога, налога на перевозку грузов, на продажу рабов, а также на манумиссии, которые зачастую оплачивались⁶⁵. Сюда же относился портовый сбор — ἐλλυμένιον⁶⁶. В силу своего географического положения Херсонес находился на пути движения многих судов, которые останавливались в его гаванях. Поэтому пошлины за право стоянки и пользование портом, собираемые с кораблей, приносили городу немалые доходы. Обычно портовые сборы осуществляли так называемые эллименисты, которые должны были фиксировать в таможенных списках все вывозившиеся товары⁶⁷. С большинства приезжих кушцов агораномы собирали также ξενικόν τέλος — налог за разрешение торговать в городе, о чем и производили соответствующие записи⁶⁸. Они же взимали с торговцев ἀγορᾶς τέλος — пошлину за пользование городским рынком⁶⁹. Обычно торговые налоги уплачивались ежемесячно, реже — за год, и размеры их зависели от вида товара, который реализовало лицо, уплачивающее налог⁷⁰.

Кроме агораномов и эллименистов, сбор пошлин иногда вели откупщики — τελώναι⁷¹. По-видимому, они были и в Херсонесе, так как откуп податей являлся нормой для греческих полисов⁷². После включения города в состав Восточной Римской империи торговые сборы стали производить особые чиновники — практоры, имевшие в Херсонесе свое специальное ведомство — πρακτεῖον⁷³. Заметим, что практорами могли быть и состоятельные горожане, на которых возлагались обязанности по сбору податей⁷⁴. Но наиболее тяжелым налогом в это время стал хрисагир⁷⁵, который каждые пять лет все торговцы уплачивали за себя, своих помощников, свободных или рабов, а также за корабли, повозки и тягловых животных⁷⁶.

Подлинные размеры взимаемых пошлин, к сожалению, не известны. Так, в III—IV вв. размер пошлины на импорт и экспорт увеличился до 12,5 %⁷⁷, тогда как ранее он составлял 2—3 %⁷⁸. Косвенные торговые налоги были невелики, обычно в пределах 1—5 %, и только в очень редких случаях — 10 %⁷⁹. Так, важный для портовых центров элли-

менион обычно достигал 2 %⁸⁰. В начале IV в. н. э. Диоклетианом был установлен налог за перевозку грузов на корабле в размере 12 медных денариев за модий веса⁸¹. Но возможно, что до превращения Херсонеса в провинциальный город сборщики при начислении пошлин руководствовались обычаем.

Большинство городов, с которыми Херсонес поддерживал связи, являлись приморскими. Торговые партнеры, удаленные от побережья, были соединены дорогами, выходившими к портам.

Следовательно, преобладающую роль играли морские сообщения. Скорость движения судов обычно составляла два — четыре узла, так что кратчайшие расстояния от устья Дуная или же от м. Карамбиса до Крыма можно было преодолеть за три дня, а при благоприятных условиях — за сутки⁸².

Для морских перевозок использовали одномачтовые корабли с минимальным тоннажем в 2—9 т⁸³, а обычно — 200—300 т⁸⁴. Очевидно, мачта именно торгового корабля изображена на одном из херсонесских рельефов⁸⁵. Хотя эти изображения могли иметь символическое значение⁸⁶, они часто указывали, что умерший был моряком или навклером⁸⁷.

Трудно согласиться с К. М. Колобовой в том, что херсонесская торговля базировалась главным образом на использовании судов других городов⁸⁸. За многие годы раскопок удалось найти только две надписи, где упоминались синопские навклеры⁸⁹.

Такой крупный морской порт, как Херсонес, должен был располагать собственным флотом. События конца II в. до н. э. на Боспоре подтверждают тот факт, что город имел военные корабли⁹⁰, а значит, и торговые. Константин Багрянородный отмечал, что при Константине I свободу от пошлин получили именно местные купеческие суда⁹¹. Херсонес нес морскую повинность, а следовательно, располагал своими кораблями и позднее — в V—VI вв.⁹²

Осуществление морской торговли требовало соответственно оборудованных гаваней. В связи с этим заслуживает внимания сообщение анонимного автора V в., оставившего довольно подробный перипл Эвксинского Понта, в котором, в частности, говорится, что Херсонес имел «...пристань и хорошие гавани...»⁹³. Поскольку о последних речь идет во множественном числе, гаваней должно было быть не менее двух.

В одной надписи римского времени упоминается, вероятно, херсонесский *ἐμπόριον* — торговый центр или порт⁹⁴. Наиболее подходящим для его устройства местом была удобная и вместительная Карантинная бухта, которая защищала корабли от восточного, южного и западного ветров. Вход в бухту становился опасным, когда дули ветры северного направления — *βορρᾶς* и *ἀλακτῖας*. Не случайно именно здесь, особенно у западного берега, на дне моря обнаружены многочисленные обломки амфор — следы кораблекрушений⁹⁵. Однако такие ветры преобладали на Черном море в период, когда заканчивался навигационный сезон и Карантинная бухта уже не использовалась столь интенсивно. В древности в зимнее время дальние плавания не предпринимались и все «... моря стояли, как пустыни»⁹⁶. Каких-либо конкрет-

ных данных об устройстве городской гавани в нашем распоряжении пока не имеется.

Вероятно, Херсонес располагал еще одной гаванью и несколькими пристанями в Песочной бухте, а также на северном берегу. О них упоминали Ф. Дюбуа де Монпере и З. Аркас⁹⁷. К сожалению, подводные поиски в этой бухте оказались пока безрезультатными, если не считать двух огромных каменных блоков в нескольких метрах от ее восточного берега⁹⁸.

Наземный транспорт служил для перевозки различных товаров из Херсонеса на туземные поселения Юго-Западного Крыма, а также для доставки в город сырья и продуктов, поступающих с этих поселений. Транспортировка грузов осуществлялась с помощью вьючных животных, а также двухколесных и четырехколесных телег или крытых повозок. Наиболее вероятно, что тяглом служили быки или волы⁹⁹. Такие повозки широко использовались в Римской империи¹⁰⁰ и были известны в Северном Причерноморье¹⁰¹. Подобный вид транспорта не зависел от погодных условий, но был очень медленным: груженные быки двигались со скоростью пешего человека. К тому же транспортировка товаров по сухопутным дорогам обходилась дороже морских перевозок¹⁰². Так, согласно тарифу Диоклетиана, миля проезда телеги с грузом в 540 кг оценивалась в 20 медных денариев¹⁰³. Если исходить из этих данных, доставка такой телеги на Мангуп или Эски-Кермен стоила бы около 340 денариев, а на поселения в бассейне р. Бодрак — в два раза больше. Соответственно происходило и повышение цены перевозимого товара¹⁰⁴.

В первых веках нашей эры в городе увеличилось число крупных рыбозасолочных предприятий и виноделен, которые поставляли продукты на рынок. Их владельцы обычно были связаны с купцами, поддерживавшими заморскую торговлю и располагавшими большими капиталами. Купцы отдаленных центров, видимо, не рисковали пускаться в путь по малоизвестным областям Таврики. Поэтому в Херсонесе должны были быть торговцы, занимавшиеся поставкой местных и импортных товаров туземному населению и скупкой продукции, производимой последним.

Внутренняя городская торговля, вероятно, находилась в руках местных торговцев (*κάληλοι*). Некоторые из них занимались перекупкой товаров у приезжих купцов-эмпоров, их называли *πάλυ-κάληλοι* (перекупщиками)¹⁰⁵. К ним примыкали хозяева различных специализированных мастерских и лавок, которые осуществляли продажу сами, а более зажиточные — с помощью одного-двух отпущенников или рабов¹⁰⁶. Но даже в крупных центрах преобладали небольшие мастерские-лавки, где использование рабов было невыгодно¹⁰⁷.

Розничная торговля была сосредоточена в руках мелких торговцев (*ἀγοραῖοι, κάληλοι*)¹⁰⁸. При этом *ἀγοραῖοι* продавали товары вразнос на рынках или прямо на улицах и не имели лавки или даже палатки, тогда как *κάληλοι* владели лавкой и были более состоятельными¹⁰⁹. Они же торговали продуктами, которые приобретали у местных рыбаков, земледельцев, виноделов; их услугами пользовались и ремесленники.

За исключением торговли рыбой и рыбопродуктами, для которых существовал специальный рынок, трудно сказать что-либо определенное о торговой специализации в Херсонесе. Но, видимо, владельцы мастерских — сапожники, ткачи, кузнецы, пекари и другие — продавали то, что они производили. Были и торговцы мясом, овощами, фруктами, вином местного изготовления.

До настоящего времени ничего не известно о существовании в городе торговых объединений купцов. В восточных районах Римской империи такие объединения состояли в основном из богатых торговцев, которые при вступлении в него должны были уплачивать определенный взнос¹¹⁰. В Северном Причерноморье известен только фиас купцов-судовладельцев из Горгиипии¹¹¹. Безусловно, он не мог быть единственным. Какие-то фиасы существовали и в Херсонесе¹¹². Большое число рыбозасоленных комплексов, крупных виноделен позволяет предположить, что в первые века нашей эры здесь могло существовать объединение купцов-импортеров, занимавшееся поставками продовольствия римским войскам в Малую Азию и на Дунай.

Свидетельства античных авторов не оставляют сомнений в том, что отношение к профессиям навклера или торговца, особенно мелкого, было довольно пренебрежительным¹¹³, что обуславливалось прежде всего поведением самих торговцев, которые считали, что «первым правилом в торговле является умалчивание, утаивание всего того, что могло бы понизить цену данного товара»¹¹⁴. Следует упомянуть о том, что римские законы давали им право на обман при совершении сделок¹¹⁵. Законы защищали торговцев и предоставляли им определенные привилегии¹¹⁶. Так, херсонесские проксении в основном давались гражданам Вифинии и Пафлагонии. Поэтому можно предположить, что в городе особенно поощрялись купцы, торговавшие продуктами и товарами, поступающими с Южного берега Понта.

Что касается положения в обществе, то самое низкое занимали, конечно, мелкие торговцы-разносчики (*ἀγοραῖοι*). Несколько выше их были торговцы (*κάληλοι*), которые владели небольшими лавками или торговыми палатками. Следующую общественную ступень занимали собственники мастерских-лавок. Вместе с тем все они относились к низшей категории общества, к числу так называемых *humiliores* или *inferiores*¹¹⁷. В основном они были низкого происхождения и, как правило, бедны. Однако занятие торговлей не обязательно являлось признаком низкого социального положения¹¹⁸. Нередко оно позволяло составить значительные капиталы. Поэтому, несмотря на пренебрежительное отношение к профессии торговцев, с ними считались, если они были состоятельными людьми¹¹⁹. Богатства, накопленные крупными купцами, существенно отражались на их общественном положении и зачастую позволяли относить их к разряду так называемых «почтенных» свободных¹²⁰.

В I—III вв. в Херсонесе существовал олигархический строй. Магистраты — представители верхушки господствующего класса — составляли очень узкий круг, в который было трудно попасть¹²¹. Тем не менее представляется, что и здесь были люди, имевшие отношение к херсонесской торговле. Примером может служить сын Папия, зани-

мавший в городе должность архиеерея¹²². Надо полагать, что до этого он получил проксению от г. Тия, купцы и навклеры которого вели оживленную торговлю с Северным Причерноморьем¹²³. Возможно, что и Теаген, сын Диогена, также занимавший высшие магистратуры, был крупным поставщиком гарума и именно поэтому не пожалел денег для постройки рыбного рынка¹²⁴. Конечно, такие люди обычно поручали вести торговлю своим отпущенникам или доверенным рабам, которые вполне могли быть в Херсонесе среди прочих категорий¹²⁵. Но в условиях преобладания мелкого ремесленного производства и сбыта подобная практика, думается, не находила широкого распространения, и большинство херсонесских торговцев, вероятно, были свободными людьми незнатного происхождения.

Итак, в первые века нашей эры во внутренней торговле преобладающей была розничная, которая обслуживала широкие слои населения. Продажа товаров в городе осуществлялась на рынках, в портовом районе, отдельных лавках-мастерских и, возможно, у храма Афродиты. Продавцы и покупатели находились под государственным контролем, который претерпевал изменения в процессе ломки институтов античного полиса.

Херсонес не только располагал собственными торговыми кораблями, но и периодически пользовался услугами южнопонтийских навклеров. Наземный транспорт применялся для торговли с поселениями Юго-Западной Таврики.

Продавцы и судовладельцы уплачивали торговые и портовые налоги и пошлины. Особенно большой доход город получал от портовых сборов

Херсонесские купцы и торговцы делились на несколько категорий и имели неодинаковое имущественное и социальное положение. Не исключено, что в городе существовали объединения купцов. Однако говорить об этом можно предположительно.

* * *

Упадок торговли Херсонеса Таврического, вызванный Митридатскими войнами, продолжался несколько десятилетий, и только в конце I в. до н. э. начинается ее подъем. На протяжении первых веков нашей эры торговля была не только транзитной, но и во многом базировалась на местном производстве. Стабильное развитие херсонесской торговли I — первой половины III в. н. э. было подорвано в период «готских» походов и неурядиц на Востоке. Но в конце III — начале IV вв. н. э. начинается новый подъем, который, хотя и не достиг уровня I в. н. э., но продолжался до V в. н. э.

Анализ внешней торговли Херсонеса показал, что в I в. до н. э. — V в. н. э. подавляющее большинство привозных товаров в городе было из малозападных центров, Западного и Южного побережья Понта, а также о. Самоса, городов Сирии и Палестины. Причем на Малую Азию приходилось более половины всего херсонесского импорта, а с учетом самосских изделий — примерно две трети. Среди других

центров, снабжавших Херсонес своими товарами, выделяются Мезия, Паннония и некоторые западные римские провинции. Изделия Египта и иных областей Северной Африки также попадали в город, но в сравнительно небольшом объеме. На протяжении почти 150 лет в Херсонес поступала продукция керамических мастерских Аттики. Слабее в херсонесском импорте представлены товары из Италии. Следует учитывать, что часть продукции Италии и западных провинций могла ввозиться в город через Мезию и Фракию.

Товары, которыми торговал Херсонес с другими северопричерноморскими городами, по своему ассортименту и количеству заметно уступали продукции прочих центров, особенно Восточного Средиземноморья. Интенсивно из города вывозили ремесленную и другую продукцию в близлежащие районы Юго-Западного Крыма.

Очень сложно установить, как велась внешняя торговля. Она могла быть непосредственной, когда херсонесские купцы приезжали в те места, где можно было приобрести нужные товары. Но это не исключало существования транзитной торговли, когда товары переправлялись из одного центра в другой, пока не попадали в Херсонес. Окончательно решить данный вопрос в настоящее время не представляется возможным. Однако отсутствие проксений и монет наиболее отдаленных от города центров позволяет предположить, что связи с ними не были прямыми. Непосредственные контакты Херсонес поддерживал с городами Южного и Западного берегов Понта, которые получали различные товары из более отдаленных районов через развитую систему сухопутных и морских путей. Хорошо налаженные торговые пути существовали также в Юго-Западном Крыму. Благодаря им Херсонес поддерживал связи с населением долин Бельбека, Альмы, Неаполя Скифского, Балаклавской долины и Южного берега Крыма. Некоторые изменения произошли только в IV—V вв., когда торговые связи ограничились на севере бассейном р. Альмы и сместились в горные долины.

Херсонесская торговля была преимущественно денежной, но с туземным населением Крыма она велась с преобладанием товарного обмена. Город располагал, по меньшей мере, двумя гаванями, пристанями, собственными кораблями, а временами использовал суда понтийских навклеров. Внутренняя торговля велась на двух рынках, а также в портовом районе, вблизи некоторых храмов и в лавках-мастерских. Она была достаточно развитой и хорошо организованной. Среди местных купцов имелись оптовики, вероятно, связанные с владельцами виноделен и рыбозасолочных предприятий, а также купцы, занимавшиеся поставкой товаров местному туземному населению и скужкой у него сырья и продуктов питания. Но, очевидно, большинство составляли мелкие торговцы. Различия существовали не только в имущественном, но и социальном положении торговцев. Среди них были представители городской верхушки, стоящей у власти, а также вольноотпущенники и рабы.

Торговля Херсонеса находилась под контролем агораномов, которые оказывали содействие торговцам и собирали налоги и пошлины. В IV—V вв. агораномов сменяют государственные чиновники, имевшие

в городе свое ведомство по сбору пошлин. Но даже в это время в херсонесской торговле сохранились явления, характерные для рабовладельческого строя (высокий уровень развития и масштабы самой торговли, интенсивность товарно-денежных отношений, монетное обращение).

Изучение торговли Херсонеса позволяет сделать вывод об известной преемственности в развитии города в первых веках нашей эры и в IV—V вв. Херсонес, как и прежде, продолжал выполнять свои функции торгово-ремесленного центра, и в области торговли при этом не наблюдалось каких-либо существенных качественных изменений, связанных с ее упадком и натурализацией хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 278.
- ² Там же. Т. 23. С. 98.
- ³ Там же. Т. 25. Ч. I. С. 365.
- ⁴ См.: Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. Х., 1970. С. 5—26.
- ⁵ Lucian. Adv. ind. 24; Paus. X, 32, 14—15; Vitruv. De archit. V, 1; Poll. Onom. VII, 11; IX, 47.
- ⁶ Dio Chrys. LVIII, 16; LIX, 9, 6; Philostr. Vita Appol. I, 18; Tac. Ann. I, 78; II, 42; XII, 31; Suet. Gaius. 16; Vesp. 1.
- ⁷ Cic. De off. I, 42; Ovid. Fast. V, 671—692; Plin. Paneg. 29; Athen. II, 55d; VIII, 358e; XIII, 566; XV, 700b; Diog. Laert. I, 8, 104—105; VI, 2, 42.
- ⁸ Тюменев А. И. Херсонесские этюды. II. Херсонес и Делос // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 265—273; *его же*. Херсонесские этюды. V. Херсонесские проксеяния // ВДИ. 1950. № 4. С. 14, 23.
- ⁹ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964. С. 31.
- ¹⁰ См.: Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. 1968. Вып. 3. С. 34.
- ¹¹ Голенко К. В. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времен Митридата VI в боспорских находках // Палестинский сборник. 1964. Вып. 2 (74). С. 60.
- ¹² Шенерт-Гейс Э. Торгово-экономические связи Северного Причерноморья с Грецией и их отражение в материале монетных находок (VI—I вв. до н. э.) // ВДИ. 1971. № 2. С. 33—34.
- ¹³ Ксенофонт. О доходах. III // Античный способ производства в источниках. Л., 1933. № 38. С. 34.
- ¹⁴ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // Архив ГХМ. Д. № 1283; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1971 г. // Там же. Д. № 1394; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1972 г. // Там же. Д. № 1419; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 г. // Там же. Д. № 1675; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1974 г. // Там же. Д. № 1719; *его же*. Отчет о раскопках 1975 г. в Северном районе Херсонеса // Там же. Д. № 1760; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Там же. Д. № 1842; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1977 г. // Там же. Д. № 1909; Кадеев В. И. Отчет о раскопках на участке «центр квартала» в Херсонесе в 1970 г. // Архив Археологического музея ХГУ; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «центр квартала» в портовом районе в 1971 г. // Там же; Кадеев В. И. Отчет о раскопках на участке «центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1981 г. // Там же; Кадеев В. И., Мецерьков В. Ф., Сорочан С. Б. Отчет о раскопках на участке «центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1982 г. // Там же; Кадеев В. И., Мецерьков В. Ф., Сорочан С. Б. Отчет о раскопках в портовом районе Херсонеса в 1983 г. // Там же; Домбровский О. И. Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1970 г. // Архив ГХМ. Д. № 1411/1; Рыжов С. Г., Золотарев М. И. Отчет о раскопках склепа западного некрополя Херсонеса в 1975 г. // Там же. Д. № 1781.
- ¹⁵ Стржелецкий С. Ф. Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. на тер-

- ритории совхоза «Севастопольский» в 1961 г. // Архив ГХМ. Д. № 854; *его же*. Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. у совхоза «Севастопольский» в 1962 г. // Там же. Д. № 856; *его же*. Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. у совхоза «Севастопольский» в 1964 г. // Там же. Д. № 1308, 1160; *Богданова Н. А.* Отчет об археологических исследованиях могильника I—III вв. н. э. Скалистое III (Озерное II) в 1964 г. // Архив БИАМ; *Лобода И. И.* Отчет об археологических раскопках 1965 г. могильника II—III вв. н. э. Озерное II // Там же; *его же*. Отчет об археологических раскопках 1967 г. могильника I—III вв. н. э. Озерное II // Там же; *его же*. Отчет об археологических раскопках 1968 г. могильника I—III вв. н. э. Озерное II // Там же; *его же*. Отчет об археологических исследованиях 1969 г. могильника I—III вв. н. э. Озерное II // Там же; *Беляев С. А.* Отчет Херсонесской экспедиции о раскопках в 1972 г. могильника у с. Куйбышево, Терновки и Любимовки // Архив ГХМ. Д. № 1655.
- ¹⁵ *Бобринский А.* Херсонес Таврический. Исторический очерк. Спб., Б. И., 1905.
- ¹⁷ *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 440—444, 493—553.
- ¹⁸ *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 90—117, 128—133.
- ¹⁹ *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 65—95.
- ²⁰ *Стрелецкий С. Ф.* Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // ПИСП. М., 1959. С. 63—85.
- ²¹ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
- ²² См.: *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 5—26; *Кадеев В. И., Рижов С. Г.* Нова рыбозасоловальна цистерна в Херсонесі // Археологія. 1973. № 12. С. 76—80; *Романчук А. И.* Планы рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 19—26; *Золотарев М. И.* Раннесредневековый комплекс в Херсонесе // Там же. С. 27—32.
- ²³ *Семенов-Зусер С. А.* Рыбный рынок в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 2. С. 237 сл.; *его же*. Рыбное хозяйство и рынки на Юге СССР в древности. X., 1947. С. 46.
- ²⁴ *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры // ВДИ. 1949. № 4. С. 75—86; *его же*. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы // Там же. 1950. № 2. С. 48—56.
- ²⁵ *Зегст И. Б.* К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора // МИА. 1954. № 33. С. 71—77.
- ²⁶ *Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // Там же. С. 45—57.
- ²⁷ *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса. IV в. до н. э.—IV в. н. э. // Труды ГИМ. 1956. Вып. 18. С. 79—82.
- ²⁸ *Сиротенко В. Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV—VI вв. // Уч. зап. Пермск. ун-та. 1964. № 117. С. 99—105.
- ²⁹ *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К., 1972. С. 160—179.
- ³⁰ *Кадеев В. И.* Торговля Херсонеса в I—IV веках н. э. X., 1969; *его же*. Очерки... С. 130—158; *его же*. Про торгівлю Херсонеса з населенням Південно-Західного Криму в I—IV ст. н. е. // Питання історії народів СРСР. 1970. Вып. 9. С. 151—155; *его же*. Про торгівлю Херсонеса з Середземномор'ям в I—IV ст. н. е. // Вісн. Харк. ун-ту. 1970. № 45. С. 62—68; *Сороцин С. Б.* О внутренней торговле Херсонеса в I в. до н. э.—V в. н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. 1981. С. 95—101; *его же*. Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н. э.—V в. н. э. // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 26—37; *его же*. Торгово-економічні зв'язки Херсонеса Таврійського з дунайськими і західними провінціями в I ст. до н. е.—V ст. н. е. // Археологія. 1984. № 50. С. 9—18; *его же*. Зовнішня торгівля Херсонеса Таврійського в I ст. до н. е. // Вісн. Харк. ун-ту. 1980. № 201. С. 72—78.

1

- ¹ *Гайдукевич В. Ф.* Указ. соч. С. 72; *Белов Г. Д.* К вопросу об изучении экономики Херсонеса эллинистического периода // ПИСП. М., 1959. С. 180—181.
- ² *Кадеев В. И.* Очерки... С. 15, 19—20, 25, 130, 159.
- ³ *Broughton T. R. S.* Roman Asia Minor // An Economic Survey of Ancient Rome / Ed. by T. Frank. 1938. Vol. 4. P. 527, 817.

- ⁴ Gren E. Kleinasion und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit. Uppsala, 1941. S. 101, 108.
- ⁵ См.: Белов Г. Д. Херсонесские винодельни // ВДИ. 1952. № 2. С. 255 сл.; Стржецкий С. Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // Х. Сб. 1959. Вып. 5. С. 153—159.
- ⁶ Кузьмина А. Г. К вопросу о римской оккупации Херсонеса Таврического // Некоторые вопросы всеобщей истории. Тула, 1972. С. 117—118; Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1979. С. 56.
- ⁷ Блаватский В. Д. Земледелие в античных городах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 196; Кадеев В. И. Очерки ... С. 25; Ср.: Якобсон А. Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. 1961. Т. 19. С. 160—161.
- ⁸ Стржецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического // Х. Сб. 1961. Вып. 6. С. 48, 161.
- ⁹ Frank T. Rome and Italy of the Republic. vol. I. Baltimore, 1933. P. 224—225.
- ¹⁰ См.: Высотская Т. Н. Указ. соч. С. 160—177.
- ¹¹ Broughton T. R. S. Roman Asia Minor... P. 608.
- ¹² Кадеев В. И. Деревообрабатывающее производство Херсонеса в I—IV вв. н. э. // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. К., 1974. С. 37—38.
- ¹³ Arr. Peripl. 6; Strab. XII, 3, 10—12, 15, 19, 28, 39; Charlesworth M. P. Trade-Routes and Commerce of the Roman Empire. N. Y., 1970. P. 84—85.
- ¹⁴ Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // ИС. 1968. Вып. 3. С. 19; Голенко К. В. Монеты из раскопок Государственного Исторического музея в Херсонесе (1958—1969 гг.) // СА. 1972. № 4. С. 220. № 214.
- ¹⁵ Журавлев К. И. Икономическое положение в Тракия и Мизия и торговките им отношения с Италия през. I—II вв. от н. е. // ГСУ (ФИФ). 1965. Т. 59. Кн. 3. С. 199. Прим. 32.
- ¹⁶ Лазаров М. Амфорните печати от Одесос // ИНМВ. 1974. Кн. 10 (25). С. 42, 44, 54, № 133; Saparache V. Importul amforelor stampilata la Istria. Bukuresti, 1957. P. 206, 210, N 490—494, 500.
- ¹⁷ Голенко К. В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 58.
- ¹⁸ См.: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 331; Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н. э. М., 1951. С. 10.
- ¹⁹ Гилевич А. М. Указ. соч. С. 18, 20.
- ²⁰ Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964. С. 20—21.
- ²¹ Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968. С. 233.
- ²² Nijfe J. H. Hellenistic and Sigillata Wares in the Near East // JHS. 1936. Vol. 56. N 1—2. P. 234—235.
- ²³ См.: Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 290 сл.; Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. № 85. С. 289, 296, 303.
- ²⁴ ГХМ. Инв. № 17205.
- ²⁵ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 95.
- ²⁶ ГХМ. Инв. № 34359 (660/14); Гос. Эрмитаж. Инв. № X.1892.98; X.1948.160.
- ²⁷ См.: Шургай И. Г. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 111. Рис. 42, 7—8.
- ²⁸ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 268; ГХМ. Инв. № 651/36943, 104/36952, 110/36952; 5/36937 и др.; Ср.: Книпович Т. Н. Указ. соч. С. 309.
- ²⁹ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1957. 49; ГХМ. Инв. № 113 (593/09) и др.
- ³⁰ ГХМ. Инв. № 257, 16/36848, 7/36848, 45/36820, 8/36848; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1949. 7, X. 1961.100, X. 1961. 102 и др.
- ³¹ ГХМ. Инв. № 110/36952, 133/36997, 9/36951, 118/36952, 31/36943, 49/36941; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 101 и др.
- ³² ГХМ. Инв. № 6/36942, 32/36943, 53/36943.
- ³³ См.: Шургай И. Г. Указ. соч. С. 111.
- ³⁴ ГХМ. Инв. № 291, 256, 19635(469/09), 120(575/09), 65/36943, 5/36821, 9/36821 и др.
- ³⁵ Excavations at Gozlu Kule: Tarsus. The Hellenistic and Roman Periods. Vol. I. Princeton, 1950. P. 175. Pl. 136. N 257—258; Loeschcke S. Sigillata-

- Topferein in Tschandarli // AM. 1912. Bd. 27. Taf. 28. N 6; Waage F. O. The Pottery // Antioch-on-the-Orontes. Vol. 1. Princeton, 1934. P. 71. Pl. 15, 13.
- ⁹⁵ ГХМ. Инв. № 20/36848, 51/36507, 19635(469/09), 45/36540, 1112, 1120, 1220, 8859, 16388. 84/36897, 181/35756, 6/36821, 53/36906, 56/36897, 69/36897 и др.
- ⁸⁷ Bernhard M. L. Lampki starozytne. Warszawa, 1955. S. 123; Genito M. C. G. Lucerne fittili delle collezioni del Musee civiko archeologico di Bologna. Bologna, 1977. P. 46—48, 85—91.
- ⁹⁸ Howland R. H. Greek Lamps and their Survivals // The Athenian Agora. Vol. 4. Princeton, 1958. P. 144; Heres G. Die punischen und griechischen Tonlampen der Staatlichen Museen zu Berlin. Berlin; Amsterdam, 1969. S. 44—45, N 105—107.
- ³⁹ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. С. 13—14. Рис. 15.
- ⁴⁰ Вальдегауэр О. Античные глиняные светильники. Спб., Б. И., 1914. С. 27. Табл. VIII, 96.
- ⁴¹ Чичикова М. Античные лампы с марки от Одесса. София, 1961. С. 307—309. Фиг. 1. I.
- ⁴² ГХМ. Инв. № 34504(1098/14), 4354.
- ⁴³ См.: Day J. An Economic History of Athens under Roman Domination. N. Y., 1942. P. 116—117.
- ⁴⁴ Голенко К. В. Состав денежного обращения Херсонеса в I вв. до н. э. С. 58.
- ⁴⁵ Там же. С. 55—56. Гилевич А. М. Указ, соч. С. 19.
- ⁴⁶ Кадеев В. И. Очерки... С. 29.
- ⁴⁷ App. Mithr. 12, 14, 20, 92, 93; Plut. Romp., XXXII; Трофимова М. К. Пиратство в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969. С. 212—213, 218—221; Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952. С. 182—184.
- ⁴⁸ См.: Кадеев В. И. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 12—13.
- ⁴⁹ Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 56—58.
- ⁵⁰ См.: Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. С. 85; Reinach Th. Mithradates Eupator, König von Pontus. Leipzig, 1895. S. 330—333, 345—352; Broughton T. R. S. Op. cit. P. 528; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Vol. 1. Princeton, 1950. P. 321—342; Casson L. The Ancient Mariners. N. Y., 1959. P. 202—204.
- ⁵¹ См.: Сорочан С. Б. Зовнішня торгівля Херсонеса Таврійського в I ст. до н. е. // Вісн. Харк. ун-ту. 1980. № 201. С. 75.
- ⁵² Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.; Л., 1949. С. 35—36; Кудряцев О. В. Эллинистические провинции Балканского полуострова во II веке нашей эры. М., 1954. С. 62—75, 106—108, 160—161, 203, 205—216; Жуглев К. И. Указ, соч. С. 197—200; Broughton T. R. S. Op. cit. P. 524—525, 562—578, 582—590; Day J. An Economic History ... P. 120—128; Jones A. H. M. The Roman Economy. Oxford, 1974. P. 118—121; Downey G. Ancient Antioch. Princeton, 1963. P. 74—80.
- ⁵³ Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1. С. 24; Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1975. С. 39—43. Тип 35, 37, 43, 45. Вариант б (03); Вариант б (02), в (03); 51. Вариант б (02); *ее же*. Предметы из египетского фаянса VI в. до н. э.—IV в. н. э. в Северном Причерноморье // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 5.
- ⁵⁴ Алексеева Е. М. Предметы из египетского фаянса ... С. 10; *ее же*. Античные бусы Северного Причерноморья... С. 28.
- ⁵⁵ Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978. С. 131. № 17.
- ⁵⁶ Plin. NH., XII, 28, 91, 93, 97; XIII, 8—17, 26; Хвостов М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. X.—284 г. по Р. X.). Казань, 1907. С. 94—99; Johnson A. H. Roman Egypt to the Reign of Diocletian // ESAR. 1936. Vol. 2. P. 339—340.
- ⁵⁷ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 161, X. 1948. 162 и др.
- ⁵⁸ ГХМ. Инв. № 37/36766, 47/36557, Ц-2-50, 8504, 36/36766, 16/36552, 28/36554; ГИМ. Инв. № 53151/262; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 387 и др.

- ⁵⁹ *Loeschcke S.* Lampen aus Vindonissa. Zurich, 1919. S. 147—148. Abb. 20, 4.
- ⁶⁰ *Jones A. H. M.* The Roman Economy ... P. 128—129.
- ⁶¹ *Casson L.* Ancient Mariners ... P. 210.
- ⁶² *Кадеев В. И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.— III в. н. э. // ВДИ, 1979. № 2. С. 57 сл.
- ⁶³ *Кадеев В. И.* Очерки... С. 131—132. Рис. 17, 1-3; *Внуков С. Ю.* Светлоглиняные амфоры I в. до н. э.— I в. н. э. как исторический источник по экономической истории Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 2, 15, 18.
- ⁶⁴ *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 18. Рис. 2.
- ⁶⁵ *Кадеев В. И.* Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 гг. // Морские подводные исследования. М., 1969. С. 351—352.
- ⁶⁶ *Кадеев В. И., Вишневский В. И.* Подводные исследования у берегов Херсонеса // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 257.
- ⁶⁷ ГХМ. Инв. № 2/36821, 10/36843; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 154 и др.
- ⁶⁸ См.: *Кадеев В. И.* Очерки... С. 43; *Leaf W.* Some Problems of the Troad // BSA. 1914/1915. Vol. 21. P. 23—25, 28; *Magie D.* Roman Rule ... P. 185—186.
- ⁶⁹ *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 20—21.
- ⁷⁰ *Plin.* NH. XI, 24; *Broughton T. R. S.* Op. cit. P. 610, 619.
- ⁷¹ ГХМ. Инв. № 22/36941, 27/36941, 9/36951, 33672 (2444/13), 20893 (1594/10), 23143/1594/10, 8653/1358/10, 6/36942, 34/36820 и др.
- ⁷² ГХМ. Инв. № 243, 244, 245, 356, 32/36943, 8327 (2483/10), 23068 (1742/11), 33682 (2456/13), 3317/15, 32/36943, 34/36820; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 96, 97, 108, 251; X. 1967. 87 и др.
- ⁷³ ГХМ. Инв. № 34518 (1123/14); Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 87 и др.
- ⁷⁴ ГХМ. Инв. № 8315 (2995/11), 33680 (2454/13), 33677 (245/13), 47/36945 и др.
- ⁷⁵ Эрмитаж. Инв. № X. 1947. 11.
- ⁷⁶ ГХМ. Инв. № 17/36904, 38/36914, 162/36952 и др.
- ⁷⁷ Дж. Перлцвейг, локализовавшая их, считает, что мастерские по производству указанных светильников могли находиться в Эфесе или же рядом с ним. Подробнее об этом см.: *Perlzweig J.* Lamps of the Roman Period // The Athenian Agors. Vol. 7. Princeton, 1961. P. 5—6.
- ⁷⁸ ГХМ. Инв. № 35272, 7/36831.
- ⁷⁹ ГХМ. Инв. № 5104; Ср.: *Menzel H.* Antike Lampen im Romisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz, 1954. S. 21—22. Abb. 19, 3—8, 14; *Shenitleky T.* Ancient Lamps. Budapest, 1969. P. 54—55. N 44.
- ⁸⁰ *Сорочан С. Б.* Імпортні світильники як джерело вивчення торговельних зв'язків Херсонеса із Східним Середземномор'ям у I—III ст. н. е. // Вісн. Харк. ун-ту. 1978. № 167. С. 44.
- ⁸¹ *Philostr.* Vita Apoll. IV, 2; *Plin.* NH. XIV, 75; *Broughton T. R. S.* Op. cit. P. 610, 616, 822; *Magie D.* Op. cit. P. 45—47, 49.
- ⁸² *Кадеев В. И.* Импортные светильники I—IV веков н. э. из Херсонеса // Сов. археология. 1969. № 3; *Сорочан С. Б.* Імпортні світильники... С. 44—45.
- ⁸³ ГХМ. Инв. № 74/35896. Нег. № 4942; *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф.* Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. № 34. С. 76.
- ⁸⁴ *Magie D.* Op. cit. P. 51; *Broughton T. R. S.* Op. cit. P. 610.
- ⁸⁵ ГХМ. Инв. № 170/36952, 172/36952, 110/36952, 52/36943, 54/36943, 45/36820, 45/36820, 5/36821, 22/36820, 17/36820 и др.; Ср.: *Knipowitsch T.* Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. I. Materialien zur römisch-germanischen Keramik, IV. Frankfurt-a-M., 1929. S. 32. Taf. IV. 7.
- ⁸⁶ Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 106; ГХМ. Нег. № 4558; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. С. 211. Рис. 57—58.
- ⁸⁷ ГХМ. Инв. № 1/36949.
- ⁸⁸ ГХМ. Инв. № 93/36857.
- ⁸⁹ ГХМ. Инв. № 46/36857, 33/36857.
- ⁹⁰ ГХМ. Инв. № 6/36951.
- ⁹¹ ГХМ. Инв. № 4/36954.
- ⁹² См.: *Кадеев В. И.* Очерки... С. 133. Прим. 2; *Сорочан С. Б.* Зовнішня торгівля Херсонеса... С. 76.
- ⁹³ ГХМ. Инв. № 33/36953.

- ⁹⁴ ГХМ. Инв. № 34497 (1046/14), 5460, 29930 (1521/10), 321, 8654 (1471/10), 26/36943; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 36 и др.; *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 132; Ср.: *Книпович Т.* Op. cit. S. 22. Taf. 1, 13.
- ⁹⁵ ГХМ. Инв. № 33456 (1793/13), 4653, 353; ГИМ. Инв. № 101388 (Б. IV—69, п. 6, № 20), 103773 (Б. IV—75, п. 160, № 29), 103552 (Б. IV—74, п. 153, № 208), 103552 (Б. IV—74, п. 137, № 64); БИАМ. Инв. № КП 6107/12 (А—IA 269) З. М.—55 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 298. Рис. 2, 1, 4.
- ⁹⁶ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 9; ГХМ. Инв. № 39/36542 и др.
- ⁹⁷ ГХМ. Инв. № 33677 (2450/13), 6/36942 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 311. Рис. 9, 6.
- ⁹⁸ ГХМ. Инв. № 5801, 359, 33674 (2448/13); Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 107; Ср.: *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 74. Табл. XXV, 1.
- ⁹⁹ ГХМ. Инв. № 5090, 33678 (2452/13); Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 363 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 298—299. Рис. 2, 7.
- ¹⁰⁰ ГХМ. Инв. № 6/36942, 110 (629/10), 33691 (2437/13), 4/36951; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948.8, X. 1961. 155 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 296—297. Рис. 1, 4.
- ¹⁰¹ ГХМ. Инв. № 17128, 32/36943, 26/36941, 118/36952, 31/36943. Нег. № 5090; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961, 99 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 311. Рис. 9, 5.
- ¹⁰² ГХМ. Инв. № 34231 (1122/14), 34512 (1125/14) и др.
- ¹⁰³ *Лепер Р. Х.* Описание древностей 1914 г. // Архив ГХМ. Д. № 110. Л. 20.
- ¹⁰⁴ ГХМ. Инв. № 3274, 34300 (388/14) и др.; ГХМ. Инв. № 4645, 17215, 4442, 29947 (300/10) и др.; *Vukovala M.* Traditii elenistice in materialele funerare de erosa gotapa timpurie la Tomis // Pontica, 1969. Vol. 2. P. 307. Fig. 136, 146; *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 307. Рис. 5, 5.
- ¹⁰⁵ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1953. 502.
- ¹⁰⁶ ГХМ. Инв. № 72/3695, 49/36955; Ср.: *Косцюшко-Валожинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 28.
- ¹⁰⁷ ГХМ. Инв. № 5/36940, 15/36940, 18/36942, 20/36945 и др.; Ср.: *Марченко И. Д.* Об античных глазурованных сосудах из музеев СССР // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 25—26, 28; *Голенцов А. С.* Античный поливной сосуд из Северо-Западного Крыма // Там же. С. 64—65. Рис. 25, 1, 2.
- ¹⁰⁸ *Марченко И. Д.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁰⁹ ГХМ. Инв. № 28574, 5314, 4166/10 и др.
- ¹¹⁰ Возможно, в Пергаме, где существовали стекоделательные мастерские. См.: *Broughton T. R. S.* Op. cit. P. 830.
- ¹¹¹ ГХМ. Инв. № 9177, 73/36950; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1908. 337, 672 и др.
- ¹¹² ГХМ. Инв. № 9028, 4882, 4883, 329/36572 и др.
- ¹¹³ ГХМ. Инв. № 3278; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1961 г. Л. 12; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1963 г. Л. 7; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1966 г. Л. 2.
- ¹¹⁴ *Кадеев В. И.* Очерки... С. 133; *Сорочан С. Б.* Зовнішня торгівля Херсонеса Таврійського в I ст. до н. е. С. 76.
- ¹¹⁵ ГХМ. Инв. № 33148 (843/13), 27/36941, 422/36589, 4990, 2676/12, 36/35612, 25/36105; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 12.
- ¹¹⁶ *Кадеев В. И.* Очерки... С. 134. Рис. 19.
- ¹¹⁷ ГХМ. Инв. № 34773, 3/96949, 33/36857, 25/36095, 8/35440, 4/36951, 123/36589, 25/36905, 124/36589, 14/36092, 22/36875; 1/36897; Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 39, X. 1952. 232 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 296—297. Рис. 1, 4; С. 311—312. Рис. 10, 2. Тип. 4М, 5Т, 5А (Т).
- ¹¹⁸ ГХМ. Инв. № 266, 371, 25/36905, 73/36905, 22/36875; Эрмитаж. Инв. № X. 1965. 84 и др.
- ¹¹⁹ ГХМ. Инв. № 352, 35618. Инв. № 35612.
- ¹²⁰ *Кадеев В. И.* Очерки... С. 135. Рис. 19.
- ¹²¹ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 126.
- ¹²² ГХМ. Инв. № 33358.
- ¹²³ *Кадеев В. И.* Импортные светильники I—IV веков н. э. ... С. 161. Рис. 1, 3; *Сорочан С. Б.* Імпортні світильники ... С. 46.
- ¹²⁴ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 149.
- ¹²⁵ *Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus to The Arab Conquest.

- Princeton, 1961. P. 165; *Downey G.* Ancient Antioch. Princeton, 1963. P. 80—89.
- ¹²⁶ Гилевич А. М. Указ. соч. С. 22.
- ¹²⁷ ГХМ. Инв. № 31/35336; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1967. 246.
- ¹²⁸ ГХМ. Инв. № 161/36655, 220/35366, 28841—28890 и др.
- ¹²⁹ ГХМ. Инв. № 4426/09, 28959, 28841—28890; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1908. 669 и др.; Ср.: *Сорокина Н. П.* Стекло из раскопок Пантикапея в 1945—1959 гг. // МИА. 1962. № 103. 1962. С. 217; *Isings C.* Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta, 1959. P. 46. Fig. 31. Form. 31.
- ¹³⁰ ГХМ. Б. П. (фонды К. К. Косцюшко-Валюжинича).
- ¹³¹ Strab. XVI, 2; Plin. NH. V. 76; *Charlesworth M. P.* The Roman Empire. Oxford, 1951. P. 126.
- ¹³² Plin. NH. XII, 111; XXI, 24; XXIII, 95; *Bouchier E. S.* Syria as a Roman Province. Oxford, 1916. P. 165; *Heichelheim F. M.* Roman Syria // ESAR. 1938. Vol. 4. P. 131—134.
- ¹³³ *Шифман И. Ш.* Сирийское общество эпохи принципата (I—III вв. н. э.). М., 1977. С. 83, 87; *Charlesworth M. P.* Trade-Routes... P. 39, 48; *Heichelheim F. M.* Roman Syria... P. 131, 191.
- ¹³⁴ *West L. C., Johnson A. C.* Currency in Roman and Byzantine Egypt // PUSP. 1944. N 5. P. 79; *Charlesworth M. P.* Trade-Routes... P. 27—28.
- ¹³⁵ *Алексеева Е. М.* Предметы из египетского фаянса ... С. 10; *ее же.* Античные бусы Северного Причерноморья. С. 28; *ее же.* Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э.—II в. н. э. // СА. 1971. № 4. С. 183—185. Рис. 1, 1, 4, 8, 13; 2, 1, 3, 8, 11; 3.
- ¹³⁶ См.: *Белов Г. Д.* Terra sigillata из Херсонеса // СА. 1967. № 4. С. 306.
- ¹³⁷ *Frank T.* Rome and Italy... P. 277—282; *Charlesworth M. P.* Trade-Routes... P. 228—229; *Broughton T. R. S.* Roman Asia... P. 543—554.
- ¹³⁸ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 136.
- ¹³⁹ *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 30, 56.
- ¹⁴⁰ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. // НЭ. 1963. Т. 4. С. 47.
- ¹⁴¹ *Чуистова Л. И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь. 1962. Т. 2. С. 78. № 1. С. 82. № 22. Табл. 28, 16. С. 82—83. № 27. Табл. 29, 22; С. 83. № 28—29.
- ¹⁴² ГХМ. Инв. № 23203; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках 1961 г. Л. 27; *его же.* Отчет о раскопках 1975 г. Л. 8; См.: *Зест И. Б.* Керамическая тара Боспора. С. 109. Табл. XXVII, 63; *Baldaeci P.* Importationi cisalpine e produzione Arula // Recherches sur les amphores romaines. Rome, 1972. P. 25—27. Tav. I, 14.
- ¹⁴³ ГХМ. Инв. № 4/36938, 65—66/36943 и др.; *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 135.
- ¹⁴⁴ ГХМ. Инв. № 154/36952; Ср.: *Gabler D.* Die Eroberung Pannoniens im Spiegel der Sigillaten // AA. 1971. T. XXIII. Fasc. I—4. S. 85.
- ¹⁴⁵ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 136.
- ¹⁴⁶ ГИМ. Инв. № 103773 (Б. IV—1975, п. 172).
- ¹⁴⁷ *Белов Г. Д.* Terra sigillata ... С. 301—303. Рис. 1.
- ¹⁴⁸ ГХМ. Инв. № 72/36905; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1965 г. Л. 9; *Кадеев В. И.* Отчет о раскопках на участке «центр квартала» в Херсонесе в 1970 г. Л. 15.
- ¹⁴⁹ Эрмитаж. Инв. № X. 1957. 39, X 1961. 361.
- ¹⁵⁰ См.: *Brukner O.* Osnovne forme i tehnike rimsko-provincijske keramike u Sirmijumu // Materijali VIII sa simpozijuma hronoloska i tipoloska determinacija rimske keramike u Jugoslaviji. Zenica, 1971. S. 32. T. 1, 1, 3, 5; *Filtzinger F.* Die gömische Keramik aus dem Militärbereich von Novaesium. Berlin, 1972. Taf. 53, 8.
- ¹⁵¹ ГХМ. Инв. № 74/35530; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1893. 33, X. 1913. 8; Ср.: *Morin-Jean M.* La verrerie en Gaul sous l'Empire Romain. Paris, 1913. P. 234—235.
- ¹⁵² *Сорокина Н. П.* Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Келы на Таманском полуострове // Античный мир и археология. Саратов, 1977. С. 138. Рис. 6; *Fremersdorf F.* Die Denkmäler des römischen Köln. Bd. 1. Berlin, 1928. Taf. 65, N 24, 343.
- ¹⁵³ *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1974 г. Л. 12; Ср.: *Зест И. Б.* Керамическая тара Боспора. С. 109. Табл. XXVI, 62.

- ¹⁵⁴ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1961 г. Л. 14; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1966 г. Л. 2; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1974 г. Л. 12; *его же*. Отчет о раскопках 1975 г. . . . Л. 8; Ср.: *Зест И. Б.* Указ. соч. С. 111. Табл. ХХІХ, 70—71.
- ¹⁵⁵ ГХМ. Инв. № 35275 (9673/09); ОАК за 1908 г. С. 96. Рис. 90; *Репников Н. И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г. // Х. сб. 1927. Вып. 2. С. 165. Рис. 24.
- ¹⁵⁶ ГХМ. Инв. № 16430 (647/10), 33369/2 (3026/13) и др.
- ¹⁵⁷ *Лепер Р. Х.* Опись находок из раскопок 1909 г. // Архив ГХМ. Д. № 102. Л. 74 об. Мог. № 42; Ср.: *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов. С. 216—217. Рис. 83, 2; *Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. // МИА. 1956. № 57. С. 120. Рис. 4, 3.
- ¹⁵⁸ *Белов Г. Д., Стржеleckий С. Ф.* Кварталы XV и XVI // МИА. 1953. № 34. С. 82. Рис. 50.
- ¹⁵⁹ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1967. 86.
- ¹⁶⁰ ГХМ. Инв. № 1677, 1663, 1679, 1681 и др.
- ¹⁶¹ ГХМ. Инв. № 1606 (2447/13); Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 23; ГИМ. Инв. № 39246 и др.
- ¹⁶² *Menzel H.* Antike Lampen in Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz, 1954. S. 34, Abb. 28, 4; N 136; Abb. 28, 5; N 137.
- ¹⁶³ *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 33. Табл. XIV. № 158.
- ¹⁶⁴ *Белов Г. Д.* Находки в колодезе I века в Херсонесе // СГЭ. 1973. Т. 27. С. 47; *Косцюжин-Валюжинич К. К., Скубетов М. И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г. // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 82. № 2396.
- ¹⁶⁵ *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический... С. 31.
- ¹⁶⁶ *Кадеев В. И.* Херсонес, Боспор и Рим ... С. 64—65.
- ¹⁶⁷ *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 25; *Жуглев К. И.* Указ. соч. С. 243—244.
- ¹⁶⁸ *Домбровский О. И., Паршина Е. А.* Архитектурные детали античного Херсонеса // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 84; *Соколов Г.* Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 146—147. № 157; *Соломоник Э. И.* Указ. соч. С. 273; Античная скульптура Херсонеса. 1976. С. 102. № 323.
- ¹⁶⁹ *Жуглев К. И.* Указ. соч. С. 244.
- ¹⁷⁰ *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1966. С. 218—220.
- ¹⁷¹ *Broughton T. R. S.* Roman Asia... P. 794; *Magie D.* Roman Rule... P. 566—592.
- ¹⁷² Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 94, X. 1961. 202 и др.
- ¹⁷³ ГХМ. Инв. № 158/36950.
- ¹⁷⁴ ГХМ. Инв. № 110/36952, 39/36967 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 314. Рис. 11, 1.
- ¹⁷⁵ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 9, X. 1961. 168 и др.
- ¹⁷⁶ ГХМ. Инв. № 5869, 31/36948 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 304. Рис. 5, 1. С. 317. Тип. 21 (Т).
- ¹⁷⁷ ГХМ. Инв. № 3317/15, 36840 и др.
- ¹⁷⁸ ГХМ. Инв. № 17011, 21192 (1259/10) и др. Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 302. Рис. 4, 3.
- ¹⁷⁹ ГХМ. Инв. № 214, 215, 1/36821, 13/36946, 50/36943 и др.
- ¹⁸⁰ *Oelmann F.* Die Keramik des Kasstells Niederbieber // Materialien zur römisch-germanischen Keramik. I. Frankfurt a. M., 1914. S. 8. Abb. 2. Taf. V, 17.
- ¹⁸¹ ГХМ. Инв. № 8484. (фонд Р. Х. Лепера).
- ¹⁸² *Сорочан С. Б.* Імпортні світильники ... С. 47.
- ¹⁸³ *Кадеев В. И.* Импортные светильники... С. 163; *Сорочан С. Б.* Указ. соч. С. 45.
- ¹⁸⁴ *Сорочан С. Б.* Указ. соч. С. 44.
- ¹⁸⁵ ГХМ. Инв. № 84481 (3248/11), 27/36941, 240/35664; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1952. 234, X. 1961. 151, X. 1961. 152 и др.
- ¹⁸⁶ ГХМ. Инв. № 4338 (1505/10), 21669 (2813/11), 34497 (1046/14), 122/36589, 84/35730, 27/36941; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1949. 17; ГИМ. Инв. № 82091 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 302. Рис. 4, 1. С. 314. Рис. 11, 1.
- ¹⁸⁷ ГХМ. Инв. № 2886/12, 13/36897 и др.; Ср.: *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илврата // МИА. 1958. № 85. С. 288. Рис. 4, 4.
- ¹⁸⁸ ГХМ. Инв. № 21198 (646/10); ГИМ. Инв. № 110989 (Б. IV—70, п. 33, № 70), 102299 (Б. IV. 71, п. 61, № 54).
- ¹⁸⁹ См.: *Лепер Р. Х.* Опись древностей 1910 г. // Архив ГХМ. Д. № 103. Л. 13.

- Мог. № 69; *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археолог. исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 35. Тип. 5. Рис. XIII, 16; XVI, 8.
- ¹⁹⁰ ГХМ. Инв. № 15215; *Белов Г. Д., Стржецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVIII / МИА. 1953. № 34. С. 185—186. Рис. 34.
- ¹⁹¹ ГХМ. Инв. № 5892, 2/36932 и др.
- ¹⁹² ГХМ. Инв. № 416.
- ¹⁹³ Excavations at Gözlu Kule... Pl. 170, e.
- ¹⁹⁴ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 127; *Белов Г. Д., Стржецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 190. Рис. 39, e.
- ¹⁹⁵ ГХМ. Инв. № 1018, 36887, 31/36941; ГИМ. Инв. № 55765 и др.; Ср.: *Shentleky T.* Ancient Lamps... P. 103. N 152—153.
- ¹⁹⁶ ГХМ. Инв. № 1444, 4790, 8484/2 и др.
- ¹⁹⁷ *Heres G.* Op. cit. S. 76. Taf. 50. N 473; S. 86. Taf. 59. N 552. *Genito M. C. G.* Lucerne... P. 134. N 302—304, 341—353; P. 136. N 397; *Deneauwe J.* Lampes de Carthage. P. 192. Tav. LXXXII. N 901.
- ¹⁹⁸ *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 22, 59. Прил. IV. № 35.
- ¹⁹⁹ *Magie D.* Roman Rule... P. 82—83.
- ²⁰⁰ *Broughton T. R. S.* Roman Asia... P. 622; *Jones A. H. M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 262.
- ²⁰¹ *Broughton T. R. S.* Op. cit. P. 862; *Magie D.* Op. cit. P. 305, 454—455, 613.
- ²⁰² *Gren E.* Kleinasien und der Ostbalkan... S. 143; *Magie D.* Op. cit. P. 306.
- ²⁰³ См.: *Патышева П. В.* Указ. соч. С. 64. № 6.
- ²⁰⁴ См.: *Щеглов А. Н.* Два votивных рельефа из Ольвии (к вопросу о связях между Ольвией и Фракией) // ЗОАО. 1967. Т. 2. С. 256.
- ²⁰⁵ *Соломоник Э. И.* Указ. соч. № 3, 4, 9, 20, 81, 84, 86, 92.
- ²⁰⁶ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 136—137.
- ²⁰⁷ *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 29.
- ²⁰⁸ *Broughton T. R. S.* Roman Asia... P. 610; *Magie D.* Roman Rule... P. 46, 51—52; *Miller J.* The Spice Trade... P. 114; *Miller H. H.* Bridge to Asia: The Greeks in the Eastern Mediterranean. N. Y., 1967. P. 170—171.
- ²⁰⁹ ГХМ. Инв. № 4340, 3/36822, 3862/09, 130/36562, 47/35746, 115/35666; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 10; X. 1948. 12 и др.
- ²¹⁰ ГХМ. Инв. № 34/36820; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1974. 102 и др.
- ²¹¹ ГХМ. Инв. № 3278/11, 2231/40, 273/36589, 3/36822, 15/35612, 14/35416, 20/36092, 22/36875, 471/36767, 337/35662, 41/36817, 56/36941, 31/36875, 10/36897, 25/35745; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1890. 27, X. 1952. 220 и др.
- ²¹² ГХМ. Инв. № 1019, 1090, 12/37053 и др.; Ср.: *Technau W.* Griechischen Keramik in Samischen Heraion... S. 58. Abb. 51, 1.
- ²¹³ *Кадеев В. И.* Про торговлю Херсонеса з Середземномор'ям у I—IV ст. н. е. // Вісн. Харк. ун-ту. 1970. № 45. С. 64. Мал. 2; *Сорочан С. Б.* Імпортні світильники... С. 46.
- ²¹⁴ ГХМ. Инв. № 330/36655, 197/36576, 53/36443 и др.
- ²¹⁵ *Николов Д., Буюклиев Х.* Нови тракийски могилини погребения от Чатагка Старозагорска // Археология. 1967. Кн. 3. С. 14; *Viscovala M.* Vase antice de sticla Ia Tomis. Constanta, 1968. P. 83. N 134.
- ²¹⁶ *Лепер Р. Х.* Дневники раскопок херсонесского некрополя // X. сб. 1927. Вып. 2. С. 230—231. Рис. 13, 4; Ср.: *Dusenbery E. B.* Ancient Glass from the Cemeteries of Samothrace // JGS. 1967. Vol. 9. P. 40. Fig. 14.
- ²¹⁷ *Кунина Н. З.* Сирийские выдугие в форме стеклянные сосуды... С. 121.
- ²¹⁸ *Алексеева Е. М.* Миниатюрная мозаика ... С. 183.
- ²¹⁹ *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 51. Табл. XXXVI. № 352; *Кобылина М. М.* Указ. соч. С. 114, 132. № 21.
- ²²⁰ *Жуглев К. И.* Указ. соч. С. 293.
- ²²¹ *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 31—32.
- ²²² *Кадеев В. И.* Очерки... С. 135—136.
- ²²³ ГХМ. Инв. № 70/36572, 73/36572, 93/36576; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1908. 171, X. 1908. 162; *Кадеев В. И.* Очерки... С. 136.
- ²²⁴ Plin. NH. XXI, 16—17; *Loane H. J.* Industry and Commerce of the City of Rome. Baltimore, 1938. P. 53—54, 142.
- ²²⁵ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1899. 31.

- 225 Radnoti A. Die romischen Bronzegefasse... S. 139—143. Taf. XIII, 71; Taf. XLVII, 2—2a.
- 227 ОАК за 1899 г. Спб., 1902. С. 7—8. Рис. 9.
- 228 ГХМ. Инв. № 4934, 4939, 35211; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 16. С. 72.
- 229 Вальдгауэр О. Указ. соч. С. 42—43. Табл. XXVI. № 252. Табл. А, 152.
- 230 Menzel H. Antike Lampen... S. 60. Тур. X. Abb. 52, 7; Iconomi C. Opaite... P. 14. Тур. XI.
- 231 Bernhard M. L. Lampki starozytne... S. 198—199; Loeschke S. Lampen aus Vindonissa... S. 64.
- 232 ГИМ. Инв. № 53151 (О. В. П. 259—54).
- 233 Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1899. 149, X. 1900. 35; Белов Г. Д. Terra sigillata... С. 303—305. Рис. 3—4.
- 234 Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. М., 1966. С. 27; Кротовкин В. В. Римские импортные изделия... С. 33. № 1082; Кадеев В. И. Очерки... С. 137.
- 235 См.: Кузьмина А. Г. Указ. соч. С. 101.
- 236 Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1967 г. // Архив ГХМ. Д. № 1243. Л. 12; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1974 г. // Там же. Д. № 1719. Л. 12; Ср.: Зеест И. Б. Керамическая тара... С. 110. Табл. XXVIII, 65.
- 237 ГХМ. Инв. № 1003, 1006, 1011, 1012, 1027 и др.
- 238 ГХМ. Инв. № 8908/10.
- 239 ГХМ. Инв. № 748/36572, 544/36572 и др.
- 240 ГХМ. Инв. № 748/36572; Ср.: Isings C. Roman Glass... P. 48. Form. 34; Harden D. B. Roman Glass from Karanis found by the University of Michigan Archaeological Expedition in Egypt Ann Arbor, 1936. P. 96, 122—123, Pl. XV. N 390; Dusenbery E. B. Ancient Glass... P. 46. Fig. 41.
- 241 Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 13. Рис. 6.
- 242 Кадеев В. И. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе. С. 13; *его же*. Херсонес, Боспор и Рим... С. 66—67.
- 243 IOSPE. I². № 357. 364; Соломоник Э. И. Указ. соч. № 3, 5.
- 244 Домбровский О. И., Паршина Е. А. Указ. соч. С. 84.
- 245 Иванова Г. П. Сцена заgrabной трапезы на херсонесских надгробных рельефах // Археология. 1970. Т. 23. С. 80 сл.; *ее же*. Херсонесские скульптурные надгробия с изображением умерших // СА. 1941. Т. 7. С. 112—114. Рис. 7; Соломоник Э. И. Указ. соч. № 52; *ее же*. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1973. С. 273.
- 246 Жуглев К. И. Указ. соч. С. 240—241.
- 247 Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Указ. соч. С. 185. Рис. 32; Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1965 г. // Архив. ГХМ. Д. № 858. 1. Л. 11; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1972 г. // Там же. № 1419. Л. 8.
- 248 Herakleia Pontike / Herausg. F. K. Dörner. Bd. I. Wien. 1972. S. 56. Taf. 11 c.
- 249 OSPE. I². № 357, 359, 374, 378; Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 154 сл.
- 250 Соломоник Э. И. Несколько новых надписей Херсонесского музея // Там же. 1978. № 3. С. 79—80. № 9; Гилевич А. М. Указ. соч. С. 48—49. Прил. I.
- 251 Гилевич А. М. Указ. соч. С. 49. Прил. I. № 18.
- 252 Там же. С. 49—50. Прил. I. № 20, 24.
- 253 Broughton T. R. S. Roman Asia... P. 610—611; Magie D. Roman Rule... P. 306; Johnson A. C., West L. C. Byzantine Egypt: Economic Studies // PUSP. 1949. N 6. P. 123, 148.
- 254 Кадеев В. И. Очерки... С. 140.
- 255 ГХМ. Инв. № 36502, 36664; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1908.347 и др.; Ср.: Книпович Т. Н. Указ. соч. С. 303. Рис. 3—5.
- 256 ГХМ. Инв. № 15/36943, 69/36914; 122/36589; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 257; X. 1948. 35 и др.
- 257 Сорочан С. Б. Імпортні світильники... С. 47.
- 258 Broughton T. R. S. Roman Asia... P. 744, 752.

- 259 *Кадеев В. И.* Импортные светильники... Рис. 3; *Сорочан С. Б.* Указ. соч. С. 44.
- 260 ГХМ. Инв. № 4953, 35272, 28436/2, 8/36767, 20/35445, 10^а/35433, 1/35444, 83/36957, 9/36937, 7/36831, 9/35728, 20/36837, 74/35896, 723/35655, 13/36543; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1959.108, 112, 119 и др.
- 261 См.: *Анохин В. А.* Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигиен // КСИА. 1959. Вып. 8. С. 166 сл.; *Ваулина М. П.* К истории торговых сношений Северного Причерноморья с Книдом // СА. 1959. № 1. С. 73. Рис. 1.
- 262 ГХМ. Инв. № 8740 (711/10), 56/35748 и др.
- 263 ГХМ. Инв. № 3927, 51/35647 и др.
- 264 ГХМ. Инв. № 27/36941, 5897, 8755 (1181/10), 33679/4 (2453/13), 33424 (1723/10), 4188/09, 33150 (845/13), 7631 (66/10), 33398 (1673/13), 20921 (67/10); Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 256, X. 1952, 217, X. 1952. 221 и др.
- 265 *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 189.
- 266 *Broughton T. R. S.* Op. cit. P. 877; *Gren E.* Kleinasien und der Ostbalkan... S. 64.
- 267 *Broughton T. R. S.* Op. cit. P. 615; *Miller J.* The spice Trade... P. 113—114, 116; *Charlesworth M. P.* Trade-Routes and Commerce... P. 84—85.
- 268 Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1891. 37; ОАК за 1896 г. Спб., 1898. С. 177. № 626.
- 269 ГХМ. Нег. № 4889; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1903 г. С. 65; *Белов Г. Д., С. Ф. Стржелецкий.* Кварталы XV и XVI // МИА. 1953. № 34. С. 75. Рис. 40, б; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. С. 256.
- 270 ОАК за 1899 г. Спб., 1902. С. 7. Рис. 8. Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 12. Рис. 10.
- 271 *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 22, 51. Прил. I. № 31, 33; *Стржелецкий С. Ф.* Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. у совхоза «Севастопольский» в 1962 г. // Архив ГХМ. Д. 856. I. Л. 184. № 17.
- 272 *Максимова М. И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 313; *Munro J. A.* Roads in Pontus Royal and Roman // JHS. 1901. Vol. 21. P. 52—60; *Magie D.* Roman Rule... P. 185—186.
- 273 *Ramsay W. M.* The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890. P. 267—270.
- 274 *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники... № 5, 6, 55, 111, 115, 116, 121, 127; *ее же.* Греческие надписи из портового района Херсонеса // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 39; *Стржелецкий С. Ф.* Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2. С. 139—140. Рис. 2; *Иванова А. П.* Фрагменты мраморных саркофагов II—III вв. н. э. // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 20—22. Рис. 1, 2.
- 275 *Сорочан С. Б.* Импортні світильники... С. 46—47.
- 276 ГХМ. Инв. № 1045.
- 277 ГХМ. Инв. № 33995 (3063/13); Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 252 и др.
- 278 ГХМ. Инв. № 302/11; Ср.: *Силантьева Л. Ф.* Указ. соч. С. 291. Тип. Б (21).
- 279 ГХМ. Инв. № 27/36941, 56/36766, 140/35664, 789/36589 и др.
- 280 ГХМ. Инв. № 139/35664; Эрмитаж. Инв. № X. 1952. 227 и др. Ср.: *Tschape W.* Griechische Keramik... S. 50.
- 281 ГХМ. Инв. № 124/36572, 804/36, 572 и др.
- 282 *Nessberg O.* Notes of the Chronology of the Roman Glass in Cyprus // Opuscula Archaeologica. 1952. Vol. 7. P. 125; *Neuburg F.* Glass in Antiquity. London, 1949. P. 26, 39. Fig. 61.
- 283 *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. С. 94—97. Табл. VI. Мог. № 1492; *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 192—193. Рис. 43, а.
- 284 *Harden D. B.* Roman Glass from Karanis... P. 33, 40; *Jones A. H. M.* The Roman Economy... P. 145; *Johnson A. M.* Roman Egypt to the Reign of Diocletian // ESAR. Vol. 2. Baltimore, 1936. P. 336.
- 285 См.: *Сорокина Н. П.* Стекло из раскопок Пантикапея, 1945—1959 гг. С. 213.
- 286 *Алексеева Е. М.* Предметы из египетского фаянса... С. 10; *ее же.* Античные бусы из Северного Причерноморья. С. 28; *ее же.* Миниатюрная мозаика ... С. 184—185.
- 287 См.: *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. М., 1964. С. 130; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 174, 199.

- 288 *Loeschcke S. Lampen...* S. 107; *Genito M. C. G. Lucerne...* P. 161—162, N 447, 453—456, 478.
- 289 ГИМ. Инв. № 54791 (604—5), 54791 (604—6), 28740 (117—3); ОАК за 1892 г. Спб., 1894. С. 24; *Вальдегауэр О.* Указ. соч. С. 58. Табл. 43. № 461. Табл. А, 461. См.: *Loeschcke S. Lampen...* 48, 105—110; Ср.: *Shentleleky T. Ancient Lamps.* P. 90—93, N 121, 124—126, 130, 131.
- 290 См.: *Ivanji D. Die pannonischen Lampen. Eine typologisch-chronologische Übersicht.* Budapest, 1935. S. 17—18, 27, 29, 33. Taf. 48, 5—10.
- 292 См.: *Жуглев К. И.* Указ. соч. С. 271, обр. 87.
- 293 *Чичикова М., Дмитрова-Милчева А., Божилова В.* Раскопки в Нове-Българска експедиция // Археологически открития и раскопки през 1976 г. XXII Национална археологическа конференция в гр. Русе. София, 1977. С. 68.
- 294 *Charlesworth M. P.* Op. cit. P. 204; *Rostovtzeff M. The Social and Economic History...* P. 167.
- 295 *Кропоткин В. В.* Указ. соч. С. 80. № 653; *Белов Г. Д. Terra sigillata...* С. 305—306. Рис. 5.
- 296 *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 190 Рис. 42, а.
- 297 *Colingwood R. G., Richmond I. The Archaeology of Roman Britain with a Chapter by B. R. Hartley on Samian Ware.* London, 1969. P. 240.
- 298 *Белов Г. Д., Якобсон А. Л.* Квартал XVII // МИА. 1953. № 34. С. 117. Рис. 11, б.
- 299 См.: *Марченко Н. Д.* Об античных глазурованных сосудах из музеев СССР. С. 32.
- 300 См.: *Loeschcke S. Keramische Funde in Haltern // Mitteilungen der Altertumskommission für Westfalen.* Bd. 5, Bonn, 1908. S. 193. Taf. XVIII; *Thomas E. B. Die römische Villa von Tacfovenpuszta // AA.* 1955. T. 6. S. 120. Abb. 49—51.
- 301 *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 142.
- 302 *Patek E. A pannonial fibulatusok elterjedese es eredete.* Budapest, 1942. S. 124—127. Taf. 20—21; *Kovrig J. Pannonia.* Budapest, 1942. P. 17.
- 303 *Кадеев В. И.* Очерки... С. 139—140, 143. Рис. 17, 6—7.
- 304 Урны 41, 52, 63, 69, 97, 116, 126, 153, 196а; Ср.: *Кунина Н. З., Соркина Н. П.* Стекланные балзамари Боспора // Труды Гос. Эрмитажа. 1972. Т. 13. Тип. I. Gr. 2. Вариант А; тип. 3; *Петерс Б. Г.* Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 85. Рис. 10—11.
- 305 *Scorpan C. Origini si Linii evolutive in ceramica romano-bizantina (sec. IV—VII) din spatiul Mediteranean si Pontic // Pontica.* 1976. T. 9. P. 160—162. Pl. VII, 1, 5; *Szekely Z. Noi descoperiri din epoca romana din sud-estul Transilvaniei // SCIV.* 1975. T. 26. N 3. P. 349. Fig. 6. 1, 7; *Radulescu A. Amfore romane si romano-bizantine din Scythia Minor // Pontica.* 1976. T. 9. P. 103. Pl. 11, 2.
- 306 *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1967 г. // Архив ГХМ. Д. № 1243. Л. 13, 16; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1974 г. // Там же. Д. № 1719. Л. 12. Табл. 27.
- 307 *Зеест И. Б.* Керамическая тара... С. 35.
- 308 ОАК за 1897 г. Спб., 1900. С. 126. Рис. 242—243.
- 309 *Hauserward J. Roman Mould-Blown Glass at Yale University // JGS.* 1962. Vol. 4. P. 64. Fig. 9; *Isings C. Roman Glass...* P. 94.
- 310 *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // X. сб. 1959. Вып. 5. С. 21. Рис. 7.
- 311 ГХМ. Инв. № 33000 (405/13); *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 85; *Вальдегауэр О.* Указ. соч. С. 63. Табл. 49. № 515.
- 312 *Shentleleky T. Ancient Lamps.* P. 88.
- 313 ГХМ. Инв. № 8468/4, 8460 и др.
- 314 *Домбровский О. И., Паршина Е. А.* Указ. соч. С. 84 сл.
- 315 *Iconomi C. Opate greco-romane.* P. 18. Тип. XX.
- 316 *Iconomi C. Op. cit.* P. 20.
- 317 ГИМ. Инв. № 33081 (118—34).
- 318 *Iconomi C. Op. cit.* P. 20.
- 319 ГХМ. Инв. № 1604 (3017/11).
- 320 ГХМ. Инв. № 21644 (3075/11), 5842 и др.; Ср.: *Radulescu A. Contributii la cunoasterea ceramicii romane de uz comun, din Dobrogea // Pontica.* 1975. T. 8. P. 338. Pl. VI, 1—3.

- ³²¹ ГХМ. Инв. № 196/36502. Нег. № 11521; Ср.: *Султов Б.* Един занаятчийски център в Долна Мизия // Археология. 1962. Кн. 4. С. 30, 34, обр. 1; *его же*. Една villa rustica край с. Присово, В. Търновски окръг // ИОМТ. 1964. Кн. 2. С. 54, обр. 9, в; *Majewski К.* Kultura rzymska w Bulgarii. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1969. S. 35.
- ³²² *Зубарь В. М.* Освицовых зеркалах из Некрополя Херсонеса // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г. А. Кошелев. М., 1986. С. 150—154. Рис. 1, 1—3.
- ³²³ Коллекция таких зеркал хранится в Археологическом музее г. Варны.
- ³²⁴ *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 25—26.
- ³²⁵ *Белов Г. Д.* Бронзовые статуэтки из Херсонеса // История и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 23—24. Рис. 1. С. 26. Рис. 3. С. 28—29. Рис. 4. С. 30.
- ³²⁶ См.: *Петрович П.* Ниш у античко доба. Градина, 1976. С. 146 сл. 61; *Ognenova-Marinova L.* Statuettes en bronze du Musée National Archeologique a Sofia. Sofia, 1957. P. 71. N 62—63; P. 73. N 65; P. 114. N 127; P. 116. N 129.
- ³²⁷ КБН. № 1237.
- ³²⁸ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. М., 1961. С. 64, № 585; С. 66. № 639.
- ³²⁹ *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 21.
- ³³⁰ *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники... № 13; *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 21.
- ³³¹ См.: IOSPE. I². № 40; *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1914 г. // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 23. № 9; КБН. № 732.
- ³³² *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 139. Рис. 17, 4.
- ³³³ IOSPE. I². № 364; *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники... № 7.
- ³³⁴ ГХМ. Инв. № 32729/8, 2735/12 и др.; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 301, Рис. 4, 2.
- ³³⁵ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1952. 209 и др.
- ³³⁶ ГХМ. Инв. № 31302; Извлечение из отчета Косцюшко-Валюжинича К. К. о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // ИАК. 1902. Вып. 2. С. 24.
- ³³⁷ ГХМ. Инв. № 1802/10, 2524/12, 57/36562, 20982 (4178/10); Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1893. 70 и др.; ОАК за 1893 г. СПб., 1895 г. С. 55. Рис. 33; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 42. Рис. 19; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1967 г. Л. 13; *Кадеев В. И.* Очерки... С. 146; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 306—307. Рис. 6—7.
- ³³⁸ ГХМ. Инв. № 224/36562, 62/3652; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1900. 26 и др.; *Кадеев В. И.* Очерки... С. 140.
- ³³⁹ *Loeschcke S.* Sigillata — Topfereien... S. 344.
- ³⁴⁰ ГХМ. Инв. № 1052, 1459, 19043/2 (4394/09) и др.
- ³⁴¹ *Кадеев В. И.* Очерки... С. 141.
- ³⁴² ГХМ. Инв. № 5584, 8650; Гос. Эрмитаж. X. 1948. 69 и др.
- ³⁴³ *Стржелецкий С. Ф.* Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2. С. 140. Рис. 3; *Иванова А. П.* Фрагменты мраморных саркофагов II—III вв. н. э. // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 19—22; *ее же*. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953. С. 135; *Белов Г. Д.* Херсонесские саркофаги // Культура античного мира. М., 1966. С. 24 сл.; АСХ. С. 144—146. № 455—459.
- ³⁴⁴ См.: *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники... № 12 — 14, 26, 113, 133, 184; *ее же*. Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округи // НЭ. 1974. Т. 11. С. 33—34. № 1; *Пятышева Н. В.* Мраморная статуэтка Гигиены из Херсонеса // ВДИ. 1971. № 2. С. 71—74. Рис. 1—3.
- ³⁴⁵ *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 29.
- ³⁴⁶ *Magie D.* Roman Rule... P. 45.
- ³⁴⁷ ГХМ. Инв. № 1036, 19000 (4693/09) и др.
- ³⁴⁸ *Doughney G.* Ancient Antioch. Princeton, 1963. P. 101—106.
- ³⁴⁹ *Вальдауэр О.* Указ. соч. С. 55. № 421.
- ³⁵⁰ См.: *Waage F. O.* The Lamps... Pl. 63. P. IX. № 168, 1459; *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Египетские и сирийские светильники первых веков н. э. из Херсонеса // Вестн. Харьк. ун-та. XV. 1985. № 268. С. 97.
- ³⁵¹ *Штаерман Е. М.* Африка и Рим в эпоху Принципата // Afrika und Rom in

- der Antike. Halle, 1968. S. 59—60; *Romanelli P.* Storia delle province romane dell' Africa. Roma, 1959. P. 344.
- ³⁵² *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. С. 28, 34. Тип. 16. Вариант д (5).
- ³⁵³ *Вальдегауэр О.* Указ. соч. С. 48. Табл. XXIII. № 315; *Кобылина М. М.* Указ. соч. С. 113, 124, № 3; С. 116—117, 129, № 13; *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Указ. соч. С. 95—96.
- ³⁵⁴ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 142; *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия... С. 115. № 1084.
- ³⁵⁵ *Кадеев В. И.* Указ. соч. С. 96—98. Рис. 12, 3—6.
- ³⁵⁶ ГХМ. Инв. № 5873, 29938 (654/10), 29937 (1792/10) и др.
- ³⁵⁷ *Waage F. O.* The Roman and Byzantine Pottery // *Hesperia*. 1933. N 2. P. 305. Fig. 5; *Robinson H. S.* The Pottery of the Roman Period // *The Athenian Agora*. 1959. Vol. 5. P. 52. Pl. 9. J 11, J 34; Pl. 16 L5; Pl. 21 M 69—70; *Condu-rachi E.* si Colabor. Santierul arheologic Histria // *Materiale*. 1957. T. 3. P. 30. Fig. 13; P. 35. Fig. 20, 2; *Popilian G.* Ceramica romana din Oltenia. Craiova, 1976. P. 104—105. Тип. 1, 2 (п. 559—612).
- ³⁵⁸ ГХМ. Инв. № 1639, 17635 и др.
- ³⁵⁹ *Iconomi C.* Orapite... *Tipul XVIII*. В. 64—66, № 199—201, 203, 205, 207, 208, 209; p. 106—107, № 529—539; *Heres G.* Die römischen Bildlampen... S. 72—73. Taf. 47. № 440, 442, 444, 445, 447; *Hoken R.* Roman Lamps in the Prague National Museum and in other Czechoslovak Collections. Prague, 1958. P. 73—74. N 77.
- ³⁶⁰ *Simont F.* Fragment de bouclier portant une liste d'étapes // *Syria*. 1925. T. 6. Fasc. 1. P. 1—14.
- ³⁶¹ *Classis* // *RE*. 1899. Bd. 3. Col. 2643.
- ³⁶² *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 23, 25—26.
- ³⁶³ *Велков В.* Тракия и Долна Мизия в историческото развитие на Балканския полуостров през римската епоха // *България в свете от древността до наши дни*. София, 1979. Т. I. С. 144.
- ³⁶⁴ ГХМ. Инв. № 32701 (2582/12), 23699(3117/13), 16616 (3281/11), 1503, 26/36757, 1/35435, 1/35436, 34015 (3151/13), 33348 (1567/13) и др.
- ³⁶⁵ *Сорочан С. Б., Шевченко А. В.* Западнопоитийские светильники... С. 95—97. Рис. 2—4; *Кузманов Г., Салкин А.* Коллекция от антични лампи в Музея на Каварна // *ИНМВ*. 1981. Кн. 17 (32). С. 55. Табл. V, 39—42; *Iconomi C., Bordeianu C.* A povă descoperire de lucerne la Constanta // *Pontica*. 1981. T. 14. P. 270. Fig. 1—3. P. 274—276.
- ³⁶⁶ *Кузманов Г., Салкин А.* Указ. соч. С. 55. Табл. V, 39—42; *Bărlădeanu-Zavatin E.* In legatura cu o necropola din epoca romana la Callatis // *Pontica*. 1977. T. 10. P. 128—129, 133, 137. Pl. V, 1, 3, 5, 7; *Iconomi C.* Orapite greco-romane. P. 20. *Tipul XX*.
- ³⁶⁷ См.: *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. К., 1982. С. 106. Рис. 71, 7; С. 117. Рис. 47, 1—3. Тип 11—12.
- ³⁶⁸ ГХМ. Инв. № 434, 17097, 23563, 20876, 34/36757 и др.; *Сорочан С. Б.* Економічні зв'язки... С. 13; *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* Новый погребальный комплекс... С. 108. Рис. 3, 3.
- ³⁶⁹ *Кузманов Г.* За производството на глинени лампи в Долна Мизия и Тракия (I—IV вв.) // *Археология*. 1981. Год 23. Кн. 1—2. С. 15. Обр. 2; Ср.: *Сорочан С. Б.* Про так звани рубчести світільники з Херсонесу // *Археология*. 1982. Вип. 38. С. 43—49.
- ³⁷⁰ Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 72; ГХМ. Инв. № 11/36713; 38/36789, 3/36849 и др.
- ³⁷¹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // *ИАК*. 1907. Вып. 25. С. 96. № 1960; *Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубатов М. И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1907 г. // *ИАК*. 1911. Вып. 42. С. 55. № 2286.
- ³⁷² *Scorpan C.* Tipi sconosciuti di lumini a olio romani e il problema di certe trasmissioni nel primo feudalesimo // *Pontica*. 1973. T. 6. 212—215. Fig. 2; 4, 2; *tipul 13*.
- ³⁷³ *Broughton T. R. S.* *Roman Asia*... P. 745, 775, 904—905.
- ³⁷⁴ ГХМ. Инв. № 55/36945, 3/35438 и др.; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках

- в Херсонесе в 1961 г. // Архив ГХМ. Д. № 796. Л. 23; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1963 г. // Там же. Д. № 836. Л. 11, 13; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // Там же. Д. № 1283. Л. 4; *его же*. Отчет о раскопках 1975 г. в Херсонесе // Там же. Д. № 1760. Л. 8; *Кадеев В. И.* Очерки... С. 142—143. Рис. 17, 5.
- 375 *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 20—21; *Стржелецкий С. Ф.* Отчет о разведках могильника в совхозе № 10 в 1954 г. // Там же. Д. № 690, V. Л. 55.
- 376 *Голенко К. В.* Монеты из раскопок Государственного Исторического музея в Херсонесе // СА. 1972. № 4. С. 216. № 106.
- 377 *Кадеев В. И.* Очерки... С. 143.
- 378 *Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А.* Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время // СА. 1975. № 1. С. 91—93.
- 379 *Маликов В. М.* Плоды и зерна греческого ореха, каштана, итальянской сосны, инжира, финиковой пальмы и маслины из раскопок Херсонеса // Архив ГХМ. Д. № 736. Л. 2—3; *его же*. О некоторых культурных растениях древнего Херсонеса // Виноградарство и садоводство Крыма. 1959. № 12. С. 39—40; *Кадеев В. И.* Очерки... С. 145—146.
- 380 *Diocletians Preisedikr / Herasg. von S. Lauffer. Texte und Kommentare. Bd. 5. Berlin, 1971. Cap. 6, 49.*
- 381 *Herakleia Pontike. S. 55. Taf. 9; 9; 10a, 1.*
- 382 ГХМ. Инв. № 1063, 5691, 21193 (244/10), 112 (2194/10); Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1908. 322, X. 1908. 524 и др.
- 383 ГИМ. Инв. № 102610 (Б. IV — 72, п. 104, № 174), 102940 (Б. IV — 73, п. 128; № 153) и др.
- 384 См.: *Лепер Р. X.* Описание древностей 1910 г. // Архив ГХМ. Д. № 103. Л. 6 об. Склеп № 5, № 244.
- 385 ГХМ. Инв. № 465, 3265, 3311; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1959. 76 и др.
- 386 ГХМ. Инв. № 1517, 1079, 1037 и др.; *Сорочан С. Б.* Імпортні світильники... С. 47.
- 387 ГХМ. Инв. № 1406, 5682 и др.
- 388 *Кадеев В. И.* Очерки... С. 146.
- 389 ГХМ. Инв. № 5875, 20957 (414/10); *Кадеев В. И.* Указ. соч. С. 92—93. Рис. 10, 3. Тип. 3.
- 390 *Белова Л. Н.* Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII // МИА. 1953. № 34. С. 257, 267, № 40.
- 391 *Athen. I. 29; Broughton T. R. S. Roman Asia... P. 610.*
- 392 *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 22.
- 393 *Jones A. H. M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937. P. 124—125, 145; Magie D. Roman Rule... P. 261—262; Charlesworth M. P. Trade-Routes and Commerce... P. 85.*
- 394 ГХМ. Инв. № 243/35727, 20920/2 (995/10) и др.
- 395 ГХМ. Инв. № 8427 (1172/10).
- 396 ГХМ. Инв. № 61/35901, 8654 и др.
- 397 Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1959. 75.
- 398 ГХМ. Инв. № 8537/2, 1058, 32575 (2163/12), 15166/8 — 2, 16161/8—8, 1424, 1432, 1435, 1412, 1419, 1324, 16165/11—5, 16127/16, 16154/4, 16159/3, 1619/3 и др.; Ср.: *Вальдгауэр О.* Указ. соч. № 348, 351, 391, 393. 4
- 399 См.: *Домбровский О. И., Паришина Е. А.* Указ. соч. С. 89; *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники... № 58, 114; АСХ. С. 138.
- 400 ГХМ. Инв. № 4329; Ср.: *Книпович Т. Н.* Указ. соч. С. 303—304. Рис. 3, 6; С. 315. Тип 13 (Т).
- 402 ГХМ. Инв. № 1401, 16161/8—5, 24/36512, 55/36436 и др.
- 401 ГХМ. Инв. № 8/36713.
- 403 ГХМ. Инв. № 969 (544/10); *Кадеев В. И.* Импортные светильники... С. 164. Рис. 2, 5.
- 404 *Kübler K. Zum Formwandel in der spätantiken Attischen Tonplastik // JDAI. 1952. Bd. 67. S. 108; Haken R. Roman Lamps... P. 98—99. N 02. Fig. 21.*
- 405 *Кадеев В. И.* Импортные светильники... С. 167—168. Рис. 20, 1.
- 406 ГХМ. Инв. № 972. В первой публикации светильника с этой сигнатурой она ошибочно была прочтена как «ΠΤΕΙΘΟΥ». См.: *Кадеев В. И.* Указ. соч. С. 167.

- 407 *Perlzweig J.* Ор. cit. P. 47.
- 408 *Perlzweig J.* Ор. cit. P. 27; *Кадеев В. И.* Указ. соч. С. 166.
- 409 *Кадеев В. И.* Импортные светильники... С. 166.
- 410 *Haken R.* Ор. cit. P. 93.
- 411 ГХМ. Беспаспортный; ОАК за 1893 г. Спб., 1895. С. 68. Мор. № 375.
- 412 ГХМ. Инв. № 312 (978).
- 413 ГХМ. Инв. № 943, 16637/3, 15954; *Кадеев В. И.* Указ. соч. С. 165.
- 414 ОАК за 1896 г. Спб., 1898. С. 194—195. Рис. 574.
- 415 ГХМ. Инв. № 946; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 25.
- 416 ГХМ. Инв. № 980.
- 417 См.: *Perlzweig J.* Ор. cit. P. 36.
- 418 *Кадеев В. И.* Импортные светильники... С. 166—167.
- 419 *Perlzweig J.* Ор. cit. P. 24.
- 420 *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. С. 95. Склеп № 1492; *Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И.* Указ. соч. С. 8. Рис. 8.
- 421 *Haywood R. M.* The Myth of Rome's Fall. N. Y., 1959. P. 59; *Downey G.* A History of Antioch... P. 251—253.
- 422 *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 164.
- 423 ГХМ. Инв. № 31240/10; *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках склепа у совхоза «Севастопольский» (1969 г.) // Архив ГХМ. Д. № 1476. Л. 1. Рис. 13.
- 424 *Кобылина М. М.* Указ. соч. С. 177. № 49—50.
- 425 *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. С. 34. Тип. 16. Вариант д (5); С. 46. Тип. 76. Вариант а (01).
- 426 ГХМ. Инв. № 225/36443, 35/36637, 806/36572; Ср.: *Harden D. B.* Roman Glass from Karanis... P. 49. Fig. 1d; P. 63, 70—71. Pl. II. N 83; *Isings C.* Roman Glass... P. 117. Form. 97 a, b.
- 427 ГХМ. Инв. № 1602/1804/10, 1502 (3987/09); Ср.: *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 52. Табл. XXXVII. № 370.
- 428 *Лепер Р. X.* Опись находок из раскопок 1909 г. // Архив ГХМ. Д. № 102. Л. 62. № 3987; *его же.* Опись древностей 1910 г. Л. 31. Склеп № 102. № 1804.
- 429 *Домбровский О. И., Паришина Е. А.* Указ. соч. С. 89.
- 430 *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 142, 146, 148.
- 431 *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). М., 1970. С. 96. № 834, 835. С. 95, № 842.
- 432 ГХМ. Инв. № 52/36436; *Кропоткин В. В.* Указ. соч. С. 123. № 1182.
- 433 ГХМ. Инв. № 31216 и др.
- 434 ГХМ. Инв. № 20860, 23560 и др.
- 435 ГХМ. Инв. № 16417. Нег. № 9953 и др.
- 436 *Кадеев В. И.* Очерки... С. 144.
- 437 *Robinson H. S.* The Pottery... P. 69. Pl. 15, k113; P. 77. Pl. 16; P. 112. Pl. 31, M303; *Fisher C. S.* Tombs // Gerasa. City of Decapolis. New Haven, 1938. P. 565, 567. Fig. 43, 45; *Scorpan C.* Origini și linii evolutive... P. 155—185. Fig. 31. Pl. 1, 3.
- 438 *Дремсизова Цв.* Нови данни за икономиката на Долна Мизия през римската епоха // ИИМК. 1960. Кн. 1. С. 7. Обр. 14, 1; *Султов Б.* Една villa rustica край с. Присово В. Търновски окръг // ИОМТ. 1964. Кн. 2. С. 56. Обр. 10; *Scorpan C.* Ceramica romano-bizantina de la Sacidava // Pontica. 1975. T. 8. P. 267—268. Tip E.
- 439 Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 222.
- 440 *Çarpan G.* Le amphore del relitto romano di Capo Ognina (Siracusa) // Recherches sur les amphores romaines. Rome, 1972. P. 244—245. Fig. 1, 2; *Belt-ran M. L.* Las anforas romanas en Espana. Zaragoza, 1970. Fig. 63, H4.
- 441 ГХМ. Инв. № 18999 (4690/09), 8474/3, 42/36569, 28/36757, 29/36892; ГИМ. Инв. № 15439, 15440, 26945, 29945, 39246, 55765 и др.
- 442 См.: *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 49—53; *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 77. Рис. 17, 2; С. 158. Рис. 42,4; *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л., 1949. С. 72; *Славин Л. М.* Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Т. I. К., 1940. С. 76—77. Рис. 56; *Керамическое производство и античные керамические строительные материалы.* М., 1966. С. 20—21, 117. Табл. 26, 5.

- 443 *Coja M.* Un mormint de incineratie din epoca romana de la Histria//SCIV. 1974. N 1. P. 39—40. Fig. 2, 4; *Barnea I.* O casa romana tirzie de la Dinogetia//SCIV. 1969. T. 20. N 2. P. 263—264. Fig. 10, 1.
- 444 ГХМ. Инв. № 18999 (4690/09), 1495 (2044/10), 1608 (1803/10), 33698 (746/13), 1647 (4701/69), 1619 (509/10) и др.
- 445 ОАК за 1895 г. Спб., 1897. С. 108. Рис. 262; *Лепер Р. Х.* Описание древностей 1910 г. Л. 51 об. Склеп № 62, № 3127.
- 446 *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 49.
- 447 ГХМ. Инв. № 33123/3 (806/13), 1049 (806/13), 19019 (3858/09).
- 448 ГХМ. Инв. № 1064.
- 449 *Мирчев М.* Три гробни находки край Варна//ИНМВ. 1969. Кн. 5 (20). С. 230. обр. 10.
- 450 См.: *Неверов О. Н.* Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР//ВДИ. 1979, № 1. С. 100. № 17. Табл. II, 17, а, б; С. 101. Табл. III, 27; *его же.* Отражение восточных культов в глиптике Северного Причерноморья (по материалам Эрмитажа)//СГЭ. 1977. Т. 42. С. 42.
- 451 В некоторых херсонесских склепах позднеантичного времени встречаются золотые нитки от парчи или золототканых одежд. См.: ОАК за 1896 г. Спб., 1898. С. 176. № 620; *Косцюшко-Валожинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г.//ИАК. 1902. Вып. 4. С. 100. № 1089.
- 452 ОАК за 1895 г. Спб., 1897. С. 109. № 576; ОАК за 1897 г. Спб., 1900. С. 120. № 903; *Косцюшко-Валожинич К. К., Скубатов М. И.* Указ. соч. С. 28. № 2191.
- 453 *Кадеев В. И.* Очерки... С. 145—146.
- 454 *Матвеев С. Н.* Турция. М.; Л., 1946. С. 141; *Буш Н. А.* Курс систематики высших растений. М., 1944. С. 332.
- 455 *Miller J.* The Spice Trade. Map. N 5.
- 456 *Редер Д. Г.* Культура финиковой пальмы в Египте и Палестине в греко-римский период//Эллинский Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. Сборник в честь семидесятилетия Н. В. Пигулевской. М., 1967. С. 52—55.
- 457 См.: *Кадеев В. И.* Очерки... С. 148—149.
- 458 *Gren E.* Kleinasien und der Ostbalkan... S. 10; *Magie D.* Roman Rule... P. 705—720; *Haywood R. M.* The Myth of Rome's Fall. P. 60—63, 67—68.
- 459 См.: *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н. э. М., 1954. С. 73—75, 103; *Broughton T. R. S.* Roman Asia... P. 907—908; *Magie D.* Op. cit. P. 707—708.
- 460 *Штаерман Е. М.* Африка и Рим в эпоху Принципата. С. 75; *Haywood R. M.* Roman Africa//ESAR. 1938. Vol. 4. P. 115; *Johnson A. H.* Roman Egypt to the Reign of Diocletian. P. 354.
- 461 *Haywood R. M.* The Myth of Rome's Fall... P. 63.
- 462 *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 26.
- 463 *Кадеев В. И.* Очерки... С. 142—143. Рис. 16, 5.
- 464 *Гилевич А. М.* Указ. соч. С. 20—21.
- 465 *Кобылина М. М.* Указ. соч. С. 171. № 20; С. 175. № 38.
- 466 См.: *Broughton T. R. S.* Roman Asia... P. 625, 829.
- 467 ГХМ. Инв. № 96, 1624, 32678, 90/36532 и др.
- 468 ГХМ. Инв. № 3763; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1894. 16 и др.; Ср.: *Neuburg F.* Ancient Glass. London, 1962. Pl. XXI, 69.
- 469 ОАК за 1897 г. Спб., 1900. С. 118; Ср.: *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло Таманского городища//Керамика и стекло древней Тмуракании. М., 1963. С. 134. Рис. 2 (3,5).
- 470 *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Египетские и сирийские светильники... С. 97—99. Рис. 3.
- 471 *Кадеев В. И.* Очерки... С. 148.
- 472 ОАК за 1897 г. Спб., 1900. С. 128. Рис. 247. Мог. № 987.
- 473 ГХМ. Инв. № 8644 (Определение Т. И. Костромичевой).
- 474 ГХМ. Инв. № 1319, 1324, 16260, 1348 (2069а/10), 21240 (2069в/10), 15918 (четыре светильника), 1636911, 11/36912; Гос. Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 63; ГИМ. Инв. № 39246 (П. 119—29), 82658 (П. 128); ОАК за 1892 г. Спб., 1894. С. 23—24. Рис. 16; С. 103. Рис. 61; ОАК за 1893 г. Спб., 1895. С. 109. Мог. № 329; ОАК за 1897 г. Спб., 1900. С. 120. № 903; С. 128. Рис. 248—249. Мог. № 987; *Косцюшко-Валожинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Тавриче-

- ском в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 40—41; *Техтай А. К.* Раскопки херсонесского некрополя в 1937 г. // X. сб. 1948. Вып. 4. С. 27. Мог. № 14.
- 475 *Щеглов А. Н.* Светильники с клеймом ХРУСОУ // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 45—51.
- 476 См.: Дневник раскопок Р. Х. Лепера за 1910 г. // Архив ГХМ. Д. № 72-Л. 32. Мог. № 147; *Лепер Р. Х.* Описание древностей 1910 г. Л. 64. Мог. № 147.
- 477 ОАК за 1893 г. Спб., 1895. С. 61. Мог. № 329.
- 478 *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 108.
- 479 ГХМ. Инв. № 31263/3.
- 480 ГХМ. Инв. № 8627 (411/10); *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 60—61. Табл. 45. № 482—483; *Кадеев В. И.* Импортные светильники... С. 165.
- 481 ГХМ. Инв. № 23468.
- 482 Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 2. № 1204 (в склепе не было монет позднее конца III в.).
- 483 ГХМ. Инв. № 960; *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 59. Табл. 44. № 464.
- 484 ГХМ. Инв. № 9/36463; *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 59. Табл. 44. № 465; *Гилевич А. М.* Могила с двумя подбоями // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 52—54. Рис. 1.
- 485 ГХМ. Б. п. (фонд Р. Х. Лепера).
- 486 *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 59. Табл. 44. № 470. Мастером была допущена ошибка в сигнатуре: вместо СЕВНРОУ он вырезал ЕСВНРОУ.
- 487 ГИМ. Инв. № 39246.
- 488 *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. С. 105. № 1096; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. С. 40; *Кадеев В. И.* Импортные светильники... С. 168—169.
- 489 Случайная находка.
- 490 *Кадеев В. И.* Указ. соч. С. 169.
- 491 См.: *Bruneau Ph.* Lampes Corinthiennes // BCH. 1971. Т. 95 (II). P. 445.
- 492 *Besnier M.* Olea, Oleum // DA. 1905. Т. 4. P. 168—169.
- 493 *Heichelheim F. M.* Roman Syria... P. 179; *Johnson A. C., West L. C.* Byzantine Egypt; Economic Studies. P. 225—226, 234.
- 494 *Broughton T. R.* S. Roman Asia... P. 879; *Johnson A. H.* Roman Egypt... P. 316—317.
- 495 *Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. 1954. № 33. С. 55. *Leaf W.* The Commerce of Sinope // JHS. 1916. Vol. 36. P. 6—8; *Broughton T. R.* S. Op. cit. P. 599—600, 858.
- 496 *Leaf W.* Trade Routes and Constantinople // BSA. 1911—1912. Vol. 18. P. 305.
- 497 *Broughton T. R.* S. Roman Asia... P. 863.
- 498 См.: *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. С. 311.
- 499 В. Н. Дьяков считал мысом Криву Метопон мыс Аю-Даг. Его главный аргумент заключался в том, что этот мыс по своей форме действительно напоминает бараний лоб. См.: *Дьяков В. Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. МГПИ. 1942. Т. 28. Вып. 1. С. 63; В. Ф. Гайдукевич видел Криву Метопон в самой южной точке Крыма — м. Сарыче. См.: О путях прохождения кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 11.
- 500 *Кудряцев О. В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 165—166; *Charlesworth M. P.* Trade-Routes and Commerce... P. 177.
- 501 См., напр.: *Шелов Д. Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 59.
- 502 *Жуглев К. И.* Указ. соч. С. 248, 259.
- 503 *Ramsay W. M.* The Historical Geography of Asia Minor. London. P. 59, 164—179, 267—270; *Munro J. A.* Roads in Pontus, Royal and Roman // JHS. 1901. Vol. 21. P. 52; *Charlesworth M. P.* Op. cit. P. 79; *Broughton T. R.* S. Op. cit. P. 861; *Magie D.* Roman Rule... P. 39—41, 74—77.
- 504 *Day J.* An Economic History of Athens under Roman Domination. N. Y., 1942. P. 213, 215; *Broughton T. R.* S. Op. cit. P. 875.

- ¹ См.: *Кадеев В. И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.—III в. н. э. С. 75—76; *его же.* Очерки ... С. 159—162.
- ² *Сюзюмов М. Я.* Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 8. С. 26—29; *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Vol. 2. Oxford, 1964. P. 824; *Heichelheim F. M.* On Ancient Price Trends from the Early First Millennium B. C. to Heraclius I // Finanzarchiv. 1955. Bd. 15. Heft 3. S. 510.
- ³ См.: *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 33; *его же.* Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город. М., 1963. С. 183; *Белов Г. Д.* Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э. // Античный город. М., 1963. С. 66.
- ⁴ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 12; *Романчук А. И.* Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 50—51.
- ⁵ *Amthian. Marc.* XXII 8, 32.
- ⁶ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 25.
- ⁷ В IV в. лагерный модий соли (около 16 кг) стоил 100 медных денариев (*Edict.*, сар. 3,8). Такой разменный денарий содержал 1/50000 фунта золота; фунт золота соответствовал 60 золотым или 1500 серебряным монетам. См.: *Сергеев В. С.* Очерки по истории Древнего Рима. Ч. 2. М., 1938. С. 650, 663; *West L. C.* The Coinage of Diocletian and the Edict on Prices // Studies in Roman Economic and Social History. Princeton, 1951. P. 296—297.
- ⁸ К тому же цена даже обыкновенной соленой рыбы была выше, чем соли: около 300 г рыбы стоило 6 денариев (*Edict.*, сар. 5,5).
- ⁹ *Edict.*, сар. 3. 3.
- ¹⁰ *Велков В.* Тракия и Долна Мизия в исторического развитие на Балканския пблостров през римската епоха. С. 153—154.
- ¹¹ См.: *Велков В. И.* Градът в Тракия и Дакия през късната античност. София, 1959. С. 60—61.
- ¹² ГХМ. Инв. № 1988, 1205, 1206, 1207, 8572, 23479, 34082 (80/14), 36272, 12/36726, 44/36732, 45/36732, 5/36771; Эрмитаж. Инв. № X. 1959. 121, X. 1965. 105 и др.; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. С. 41; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. С. 29.
- ¹³ *Велков В.* Тракия и Долна Мизия ... С. 154; *Jones A. H. M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937. P. 23.
- ¹⁴ *Bernhard M. L.* Lampki starozytne. Warszawa, 1955. S. 185, 332. Pl. 45. N 338—339; Pl. 46. N 340; Pl. 47. N 341; *Маевски К., Парницки-Пуделко С., Прес Л.* Археологически изследования в западния сектор на Нове през 1967—1969 гг. // ИАИ. 1974. 34. С. 189, обр. 18; *Милчев А., Ангелова С.* Раскопки и проучвания в м. Калето край с. Нова Черна, Силистренски окръг, през 1968 г. // Археология. 1970. Кн. 1. С. 37, обр. 9, 3, 4; *Iconomi C.* Oraite gresogotane. Bucuresti, 1967. P. 28. Fig. 57. N 758; P. 28—29. Fig. 58—59.
- ¹⁵ *Дремсизова Цв.* Неопубликувани материали от големата пещера край с. Мадара // ИИМК. 1960. Кн. 1. С. 67—82, обр. 9, 4, 16, 1—3; *Majewski K.* Kultura gzumiska w Bulgarii. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1969. S. 126. Рис. 217.
- ¹⁶ *Тончева Г.* Керамична работилница край с. Кранево // ИАДС. 1953. Кн. IX. С. 81—88, обр. I—X.
- ¹⁷ См.: *Антонова В.* Археологически проучвания на Щуменската крепост // ИИМШ. 1973. Кн. VI. С. 141—142, обр. III, I; *Ангелов Н.* Спасителни разкопки на Царевец през 1961 г. // Археология. 1962. Кн. 4. С. 25, обр. 10; с. 29, обр. 15.
- ¹⁸ См.: *Лепер Р. Х.* Опись находок из раскопок 1909 г. // Архив ГХМ. Д. № 102. Л. 54. Яма XXV. № 3370—3371; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках за 1935—1936 гг. С. 255. Рис. 95; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г. // Архив ГХМ. Д. № 750. Л. 26—27. Рис. 29, 3; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1965 г. // Там же. Д. № 858. I. Л. 9—10. Рис. 25.
- ¹⁹ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 144, 149. Рис. 17, 8.
- ²⁰ *Кадеев В. И.* Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1975 г. Л. 9—10. Рис. 26.

- ²¹ ГХМ. Инв. № 7913, 7924, 7926, 7934 и др. (Определение Т. И. Костромичевой)
- ²² Чашки были найдены в закрытом комплексе с материалами IV—VI вв. См.: *Кадеев В. И.* Отчет о раскопках в Херсонесе ... в 1975 г. Л. 11.
- ²³ ГХМ. Инв. № 19/36945, 40/36945 и др.
- ²⁴ *Беляев С. А.* Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 1968. С. 33. Рис. 1, 3. Гр. I. Тип. Б.
- ²⁵ *Wuagge F. O.* Ceramics and Islamic Coins // *Antioch-on-the-Orontes*. Vol. 4. Part 1. Princeton, 1948. P. 45.
- ²⁶ ГХМ. Инв. № 8320 (3036/11), 40/36945 и др.; Ср.: *Беляев С. А.* Указ. соч. С. 32. Гр. I. Тип А.
- ²⁷ ГХМ. Инв. № 8821, 16134, 683—37, 15936 (2431/10), 10/36511, 8/36966; ГИМ. Инв. № 39246 (П-119-13), 32246 (П-119-30); Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 106 и др.; Ср.: *Bernhard M. L.* Lampki... S. 187. Pl. CVI, N 354; *Iconomi C.* Op. cit. P. 151. Fig. 193. N 786.
- ²⁸ *Menzel H.* Antike Lampen im Romisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz, 1954. S. 98. N 632. Abb. 80, 9.
- ²⁹ ИАК. 1905. Вып. 16. С. 88. № 1465; с. 90, № 1466, с. 93, № 1481; с. 99, № 1494; с. 100, № 1499; ИАК. 1906. Вып. 20. С. 76. № 1558; с. 77—78, № 1560; с. 79, № 1568—1569; с. 80, № 1572; с. 81, № 1573; с. 82, № 1576; с. 86, № 1595; с. 87, № 1599; с. 88, № 1604; ИАК. 1907. Вып. 25. С. 121; № 2103; ИАК. 1909. Вып. 33. С. 53, № 2132; с. 59, № 2138; с. 64, № 2143; ИАК. 1911. Вып. 42. С. 20. № 2172; *Белов Г. Д., Стржецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Кваргал XVIII. С. 189. Рис. 42, б; *Кадеев В. И.* Указ. соч. Л. 14. Рис. 43.
- ³⁰ См.: *Стржецкий С. Ф.* Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2. С. 141; НЭПХ. I. С. 53. № 19.
- ³¹ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 145, 150; *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. 1951. Т. 15. С. 330.
- ³² Эрмитаж. Инв. № X. 1965. 200; ГХМ. Инв. № 8706 (4174/10), 5838 и др.; *Белов Г. Д.* Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 83. Рис. 24; *его же.* Раскопки в Херсонесе в 1961 г. // СГЭ. 1964. Т. XXV. С. 65; Ср.: *Robinson H. S.* The Pottery of the Roman Period // *Athenian Agora*. Vol. 5. Princeton, 1959. P. 109. Pl. 29. N 273; *Scorpan C.* Ceramica romano-bizantina de la Sacidava // *Pontica*. 1975. Т. 8. P. 269—271. Fig. 11, 1—4, 7; *Кузманов Г.* Типология и хронология на ранновизантийските амфори (IV—VI вв.) // Археология. 1973. Кн. I. С. 17. обр. 1, VIII.
- ³³ Эрмитаж. Инв. № X. 1959. 65.
- ³⁴ См.: *Беляев С. А.* Указ. соч. С. 32. Рис. 1, 2. Гр. I. Тип А.
- ³⁵ *Косцюшко-Валожинич К. К., Скубстов М. И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г. С. 8. Рис. 1, 8.
- ³⁶ ГХМ. Инв. № 5678, 5989.
- ³⁷ *Preda C., Popescu E., Diaconu P.* Sapaturile archeologice de la Mangalia (Callatis) // *Materiale*. 1962. Т. 8. P. 452. Fig. 7; *Radulescu A.* Contributii la cunoasterea ceramicii romane de uz comun, din Dobrogea // *Pontica*. 1975. Т. 8. P. 346—349. Fig. XII, 1—2; *Popescu E.* Inscriptiile din secolele IV—XIII descoperite in Romania. Bucuresti, 1976. P. 92—93. N 56; P. 93. N 57; P. 141. N 96; P. 142. N 97; *Aurelian P.* Sapaturile de la Piatra Frecatei // *Materiale*. 1962. Т. 8. P. 570. Fig. 13 b/3.
- ³⁸ Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 377; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1967 г. // Архив ГХМ. Д. № 1243. Л. 4. Рис. 6, а.
- ³⁹ ГХМ. Инв. № 16190, 16191 и др.
- ⁴⁰ ГХМ. Инв. № 8858/5, 16188/5; Ср.: *Shentleleky T.* Ancient Lamps. Budapest, 1969. P. 132; *Bailey D. M.* Greek and Roman Pottery Lamps. London, 1963. P. 9, 20—21. Pl. 14.
- ⁴¹ ГХМ. Инв. № 1245 и светильник из раскопок В. И. Кадеева в 1975 г.; Ср.: *Bernhard M. L.* Lampki... S. 173—174.
- ⁴² ГХМ. Инв. № 4949. Б. п. (Фонд К. К. Косцюшко-Валожинича); Ср.: *Вальдгауэр О.* Античные глиняные светильники. С. 60. Табл. 45, № 477. Подобные светильники были обнаружены при раскопках некрополя Херсонеса вместе с монетами первой половины IV в. См.: *Косцюшко-Валожинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. С. 102. Склп № 1095.

- ⁴³ ГХМ. Инв. № 971 (1700/10), 33042/3 (2778/11); *Ленер Р. Х.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя. С. 236. № 1700.
- ⁴⁴ См.: *Perlzweig J.* Lamps of the Roman Period. P. 34.
- ⁴⁵ ГХМ. Инв. № 943 (1277/10), 4789 (2653/10); Ср.: *Perlzweig J.* Op. cit. P. 36, 54.
- ⁴⁶ ГХМ. Инв. № 23137 (1808/10); *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 61. Табл. 46. № 491.
- ⁴⁷ ГХМ. Инв. № 945 (1701/10).
- ⁴⁸ *Perlzweig J.* Op. cit. P. 40.
- ⁴⁹ ГХМ. Инв. № 966 (2071/10).
- ⁵⁰ *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 61. Табл. 46. № 484; *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 149.
- ⁵¹ ГХМ. Инв. № 942 (3966/10).
- ⁵² ГХМ. Инв. № 967 (2212/10); *Вальдгауэр О.* Указ. соч. С. 59. Табл. 44. № 469.
- ⁵³ ГХМ. Инв. № 1471 (815/13).
- ⁵⁴ ГХМ. Инв. № 1240 (134/11), 1234, 1255 (134).
- ⁵⁵ См.: *Perlzweig J.* Op. cit. P. 25, 36, 41, 46.
- ⁵⁶ *Ленер Р. Х.* Указ. соч. С. 253. Склеп № 242 (18).
- ⁵⁷ *Broneer O.* Terracotta Lamps // *Corinth*. 1930. Vol. IV. Part. 2. Pl. XIX. N 1308; *Perlzweig J.* Op. cit. P. 19. Pl. 24. N 1149—1152; Pl. 25. N 1259.
- ⁵⁸ ГХМ. Инв. № 8628, 1180, 1/36594 и др.; Ср.: *Kübler K.* Spätantike Stempelkeramik. Mitteilungen aus dem Kerameikos // *AM*. 1931. Bd. 56. S. 80—81. Taf. XXXVIII.
- ⁵⁹ ГХМ. Инв. № 926 (2948/12), 1224, 1231, 8788 и др.
- ⁶⁰ *Seran W.* Rzemieslnicy i kursy. S. 94—95.
- ⁶¹ ГХМ. Инв. № 9171, 18173 (1283/09); 5002, 9210/2, 14/36637, 11/36815, 83/36713, 188/36636, 185/36636 и др.; *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 150; *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло Таманского городища. С. 136—137. Рис. 1, 5—7. Тип Б; С. 148—151. Рис. 5, 6, 7; 7, 1. Тип А; с. 154. Рис. 3. Тип А, 1—3.
- ⁶² ГХМ. Инв. № 97/36443; Ср.: *Neuburg F.* Ancient Glass. London, 1962. Pl. XXI, 69.
- ⁶³ *Сорокина Н. П.* Указ. соч. С. 163; *ее же.* Три стеклянных сосуда IV в. н. э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // *МАСП*. 1960. Вып. III. С. 228—230. Рис. 1, 4.
- ⁶⁴ *Bouchier E. S.* A Short History of Antioch, 300 B. C.—A. D. 1268. Oxford, 1921. P. 6; *Dowmey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 356, 361.
- ⁶⁵ ГХМ. Инв. № 1208; Ср.: *Waage F. O.* The Lamps. P. 65—66. Pl. X. N 814.
- ⁶⁶ См.: *Диллгенский Г. Г.* Северная Африка в IV—V вв. М., 1961. С. 41 сл.
- ⁶⁷ *Фихман И. Ф.* Египет на рубеже двух эпох. М., 1965. С. 17; *Johnson A. C.* Byzantine Egypt; *Economic Studies* // *PUSP*. 1949. N 6. P. 126, 145—149; *Charlesworth M. P.* Trade-Routes... P. 144; *Haywood B. M.* Roman Africa // *ESAR*. 1938. Vol. 4. P. 110—112.
- ⁶⁸ ГХМ. Инв. № 62/36986. Нег. № 5089; Ср.: *Rodziewicz M.* La céramique romaine tardive d'Alexandrie // *Alexandrie*. I. Warsaw, 1976. Рис. 10.
- ⁶⁹ *Kübler K.* Spätantike Stempelkeramik. S. 77—78. Taf. XXXVI. A1—5; S. 80—81; *Waage F. O.* The Roman and Byzantine Pottery // *Hesperia*. 1933. Vol. 2. P. 298, 302—303. Fig. 3. N 184—202, B.
- ⁷⁰ *Rapic Gh.* Ceramica romana tirzie cu decor stampilat descoperita la edificul Roman cu mozaic din Tomis // *Pontica*. 1973. T. 6. P. 155. Gr. I.
- ⁷¹ ГХМ. Нег. № 5089.
- ⁷² Эрмитаж. Инв. № X. 1915. 339; ГХМ. Инв. № 758 (1062/09), 3255/08 (утеряно).
- ⁷³ *Rodziewicz M.* Op. cit. P. 56. Pl. 27, 4 с.
- ⁷⁴ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 150; Ср.: *Сорокина Н. П.* Указ. соч. С. 204.
- ⁷⁵ ГХМ. Инв. № 4120/10, 20773; Эрмитаж. Инв. № X. 1908. 671; *Беляев С. А.* Обломок стеклянного сосуда из Херсонеса // *СА*. 1966. № 3. С. 233—235.
- ⁷⁶ Эрмитаж. Инв. № X. 1892.59; Ср.: *Сорокина Н. П.* Античное стекло в собрании Одесского археологического музея. С. 273. Рис. 2, 13.
- ⁷⁷ Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валожинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // *ИАК*. 1904. Вып. 9. Склеп № 1315.
- ⁷⁸ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 150.
- ⁷⁹ См.: *Петков Н.* Могилни и други находки от Софийско // *ИБАИ*. VII. 1932/1933. С. 374, обр. 122; *Димитров Д.* Раннохристиянска гробница от с. Река

- Девня // ИВАД. Кн. XI. 1960. С. 97, обр. 3; с. 99—100, обр. 9; Милчев А., Певков Д. Новооткрити находки от Михайловград (Монтана) // Археология. 1965. Кн. 3. С. 38, обр. 4; Иванов Т. Образи на Константин I и синовете му върху луковични фибули от България // Там же. 1972. Кн. 4. С. 9 сл.
- ⁸⁰ Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 243; ГХМ. Инв. № 32917/3 (2082/11) и др.; Антонова И. А., Даниленко В. Н., Иващута Л. П. и др. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 82—83, 96—97. Тип. I, III.
- ⁸¹ Kondurachi E. Ceramica Histria. Vol. 1. Bucuresti, 1959. P. 459. Fig. 386; Минчев А. Амфоры от IV—VI вв. във Варненския музей // ИНМВ. 1972. Кн. VIII (XVIII). № 7—9; Scorpan C. Ceramica romano-bizantina de la Sacidava // Pontica. 1975. Т. 8. С. 277—278. Fig. V, 5—6.
- ⁸² Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 370; ГХМ. Инв. № 9/36558, 22032 (2687/11), 37/36945, 114/36444, 74/35274, 1/36849, 23274(3390/09), 2379 (3774/10) и др.; Белов Г. Д., Стрелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Указ. соч. С. 204. Рис. 51, а; Ср.: Зеест И. Б. Керамическая тара Восточного Средиземноморья. С. 120—122. Табл. 39, 99б, 100; табл. 40, 102б, 104.
- ⁸³ ГХМ. Инв. № 22032 (2687/11), 9/36558 и др.; Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1977 г. // Архив ГХМ. Д. № 1909. Л. 5. Рис. 31.
- ⁸⁴ Scorpan C. Contribution a la connaissance de certains types ceramiques romano-bizantins dans l'espace istropontique // Dacia. 1977. Т. 21. P. 279—281. Fig. 19, 3; Beltran M. L. Las anforas romanas en Espana. Zaragoza, 1970. P. 547—548. Fig. 224.
- ⁸⁵ ГХМ. Инв. № 23125 (2934/11), 21538 (1170/11), 21620 (1169/11), 21629 (1169/11), 21538 (1171/11), 21541 (1172/11), 32369 (1488/12), 61/36842; Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 220 и др.; Ср.: Беллев С. А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. С. 32. Гр. I. Тип. А.
- ⁸⁶ ГХМ. Инв. № 34337 (579/14), 34357 (654/14); Эрмитаж. Инв. № X. 1959. 68 и др.; Ср.: Rodziewicz M. Op. cit. P. 36. Pl. 4. B. 11.
- ⁸⁷ Kübler K. Op. cit. S. 82—84; Waage F. O. Ceramics and Islamic Coins... P. 47.
- ⁸⁸ См.: Rapic Gh. Ceramica romana... P. 190.
- ⁸⁹ ГХМ. Инв. № 1410.
- ⁹⁰ ГХМ. Инв. № 23716 (2429/10).
- ⁹¹ Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. С. 10. № 1317; с. 23. № 1419 и т. д.
- ⁹² См.: ИАК. 1905. Вып. 16. С. 88. № 1465; с. 101, № 1499; ИАК. 1907. Вып. 25. С. 73. № 1649; с. 80. № 1665; с. 119, № 2087; ИАК. 1909. Вып. 33. С. 50. № 2128; с. 62. № 2139; ИАК. 1911. Вып. 42. С. 55. № 2286; с. 69, № 2354; Белов Г. Д., Стрелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Указ. соч. С. 193. Рис. 42, б—в.
- ⁹³ ИАК. 1904. Вып. 9. С. 10. № 1315; с. 18. № 1405; с. 21. № 1413, 1415; с. 22. № 1416; с. 25. № 1430; с. 26. № 1442; с. 27. № 1445, 1446; ИАК. 1905. Вып. 16. С. 99. № 1496; ИАК. 1906. Вып. 20. С. 76. № 1555; с. 87, № 1598; с. 90. № 1611; ИАК. 1909. Вып. 33. С. 59. № 2138; с. 64. № 2143; ИАК. 1911. Вып. 42. С. 17. № 2160; Ср.: Menzel H. Antike Lampen. S. 100—102. Abb. 82; Shentleky T. Op. cit. P. 129—130. N 245—247.
- ⁹⁴ См.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. Д. № 1842. Л. 18. Рис. 50.
- ⁹⁵ Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 112; X. 1948. 118 и др.
- ⁹⁶ ЮСПЕ. I². № 449—450; Латышев В. В. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 56—58; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 18 сл.
- ⁹⁷ Zosim. IV. 5, 2; См.: Сиротенко В. Т. Указ. соч. С. 100—101.
- ⁹⁸ Miltner F. Forschungen in Ephesos. Bd. 4. F. 2. Vienna, 1937. S. 100; Menzel H. Op. cit. S. 94; Perlzweig J. Op. cit. P. 10; Iconomi C. Opate... P. 25, 133—137; Shentleky T. Op. cit. P. 119.
- ⁹⁹ ГХМ. Инв. № 1032, 1026, 8812, 8843/2; Эрмитаж. Инв. № X. 1967. III.
- ¹⁰⁰ ГХМ. Инв. № 8812.
- ¹⁰¹ ГХМ. Инв. № 1026, 1032.
- ¹⁰² ГХМ. Инв. № 34326, 2/36795, 1061, 41/36852; Зубар В. М., Костромичева Т. I. Склеп № 20 за некрополя Херсонеса // Археология. 1978. № 27. С. 58—61. Рис. 3.
- ¹⁰³ ГХМ. Инв. № 41/36852.
- ¹⁰⁴ ГХМ. Инв. № 1061.
- ¹⁰⁵ ОАК за 1904 г. Спб., 1907. С. 53. Рис. 74; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет

- о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. С. 36—37. Рис. 12; *Беляев С. А.* Об одном блюде из Херсонеса // СГЭ. 1973. Т. 37. С. 47—49.
- ¹⁰⁶ См.: *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 149; *его же.* Импортные светильники ... С. 166.
- ¹⁰⁷ *Perlzweig J.* Op. cit. P. 48.
- ¹⁰⁸ ГХМ. Инв. № 16258, 16387 и др.; *Кобылина М. М.* Указ. соч. С. 135. № 27.
- ¹⁰⁹ ГХМ. Инв. № 32459 (1701/12); Эрмитаж. Инв. № X. 1908, 68; X. 1967. 246; Ср.: *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло ... С. 159. Рис. 4.21; 5,15.
- ¹¹⁰ См.: *Кадеев В. И.* Импортные светильники ... С. 169. Рис. 7.
- ¹¹¹ *Waage F. O.* The Roman and Byzantine Pottery. P. 300; *Menzel H.* Op. cit. S. 90—91.
- ¹¹² *Shentlekey T.* Op. cit. P. 127; *Genito M. C. G.* Op. cit. P. 211.
- ¹¹³ См.: *Bronceer O.* Terracotta Lamps. P. 119; *Kubler K.* Op. cit. S. 81.
- ¹¹⁴ ГХМ. Инв. № 37/36945, 19/36945; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г. // Архив ГХМ. Д. № 750. Л. 19. Рис. 44; Ср.: *Беляев С. А.* Краснолаковая керамика ... С. 33. Гр. I. Тип Б. В; *Hayes J. W.* Late Roman Pottery, London, 1972. P. 73, 128, Form 81. Type B, 8. Fig. 22.
- ¹¹⁵ ГХМ. Инв. № 21548/14 (2625/11), 21521 (2670/11), 21525 (2670/11), 32370 (1439/12), 6/36850, 5/36877, 1/36821, 2/36860 и др.
- ¹¹⁶ ГХМ. Инв. № 21548 (2625/11), 13/36848, 10/36821, 1/36821, 3/36822 и др.
- ¹¹⁷ Ср.: *Jodin A., Ponsich M.* La ceramique estampée du Maroc romaine // ВАН. 1960. Т. 4. P. 287—318.
- ¹¹⁸ *Беляев С. А.* Указ. соч. С. 36. Гр. III.
- ¹¹⁹ *Waage F. O.* Roman and Byzantine Pottery. P. 298—301, 303. Fig. 4. Pl. IX—X. N 205, 214—242.
- ¹²⁰ *Беляев С. А.* Указ. соч. С. 35. Рис. 3.
- ¹²¹ *Ropescu E.* Op. cit. P. 706—709. Fig. 7, 3—7.
- ¹²² ГХМ. Инв. № 12834 (4073/08). Нег. № 11410 (слева); *Кадеев В. И.* Отчет об археологических исследованиях археологической экспедиции ХГУ в 1963 г. Л. 13. Рис. 19 (крайний справа); *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1972 г. // Архив ГХМ. Д. № 1419. Л. 1. Рис. 16, 10—11.
- ¹²³ Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 424; *Беляев С. А.* К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике ... С. 123—124. Рис. 50.
- ¹²⁴ Эрмитаж. Инв. № X. 1959. 70; X. 1957.51; ГХМ. Инв. № 55/36986.
- ¹²⁵ *Ropescu E.* Op. cit. P. 706, 719. Fig. 4, 2, 3; *Paris Gh.* Ceramica romana... P. 155. Grup. III; *Hayes J. W.* Op. cit. Style D, E (II). Fig. 47, 49.
- ¹²⁶ См.: Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. С. 22. № 1416.
- ¹²⁷ ГХМ. Инв. № 17/36945.
- ¹²⁸ ГХМ. Инв. № 5/36822.
- ¹²⁹ *Беляев С. А.* Указ. соч. С. 34. Рис. 2. Гр. II.
- ¹³⁰ *Ropescu E.* Op. cit. P. 701—705, 719—720. Fig. 3. Grup. B.
- ¹³¹ ГХМ. Инв. № 19/36945, 17440 (3986/08), 3/36822; Эрмитаж. Инв. № X. 1959.84 и др.; Ср.: *Rodziewicz M.* Op. cit. P. 35. Fig. 13, 137; P. 37. Pl. 6, 1325a.
- ¹³² См.: *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. К., 1977. С. 107.
- ¹³³ Аноп. Repert. 80 (54) — 83 (57), 89 (63), 117 (91).
- ¹³⁴ *Кадеев В. И.* Отчет о раскопках в портовом районе Херсонеса на участке «центр квартала» в 1975 г. Л. 12. Рис. 29.
- ¹³⁵ ГХМ. Инв. № 1215, 1216, 44/36511, 16606; Ср.: *Isonomi C.* Opate... P. 25. Tip XXVII.
- ¹³⁶ ГХМ. Инв. № 1186, 1191, 1194, 1228, 8538/2, 8829, 8638, 16480, 16486, 19020/2, 16635, 16641, 5/36852, 5/36903; Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 390, 391, 393 и др.
- ¹³⁷ ГХМ. Инв. № 1186.
- ¹³⁸ ГХМ. Инв. № 1186, 1191, 19020/2, 16486.
- ¹³⁹ *Menzel H.* Op. cit. S. 95, 96—97. Тур. IX.
- ¹⁴⁰ *Isonomi C.* Op. cit. P. 25, 136. Fig. 50. N 703; *Valceanu D., Barnea A.* Ceramica lucrata cu mina din aserarea romano-bizantină de ia Piatra Frecăței // SCIV. 1975. Т. 26. N 2. P. 210. Fig. I, 364.
- ¹⁴¹ ГХМ. Инв. № 1199, 16638, 33447, 32382, 79/36502, 36/36852. 14/36903 и др.; *Белов Г. Д., Стржеleckий С. Ф.* Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. № 34. С. 81. Рис. 48.

- ¹⁴² Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1963 г. Л. 13, 18. Рис. 21.
- ¹⁴³ *Pertlweig J.* Op. cit. Pl. 10. N 349.
- ¹⁴⁴ Эрмитаж. Инв. № X. 1965. 115, X. 1965. 107; X. 1967. 113; ГХМ. Инв. № 1196, 32422 (1073/12), 41/36852 и др.
- ¹⁴⁵ ГХМ. Инв. № 1196. 32422 (1073/12), 41/36852.
- ¹⁴⁶ См.: *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 17, 28.
- ¹⁴⁷ *Шангин М. А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. 3 (4). С. 81—82. № 11.
- ¹⁴⁸ ГХМ. Инв. № 1203; Ср.: *Iconomi C.* Op. cit. P. 25, 133. N 686. Fig. 48.
- ¹⁴⁹ *Лепер Р. X.* Опись находок из раскопок 1911 г. Л. 26.
- ¹⁵⁰ Эрмитаж. Инв. № X. 1961. 392; Ср.: *Shentleleky T.* Op. cit. P. 130. N 244—250.
- ¹⁵¹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. С. 84. № 1585; с. 82. № 1579; с. 77. № 1558.
- ¹⁵² ГХМ. Нег. № 1956 (раскопки Р. X. Лепера; светильник утерян); ГИМ. Инв. № 53151 (3467—47), 53151 (3449), 53151 (3428), 53151 (3429), 53151 (О. В. П. 284), 53151 (3432—18), 53151 (3431—17), 53151 (3438—20), 53151 (3422).
- ¹⁵³ *Delattre A. L.* Lampes chretiennes de Cartage // RAC. 1890. T. 40. P. 134—139; 1891. T. 41. P. 39—51; 1892. T. 42. P. 133—141; 224—229; *Delattre A. L.* Lampes et plats chretiennes de Cartage // RAC. 1893. T. 43. P. 34—40.
- ¹⁵⁴ ГХМ. Нег. № 1956; ГИМ. Инв. № 53151 (3432—18), 53151 (3431—17), 53151 (3438—20), 53151 (3422).
- ¹⁵⁵ ГХМ. Инв. № 33266 (1307/13), 33268 (1308/13) и др.; См.: *Лепер Р. X.* Опись древностей 1913 г. // Архив ГХМ. Д. № 109. Л. 21 об.; *Hayes J. W.* Op. cit. P. 155, 298. Form. 99A, 7A.
- ¹⁵⁶ ГХМ. Инв. № 21590 (1166/11), 21551 (1164/11), 21549 (1163/11), 21598 (1165/11) и др.; Ср.: *Rodziewicz M.* Op. cit. S. 52. Pl. 19. K 18 a—c; Pl. 20, K24a; *Hayes J. W.* Op. cit. P. 133, 297. Form 83, 2; Fig. 23.
- ¹⁵⁷ ГХМ. Инв. № 32371 (1490/12), 34451/2 (915/14), 5/36877, 6/36850, 2/36860 и др.; Ср.: *Rodziewicz M.* Op. cit. S. 35. Pl. 19. B 2e; *Hayes J. W.* Op. cit. P. 125. Fig. 21. Form 76, 3.
- ¹⁵⁸ ГХМ. Инв. № 33275 (1338/13).
- ¹⁵⁹ *Rodziewicz M.* Op. cit. S. 62. Pl. 32, W 6a, b.
- ¹⁶⁰ ГХМ. Инв. № 34450 (914/14), 34449 (913/14), 34452 (916/14) и др.; Ср.: *Rodziewicz M.* Op. cit. S. 51. Pl. 17. K 4a.
- ¹⁶¹ ГХМ. Инв. № 19/36820, 33535 (2128/13); *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1963 г. Л. 13, 17. Рис. 19; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1967 г. Л. 4—5. Рис. 7, 8; Ср.: *Popescu E.* Ceramica romana... P. 706—713. Grup B, C. Fig. 4—6; 11, 6; *Waage F. O.* The Roman and Byzantine Pottery. P. 279, 293—304. Fig. 34; *Николаева Э. Я.* Указ. соч. С. 112. Рис. 1, 4; 2, 10—12.
- ¹⁶² Эрмитаж. Инв. № X. 1957. 52, X. 1959. 71, X. 1961. 425, X. 1961. 426; X. 1961. 427; ГХМ. Инв. № 21527 (2626/11), 16830 (3664/08), 3761 (3665/08), 16833 (3498/08), 17/36945 и др.
- ¹⁶³ *Кадеев В. И.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1975 г. Л. 10. Рис. 25; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1961 г. Л. 27; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1967 г. Л. 4; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. Д. № 1283. Л. 4; *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 203—204. Рис. 51, а; Ср.: *Зеест И. Б.* Указ. соч. С. 120. Табл. XXXIX, 98.
- ¹⁶⁴ *Домбровский О. И.* Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // СХМ. 1963. Вып. 3. Рис. 1.
- ¹⁶⁵ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 132 сл.
- ¹⁶⁶ *Суров Е. Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 138.
- ¹⁶⁷ *Бертье-Делагард А. Л.* Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т. 16. С. 45—88.
- ¹⁶⁸ См.: *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. С. 80—89; *его же.* Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1950 гг. // ИАДК. 1957. С. 244.
- ¹⁶⁹ *Анохин В. А.* Указ. соч. С. 97.
- ¹⁷⁰ См.: *Сиротенко В. Т.* Указ. соч. С. 101—102; *Бобринский А.* Херсонес Таврический. Исторический очерк. Спб., 1905. С. 86—87.

- ¹⁷¹ ГХМ. Инв. № 8843/2, 16354, 19/36505 и др.
- ¹⁷² Кадеев В. И. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1975 г. Л. 5. Рис. 12.
- ¹⁷³ ГХМ. Инв. № 17/36945; Кадеев В. И. Отчет об археологических исследованиях археологической экспедиции ХГУ в 1963 г. Л. 13. Рис. 19.
- ¹⁷⁴ *Raris Gh.* Op. cit. P. 168. Fig. 15, 1—6. Grup. II.
- ¹⁷⁵ См.: Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 51.
- ¹⁷⁶ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*. Vol. 2. Oxford, 1964. P. 825.
- ¹⁷⁷ ГХМ. Инв. № 31149 (2636/11), 21651 (2633/11), 32934 (1517/12); Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П. и др. Указ. соч. С. 83—84, 96—97. Тип I.
- ¹⁷⁸ Ср.: Кузманов Г. Указ. соч. С. 17, обр. 1, IX; с. 19, обр. 1, XX; *его же*. Ранно-византийски керамичен комплекс от крепостта Овеч // ИНМВ. 1974. Кн. X (XXV). С. 312. Табл. 1, 1. Гр. А; Табл. 1, 3—4. Гр. В.
- ¹⁷⁹ Ramsay W. M. *The Historical Geography of Asia Minor*. London, 1890. P. 74; Gren E. *Kleinasien und der Ostbalkan in der Wirtschaftlichen Entwicklung der romischen Kaiserzeit*. Uppsala, 1941. S. 56; Broughton T. R. S. *Roman Asia...* P. 861—862.
- ¹⁸⁰ Johnson A. C., West L. C. *Byzantine Egypt: Economic Studies* // PUSP. 1949. N 6. P. 141; Haywood B. M. *Roman Africa* // ESAR. 1938. Vol. 4. P. 116—117.
- ¹⁸¹ Велков В. И. Градът в Тракия и Дакия... С. 112—172; *Histria*. Vol. 1. Bucuresti, 1954. P. 60—61, 571—572, 574—575, 582—583.

3

- ¹ Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. С. 8—9. Прил. 1, 1—2.
- ² IOSPE. I². № 34.
- ³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 194—195, 197.
- ⁴ Там же. № 202, 204, 206.
- ⁵ Гилевич А. М. Указ. соч. С. 41. Прил. 1, 2.
- ⁶ *Dio Chrys.* (XXXVI). II, 56.
- ⁷ Кадеев В. И. Очерки ... С. 141—142; Ср.: Анохин В. А. Указ. соч. № 270—272.
- ⁸ Кадеев В. И. Указ. соч. С. 145. Прим. 7, 8.
- ⁹ Зограф А. Н. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия Т. I. К., 1940. С. 215. № 31; Кадеев В. И. Указ. соч. С. 145.
- ¹⁰ Карышковский П. О. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1968. № 1. С. 177—179; Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. К., 1985. С. 138—139.
- ¹¹ Голенко К. В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. С. 56—57.
- ¹² Голенко К. В. Монеты из раскопок Нимфея 1939—1970 гг. // НЭ. 1974. Т. 11. С. 67. № 223; Анохин В. А. Указ. соч. С. 57. Табл. XII, 191.
- ¹³ Голенко К. В. Состав денежного обращения ... С. 56—57; Гилевич А. М. Указ. соч. С. 15.
- ¹⁴ Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970. С. 94—95.
- ¹⁵ Гайдучевич В. Ф. Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. 1966. № 1. С. 59.
- ¹⁶ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. // НЭ. 1963. Т. 4. С. 16; Голенко К. В. Указ. соч. С. 64—66; Гилевич А. М. Указ. соч. С. 11—12, 18.
- ¹⁷ Белов Г. Д. Отчет о раскопках 1975 г. в Северном районе Херсонеса // Архив ГХМ. Д. № 1760. Л. 8; Ср.: Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. Табл. XXIX, 69.
- ¹⁸ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1936—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 321—322.
- ¹⁹ ГХМ. Инв. № 5680, 20099 (4179/09), 8326 (3034/11) и др.; Ср.: Арсеньева Т. М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М., 1970. С. 136. Табл. 18, 9.
- ²⁰ Гилевич А. М. Указ. соч. С. 16. Прил. 1, 4 б.
- ²¹ Кадеев В. И. Очерки ... С. 145; Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1961 г. // Архив ГХМ. Д. № 796. Л. 4, 14, 23; *его же*. Отчет о раскопках

- в Херсонесе в 1966 г. Д. № 859. Л. 2; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1967 г. Д. № 1243. Л. 4, 13; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. Д. № 1283. Л. 4; *его же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1974 г. Д. № 1719. Л. 12. Табл. 27; *его же*. Отчет о раскопках 1975 г. Л. 8; Ср.: *Звест И. Б.* Керамическая тара Боспора. С. 111—117. Табл. ХХХ, 72, а, 73, б; ХХХII, 76, 77; ХХХIII, 78, 8 об; ХХХIV, 82, 83; ХХХV, 84, б; ХХХVI, 86, б—в.
- ²² ГХМ. Инв. № 823; ГИМ. Инв. № 55765 (№ 120); Ср.: *Сорокина Н. П.* Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове. С. 129. Рис. 3, 1—2.
- ²³ *Фролова Н. А.* Денежное обращение боспора в 45—324 гг. н. э. // *НС*. 1974. Вып. 5. С. 29.
- ²⁴ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса в I—III вв. н. э. С. 53.
- ²⁵ См.: *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 150.
- ²⁶ *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья. С. 146; *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 220.
- ²⁷ *Zosim*. I. 20.
- ²⁸ *Гайдукевич В. Ф.* Указ. соч. С. 147; *Блаватский В. Д.* Указ. соч. С. 222.
- ²⁹ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 267—268, 272—274. Рис. 134, 2; *Пятыхшева Н. В.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I—IV вв. н. э. // *Античное общество*. М., 1967. С. 186.
- ³⁰ *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. С. 176—177.
- ³¹ *Жеребцов Е. Н.* Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклеийского полуострова // *КСИА*. 1981. Вып. 168. С. 17—26.
- ³² *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического // *Х*. сб. 1961. Вып. 6. С. 135.
- ³³ *Щеглов А. Н.* Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 1968. С. 341; *его же*. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 134.
- ³⁴ *Стржелецкий С. Ф.* Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // *ПИСП*. М., 1959. С. 80—81; *Наливкина М. А.* Керкинитиды и Калос Лимен // *Античный город*. М., 1963. С. 58.
- ³⁵ *Щеглов А. Н.* Отчет о разведках 1958 г. на территории Западного Крыма // *Архив ГХМ*. Д. № 838. Л. 6.
- ³⁶ *Щеглов А. Н.* Отчет о работах Тарханкутской экспедиции в 1962—1963 гг. // *Там же*. Д. № 840. Л. 10.
- ³⁷ *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 59, 161, 168, 170; *ее же*. Некоторые данные о сельском хозяйстве позднескифского городища Алма-Кермен // *КСИА*. 1961. Вып. 11. С. 78. Рис. 6.
- ³⁸ Ср.: *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 177—178.
- ³⁹ *Там же*. С. 84, 119. Рис. 31, 1; С. 122. Рис. 31, 6; *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму. С. 37. Тип. 17; С. 39. Рис. II, 4. Тип. 30.
- ⁴⁰ *Печенкин Н.* Раскопки в окрестностях Севастополя // *ИТУАК*. 1905. № 38. С. 29.
- ⁴¹ *Гущина И. И.* Указ. соч. С. 32 сл.
- ⁴² ГИМ. Инв. № 103773 (Б. IV—75, п. 172); Ср.: *Шелов Д. Б.* Узкогорлые свеглоглиняные амфоры первых веков нашей эры. С. 18. Рис. 3. Тип А.
- ⁴³ ГИМ. Инв. № 102610. (Б. IV—72, п. 101); Ср.: *Шелов Д. Б.* Указ. соч. С. 18. Рис. 6. Тип. С; С. 18—19. Рис. 7. Тип Д.
- ⁴⁴ ГИМ. Инв. № 102299 (Б. IV—71, п. 62), 110989 (Б. IV—70, п. 48) и др.; Ср.: *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 87. Рис. 7, 3.
- ⁴⁵ ГИМ. Инв. № 103552 (Б. IV—74, п. 147), 103552 (Б. IV—74, п. 156) и др.; Ср.: *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 96. Рис. 12, 3—6.
- ⁴⁶ ГИМ. Инв. № 100349 (Б. II—66, п. 11), 103552 (Б. IV—74, п. 132) и др.; Ср.: *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 94. Рис. 11, 1—4.
- ⁴⁷ ГИМ. Инв. № 102610 (Б. IV—72, п. 101); Ср.: *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 34. Рис. 6, 4.
- ⁴⁸ ГИМ. Инв. № 102610 (Б. IV—72, п. 83).
- ⁴⁹ ГИМ. Инв. № 110989 (Б. IV—70, п. 32); Ср.: *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 92. Рис. 10, 2.

- ⁵⁰ ГИМ. Инв. № 110989 (Б. IV—70, п. 41)
- ⁵¹ Гущина И. И. Указ. соч. С. 38. Рис. IX, 7.
- ⁵² ГИМ. Инв. № 103552 (Б. IV—74, п. 131); Печенкин Н. Указ. соч. С. 33.
- ⁵³ Гущина И. И., Сорокина Н. П. Стекланные изделия из могильников первых веков н. э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980. С. 89—100.
- ⁵⁴ ГИМ. Инв. № 103552 (Б. IV—74, п. 158), 103773 (Б. IV—75, п. 175) и др.; Ср.: Кадеев В. И. Очерки ... С. 55. Рис. 3, 4, 9.
- ⁵⁵ ГИМ. Инв. № 102940 (Б. IV—73, п. 106), 102940 (Б. IV—73, п. 108); Ср.: Кадеев В. И. Очерки ... С. 58. Рис. 4, 4.
- ⁵⁶ Гущина И. И. Указ. соч. С. 43. Рис. V, 15; X, 20.
- ⁵⁷ ГИМ. Инв. № 103552 (Б. IV—74, п. 149); Ср.: Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н. э.—IV в. н. э. // Труды ГИМ. 1956. Вып. 18. С. 45. № 6.
- ⁵⁸ Гущина И. И. К вопросу об экономических связях населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 118; Ср.: Пятышева Н. В. Указ. соч. С. 20 сл.
- ⁵⁹ ГИМ. Инв. № 103773 (Б. IV—75, п. 176); Гущина И. И. Население ... С. 42—43.
- ⁶⁰ ГИМ. Инв. № 103773 (Б. IV—75, п. 172).
- ⁶¹ Высотская Т. Н. Указ. соч. С. 26.
- ⁶² Ср.: Гущина И. И. Указ. соч. Рис. XIV, 14, 22; XVI, 12; IX, 13; XIX, 5, 11; X, 5—6; XIII, 35.
- ⁶³ БИАМ. Инв. № КП 5662 (А—ІБ 186) Оз. II—64, КП 6089/1 (А—ІБ 42 415) Оз. II—68 и др.; Ср.: Кадеев В. И. Очерки ... Рис. 7, 3.
- ⁶⁴ БИАМ. Инв. № КП 6089/9 (А—ІБ 371) Оз. I—59, КП 6091/20 (А—ІБ 460) Оз. III—69 и др.; Ср.: Кадеев В. И. Очерки ... Рис. 11, 1—4.
- ⁶⁵ БИАМ. Инв. № КП 6089/13 (А—ІБ 453) Оз. II—69, КП 5676 (А—ІБ 200). Оз. II—64 и др.; Ср.: Кадеев В. И. Очерки ... Рис. 12, 3—6.
- ⁶⁶ БИАМ. Инв. № КП 5700 (А—ІБ 224) Оз. II—64, КП 5563 (А—ІБ 87) Оз. II—64 и др.; Ср.: Кадеев В. И. Указ. соч. Рис. 10, 2—3.
- ⁶⁷ БИАМ. Инв. № КП 6059/6 (А—ІБ 274) Оз. III—63, КП 6089/9 (А—ІБ 423) Оз. II—68; Богданова Н. А., Гущина И. И. Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 135. Рис. 47.
- ⁶⁸ См.: Богданова Н. А. Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. Озерное III 1963 г. // Архив БИАМ. Л. 28—29. Табл. 14, 6, 7; Лобода И. И. Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. у пос. Озерный в 1964 г. // Там же. Л. 4.
- ⁶⁹ Ср.: Кадеев В. И. Очерки ... С. 56. Рис. 3, 9; С. 59. Рис. 4, 4, 6.
- ⁷⁰ БИАМ. Инв. № КП 6106/39 (А—ІА39) З. м.-54, КП 6109/81 (А—ІА 653) З. м.-58 и др.; Ср.: Кадеев В. И. Очерки ... Рис. 7, 3.
- ⁷¹ БИАМ. Инв. № КП 6108/13 (А—ІА 515) З. м.-56, КП 5134/4 (А—68/12) З. м.-61 и др.; Ср.: Кадеев В. И. Указ. соч. Рис. 11.
- ⁷² БИАМ. Инв. № КП 6056/38 (А—2А 1188) З. г. 60, КП 5137/А—71 (59) З. м. 62.
- ⁷³ БИАМ. Инв. № КП 51/38 (А—72/28) З. м.-63; Ср.: Кадеев В. И. Указ. соч. Рис. 12, 4.
- ⁷⁴ БИАМ. Инв. № 6056/85 (А—2А 1235) З. г.-60; Ср.: Кадеев В. И. Указ. соч. Рис. 6, 4.
- ⁷⁵ Высотская Т. Н. Указ. соч. С. 50—51, 59, 125—128. Рис. 34, 2—5, 12—14, 18, 25; рис. 35, 1; рис. 36, 12; Ср.: Кадеев В. И. Очерки ... Рис. 17, 5—7.
- ⁷⁶ Богданова Н. О. Могильник I ст. до н. э. — III ст. н. э. біля с. Завітне Бахчисарайського району // Археологія. 1963. Т. 15. С. 101. Рис. 4. С. 104—105; Богданова Н. А., Гущина И. И. Раскопки могильников первых веков н. э. в Юго-Западном Крыму в 1960—1961 гг. // СА. 1964. № 1. С. 326. Рис. 2, 3—5; Высотская Т. Н. Указ. соч. С. 158. Рис. 48, 54—56.
- ⁷⁷ Богданова Н. О. Указ. соч. С. 104. Рис. 5, 12, 13; Ср.: Пятышева Н. В. Ювелирные изделия ... Табл. XII, 4—7.
- ⁷⁸ Богданова Н. О. Указ. соч. С. 105. Рис. 5, 2—6, 11; Богданова Н. А., Гущина И. И. Раскопки могильников первых веков... С. 228. Рис. 3, 9—10; Ср.: Пятышева Н. В. Указ. соч. С. 29 сл.

- ⁷⁹ Богданова Н. О. Указ. соч. С. 102, 104. Рис. 4, 7, 9—10, 16—18.
- ⁸⁰ Там же. С. 106. Рис. 6, 12—14; *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 77, 159. Рис. 48, 71.
- ⁸¹ БИАМ. Инв. № КП 6376/206 (А—26/1736) УАМ-71; УАг-77, № 85; Ср.: *Кадеев В. И.* Очерки ... Рис. 6, 1; 12, 6.
- ⁸² БИАМ. Инв. № КП 6248/220 (А—1Е 955) УАМ-70; КП 6248/164 (А—1Е 899) УАМ-70.
- ⁸³ *Щелов А. Н.* Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 80; *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 174.
- ⁸⁴ БИАМ. Инв. № КП 5833 (А—1Е 509) УАМ-64; УАг-76, № 13; УАг-76, № 157 и др.; Ср.: *Кадеев В. И.* Очерки ... Рис. 17, 2, 4.
- ⁸⁵ *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 154; *ее же.* Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. 1980. № 1. С. 104.
- ⁸⁶ *Высотская Т. Н.* Поздние скифы ... С. 174—175.
- ⁸⁷ *Зест И. Б.* К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. С. 75.
- ⁸⁸ *Бабенчиков В. П.* Новый участок некрополя Неаполя Скифского // ВДИ 1949. № 1. С. 113—114. Рис. 3; *ее же.* Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. К., 1957. С. 121, 131, 139—140. Табл. VII, 1—4, 6—8; VIII, 1—4; *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 153.
- ⁸⁹ *Зест И. Б.* К вопросу о торговле Неаполя ... С. 77.
- ⁹⁰ *Бабенчиков В. П.* Некрополь ... С. 122. Табл. III, 5; С. 124. Табл. III, 12; Ср.: *Кадеев В. И.* Указ. соч. С. 56. Рис. 3, 4, 9.
- ⁹¹ *Бабенчиков В. П.* Указ. соч. Табл. IV, 28; Ср.: *Кадеев В. И.* Указ. соч. Рис. 4, 4—5.
- ⁹² *Бабенчиков В. П.* Указ. соч. С. 122. Табл. VI, 4.
- ⁹³ *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия... С. 121. № 1162.
- ⁹⁴ *Симонович Э. А.* Фибулы Неаполя Скифского // СА. 1963. № 4. С. 143 сл.; *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР. С. 26, 31.
- ⁹⁵ *Стржецкий С. Ф.* Основные этапы экономического развития ... С. 81; *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 154; *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия ... С. 51. № 142 — 143.
- ⁹⁶ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 39. № 573; *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 28—32, 131.
- ⁹⁷ *Богданова Н. А., Гущина И. И.* Указ. соч. С. 132, 136, 138; *Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое III в. в Юго-Западном Крыму (I—III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 125, 134—135.
- ⁹⁸ *Богданова Н. А., Гущина И. И.* Указ. соч. С. 132 сл. Рис. 49, 2, 4, 5; *Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Указ. соч. С. 128. Рис. 4, 24, 40; с. 129; рис. 5, 3, 57; с. 130. Рис. 6, 95; с. 143, 145—146. Рис. 6, 101.
- ⁹⁹ *Богданова Н. А., Гущина И. И.* Указ. соч. С. 136. Рис. 47; *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия ... С. 52; *Гущина И. И.* Указ. соч. С. 35. Рис. 1, 10, 13, 31; II, 1; III, 12; *Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Указ. соч. С. 135. Рис. 3, 1; 9, 57; С. 136. Рис. 2, 37.
- ¹⁰⁰ ГХМ. Инв. № 47/36444, 17/36444, 127/36444. Нег. № 9312, 9313 и др.; *Стржецкий С. Ф.* Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. на территории совхоза «Севастопольский» в 1961 г. Д. № 8541. Л. 10. Рис. 61; л. 23. Рис. 150—151; л. 29. Рис. 201; Ср.: *Кадеев В. И.* Очерки... Рис. 13, 1—5.
- ¹⁰¹ ГХМ. Инв. № 41/3644, 130/36444, 159/36443, 20/36444 и др.; *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 128. Рис. 34, 10, 11; 35, 11; Ср.: *Зест И. Б.* Керамическая тара ... С. 112 — 113. Табл. ХХХ, 736; *Кадеев В. И.* Очерки ... Рис. 17, 6—7.
- ¹⁰² ГХМ. Инв. № 8/36444, 10/36444, 4/36444, 32/36444 и др.
- ¹⁰³ *Babes M.* Necropola daco-romană de la Enisala // SCIV. 1971. Т. 22. N 1. P. 28—29. Fig. 2, 1—2; 3—4; 4, 1—2; 8, 1.
- ¹⁰⁴ ГХМ. Инв. № 89/36636, 19/36636, 100/36636, 66/36636, 120/36636, 27/36636 и др.; Ср.: *Кадеев В. И.* Указ. соч. Рис. 7, 3; 8, 16; 9, 1; 10, 1—3; 11; 12, 4—6.
- ¹⁰⁵ ГХМ. Инв. № 62/36562, 224/36562, 98/36444, 58/36636, 73/36637, 2/36637, 15/36637, 26/36637, 184/36636 и др.
- ¹⁰⁶ Ср.: *Гущина И. И.* Указ. соч. Рис. VI, 1; X, 5, 21, 27; XI, 6; XIII, 35, 37; XIX, 17, 50; XIX, 2, 7—8.
- ¹⁰⁷ ГХМ. Инв. № 119/36572.
- ¹⁰⁸ *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия ... С. 95. № 842; *Стржецкий С. Ф.* Отчет о раскопках могильника у совхоза «Севастопольский» в 1962 г. Д. № 856. I. Л. 687. Рис. 156.

- ¹⁰⁹ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 154.
- ¹¹⁰ ГХМ. Инв. № 329/36572, 53/36443, 97/36443, 197/36576, 124/36572, 748/36572, 804/36572 и др.
- ¹¹¹ ГХМ. Инв. № 73/36572, 93/36576, 70/36572, 54/36572; Ср.: *Isings C. Roman Glass ...* P. 46—49. Form 32—33. Fig. 35; P. 63—64. Form 50.
- ¹¹² ГХМ. Инв. № 15/36759, 28/36572, 163/36572, 688/36572, 12/36815, 2/36572, 207/36572; 212/36572, 674/36572 и др.
- ¹¹³ ГХМ. Инв. № 208/36576, 20/36562, 184/36572, 430/36572, 705/36572, 37/36443 и др.; Ср.: *Кадеев В. И.* Указ. соч. Рис. 4, 4—7; *Зубарь В. М.* Указ. соч. С. 18.
- ¹¹⁴ *Кадеев В. И., Солнцев Л. О., Фомін Л. Д.* Технология изготовления «бронзовых» прикрас з могильника II—IV ст. н. е. біля радгоспу «Севастопольський» // Вісн. Харк. ун-ту. 1966. № 17. С. 99—105.
- ¹¹⁵ ГХМ. Инв. № 218/36636; *Стржелецкий С. Ф.* Отчет о раскопках могильника в совхозе № 10 1956 г. // Архив ГХМ. Д. № 747. Л. 30; *его же.* Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. у совхоза «Севастопольский» в 1964 г. Д. № 1308. Л. 26.
- ¹¹⁶ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. С. 52; *его же.* Монетные находки в могильнике у совхоза № 10 // НЭ. 1962. Т. 3. С. 130 сл.
- ¹¹⁷ *Блаватский В. Д.* Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 289.
- ¹¹⁸ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. С. 66. № 632—634; ГХМ. Инв. № КП 208, 2/36468; *Маликов В. М.* Отчет о поездке в Балаклаву в августе 1958 г. в связи с обнаружением там случайных археологических находок // Архив ГХМ. Д. № 786. Л. 1—3; *Репников Н. И.* Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 126.
- ¹¹⁹ *Кадеев В. И.* Указ. соч. С. 154—155; *Беляев С. А.* Отчет Херсонесской экспедиции о раскопках в 1972 г. могильника у с. Куйбышево, Терновки и Любимовки. // ГХМ. Д. № 1655. Л. 18, 20—33.
- ¹²⁰ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 153—156; *Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник. // АП УРСР. 1963. Т. 13. С. 93, 118. Табл. IV, 2, 3; с. 119; Табл. V, 2; XVI, 1; *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 120. Рис. 31, 15, 17.
- ¹²¹ *Бабенчиков В. П.* Указ. соч. С. 104. Табл. XIV, 10.
- ¹²² Там же. С. 114. Табл. XVI, 1; Ср.: *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия... С. 30, 36.
- ¹²³ *Бабенчиков В. П.* Указ. соч. С. 96. Табл. IX, 3, 5—6.
- ¹²⁴ *Гилевич А. М.* Случайные находки // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 72; *Стржелецкий С. Ф.* Отчет о разведке древних деревень округа Херсонеса // Архив ГХМ. Д. № 690. IV. Л. 4—14.
- ¹²⁵ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 155—156.
- ¹²⁶ *Веймарн Е. В.* Раскопки инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма. К., 1957. С. 229—230, 236. Рис. 11; *его же.* Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. 1963. Т. 13. С. 40—41; *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. 1947. Т. 9. С. 289—291. Рис. 6.
- ¹²⁷ *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 г. С. 289, 291, 295; *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана. С. 40. Рис. 5, 4; *его же.* Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. С. 223. Рис. 5; с. 225, 227—229. Рис. 10; *Сорокина Н. П.* Стекланые сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 186—187.
- ¹²⁸ *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 155; *Кадеев В. И.* Очерки... С. 150; *Веймарн Е. В.* Отчет о работе Инкерманской археологической экспедиции в 1952 г. // Архив ГХМ. Д. № 681/1. Л. 30. Рис. 40.
- ¹²⁹ *Веймарн Е. В.* Могильник «Сахарна голівка» // АП УРСР. 1963. Т. 13. Рис. 8, 1; *Борисова В. В.* Могильник у высоты «Сахарная головка» // Х. сб. 1959. Вып. 5. С. 181—182, 186—187. Рис. 6.
- ¹³⁰ *Борисова В. В.* Указ. соч. С. 186. Табл. VI, 6; ОАК за 1891 г. Спб., 1893. С. 139. Рис. 151, 153—154; ОАК за 1892 г. Спб., 1894. С. 103. № 80; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 153; *Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубатов И. И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1907 г. // Там же. 1911. Вып. 42. С. 89. № 2427.

- ¹³¹ *Беляев С. А.* Альбом иллюстраций к отчету Херсонесской экспедиции в 1972 г. у с. Куйбышево, Терновка (могильник) и Любимовка (поселение) // Архив ГХМ. Д. № 1656. Табл. XXIII, 1; XXXI, 1.
- ¹³² *Тиханова М. А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 323, 327; *ее же.* Базилика. Отчеты (раскопки 1938 г.) // Там же. С. 339, 387—389; *ее же.* Черепицы с метками из раскопок 1938 г. // Там же. С. 430.
- ¹³³ *Репников Н. И.* Разведки и раскопки на южном берегу Крыма ... С. 106—107, 109—110; *его же.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 15, 17, 62. Табл. I, 4, 6; VII, 2; *его же.* Некоторые могильники области крымских готов. Ч. II // ЗООИД. 1907. Т. 27. С. 112, 117, 121. Табл. XIII, 5, 7; XVI, 3.
- ¹³⁴ *Гущина И. И.* К вопросу об экономических связях ... С. 32, 47, 52, 54, 64; *Богданова Н. А.* Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. Озерное III ... Л. 25, 27, 30; *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 177 и др.
- ¹³⁵ *Печенкин Н.* Указ. соч. С. 34.
- ¹³⁶ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет ... С. 39, 63—65. № 127. 573, 609.
- ¹³⁷ *Pringsheim F.* The Greek Law of Sale. Weimar, 1950. P. 90—91.
- ¹³⁸ *Рикман Э. А.* Экономическая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 230—232; *Шелов Д. Б.* Денежный рынок Танаиса // ЗОАО. 1960. Т. 1. С. 134—135; *Wielowiejski J.* Kontakty Noricum i Pannonii z ludami polnocnymi. Warszawa; Wroclaw; Krakow, 1970. S. 242—246, 252.
- ¹³⁹ *Голаубцова Е. С.* Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. М., 1962. С. 62; *Дилигенский Г. Г.* Северная Африка в IV—V вв. М. 1961. С. 33; *Зельин К. К.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры. М., 1960. С. 58.
- ¹⁴⁰ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 156.
- ¹⁴¹ *Репников Н. И.* О характере римской оккупации южного берега Крыма // СА. 1941. Т. 7. С. 124.
- ¹⁴² *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники ... С. 127—128; *Бертье-Делагард А. Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 171.
- ¹⁴³ *Шульц П. Н.* Тавро-Скифская экспедиция в Крыму // Советский Крым. 1946. № 2. С. 99; *Драчук В. С.* Скифское городище Джалман в Крыму // КСИА. 1960. Вып. 9. С. 79.
- ¹⁴⁴ *Веймарн Е. В.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. // СА. 1958. № 1. С. 75—76.
- ¹⁴⁵ *Погребова Н. И.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. № 64. С. 238; *Кропоткин В. В.* Клады римских монет ... С. 33.
- ¹⁴⁶ *Knipowitsch T.* Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage // Materialien zur römisch-germanischen Keramik. IV. Frankfurt-a. M., 1929. S. 16. Taf. I, 5, 6; IV, 3; S. 41. Taf. III, 34—35; S. 42. Taf. III, 40; V, 6; *Коровина А. К.* Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 131. Рис. 50, 3.
- ¹⁴⁷ *Щеглов А. Н.* Основные этапы истории Западного Крыма ... С. 342; *Высотская Т. Н.* Указ. соч. С. 63, 187.
- ¹⁴⁸ *Веймарн Е. В.* «Пещерные города» ... С. 74—75; *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 9 сл.; *его же.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 25.

4

¹ *Кадеев В. И.* Очерки ... С. 160—161.

² IOSPE. I². № 418.

³ *Caillmer E.* Agora // DA. 1877. Т. 1. P. 151; *Parnicki-Pudelko S.* Agora. Warszawa; Wroclaw, 1957. S. 109—111; *Wiegand Th., Schrader H.* Priene. Berlin, 1904. S. 185—210.

⁴ *Иванов Т.* Градоустройството през римската и късноантичната епоха в България // Археология. 1967. Кн. 4. С. 26—27; *Borchard J. u.n.* Topographische Studien in Myra und seinen // Myra. Eine Lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin, 1975. S. 56; *Alzinger W.* — Die Stadt des sibenten Weltwun-

- ders. Wien, 1962. S. 92—94, 99; Miller H. H. Bridge to Asia. N. Y., 1967. P. 68—69, 72, 134, 142—143.
- ⁵ Broughton T. R. S. Roman Asia Minor... P. 870; Parnicki-Pudelko S. Op. cit. S. 129. Ryc. 60; S. 135—136.
- ⁶ Theophr. Charact. 2; Vitruv. De architect. V. 1,1; Иванов Т. Градоустройство на градовете в Долна Мизия и Тракия според археологическите проучвания през 1971—1975 г. // България в света от древността до наши дни. Т. I. София, 1979. С. 151—159; Martin R. Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951. P. 482, 502, 538—541; Parnicki — Pudelko S. Architektura starozytniej Grecji. Warszawa, 1975. S. 288, 298—299.
- ⁷ Цибарт Э. Культурная жизнь древнегреческих городов. М., 1916. С. 44—45.
- ⁸ Aristoph. Lis. 557—560; Poll. Onom. VII, 11; IX, 47—48; X, 18—19.
- ⁹ Ср.: Demosth. Orat. XVIII, 169, R 284; Aristoph. Acharn. 34; Pax. 447, 1210; Lucian. Adv. ind. 24.
- ¹⁰ Paus. X, 32, 14—15.
- ¹¹ Сергеевко М. Е. Помпеи. М.; Л., 1949. С. 143.
- ¹² Семенов-Зусер С. А. Рыбный рынок в Херсонесе. С. 237; Кадеев В. И. Очерки ... С. 15; Соломонок Э. И. Новые эпиграфические памятники ... С. 109. № 129.
- ¹³ IOSPE. I². N 359.
- ¹⁴ Соломонок Э. И. Указ. соч. С. 20—36. № 112.
- ¹⁵ Etienne R. Zycie codzienne w Pompejach. Warszawa, 1971. S. 152—153; Moscsy A. Pannonia and Upper Moesia. London; Boston, 1974. P. 161; Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 406—407.
- ¹⁶ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1949 и 1951 гг. // Архив ГХМ. Д. № 622. Л. 12—13. Рис. 9.
- ¹⁷ Соломонок Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964. № 26.
- ¹⁸ Гилевич А. М. Нумизматическое собрание музея // СХМ. 1960. Вып. I. С. 59—60.
- ¹⁹ Huxelin P. Mercator // DA. 1877. T. 1. P. 1734; Chios // RE. 1899. Bd. 3. Col. 2299; Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Археологические работы последних лет в Малой Азии // ВДИ. 1967. № 1. С. 174; Martin R. Op. cit. P. 284.
- ²⁰ Broughton T. R. S. Op. cit. P. 871; Johnson A. H. Roman Egypt to the Reign of Diocletian // ESAR. 1936. Vol. 2. P. 642—643.
- ²¹ IOSPE. I². № 440.
- ²² См.: Мещеряков В. Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 9.
- ²³ ОАК за 1897 г. Спб., 1900. С. 95—96. Рис. 208.
- ²⁴ ОАК за 1894 г. Спб., 1896. С. 53—54. Рис. 71.
- ²⁵ Эндохей не занимались торговлей, но обслуживали ее пужды, принимали товары, возможно, владели пристанями, а также постоянными домами для приезжих, которые нередко подолгу жили в городе. Ср.: Колобова К. М. К вопросу о судовладении в древней Греции // ИГАИМК. 1933. Вып. 61. С. 38. Прим. 3.
- ²⁶ См.: Кадеев В. И. Очерки ... С. 23, 25.
- ²⁷ Там же. С. 117—118.
- ²⁸ Эрмитаж. Инв. № X. 1901. 27, X. 1908. 24, X. 1893. 44; Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. // Архив ГХМ. Д. № 1120. Л. 11. Рис. 39—40; Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. Д. № 1283. Л. 2; Д. № 1284. Л. 4. Рис. 4, а и др.
- ²⁹ ГХМ. Инв. № 35272 (924), 75272 (938), 842 (1998/10), 32/36512, 15/36772, 71/36794; Эрмитаж, инв. № X. 1948. 157, X. 1957. 89, X. 1957. 90, X. 1967. 112, X. 1975. 66 и др.
- ³⁰ Кадеев В. И. Указ. соч. С. 37—38, 54—76, 120—124.
- ³¹ Там же. С. 128—129.
- ³² См.: ОАК за 1891 г. Спб., 1893. С. 17; ОАК за 1901 г. Спб., 1903. С. 24; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. С. 53, 109; Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. С. 4; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 73, 92; Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г. С. 6—8.

- ³³ Белов Г. Д. Стеклоделие в Херсонесе // СА. 1965. № 3. С. 237—239; его же. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе. С. 80—84.
- ³⁴ Эрмитаж. Инв. № X. 1948. 95, X. 1968. 413 и др.; Косцюшко-Валожинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. С. 63.
- ³⁵ ГХМ. Инв. № 4785 (4502/09), 4577 (1167/09); нег. № 298, 1405, 1664, 4733, 10354/27 и др.; АСХ. К., 1976. № 6—9, 17, 23—25 и др.
- ³⁶ Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. С. 135 и др.
- ³⁷ Кадеев В. И. Очерки ... С. 161.
- ³⁸ Арх. Metam., I, 5, 24—27.
- ³⁹ Pringsheim F. The Greek Law of Sale. Weimar, 1950. P. 43—47.
- ⁴⁰ Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. С. 149; Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I—III вв. н. э.). С. 112—115.
- ⁴¹ См.: Колосовская Ю. К. Рабство в дунайских провинциях // Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977. С. 149.
- ⁴² См.: Павловская А. И. Рабство в римском Египте // Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977. С. 149.
- ⁴³ Там же. С. 149—150.
- ⁴⁴ Чуистова Л. И. Указ. соч. С. 20, № 4; с. 22, № 19, 23; с. 28, № 59; с. 68—71. Табл. 21, 145—155; с. 78, № 1, 2; с. 81, № 17; с. 82, № 22; с. 82—83, № 27—29; с. 87, 138.
- ⁴⁵ См.: Гилевич А. М. Античные иногородние монеты ... С. 33; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 107.
- ⁴⁶ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. // НЭ. Т. 4. 1968. С. 50.
- ⁴⁷ См.: Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город. Л., 1962. С. 83; Mattingly H. The Clash of the Coinages Circa 270—296 // Studies in Roman Economic and Social History. Princeton, 1951. P. 276—277.
- ⁴⁸ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 1. Oxford, 1964. P. 443.
- ⁴⁹ Кадеев В. И. Про державный лад Херсонеса в первых столетиях н. э. // УИЖ. 1971. № 9. С. 23, 30.
- ⁵⁰ Подробнее об этом см.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Х., 1981. С. 78—79.
- ⁵¹ Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ. Vol. 1. Princeton, 1970. P. 60—61; Vol. 2. P. 849—850.
- ⁵² Aristoph. Vesp., 1406 сл.
- ⁵³ Dittenberger. Syll.³, 736, XX.
- ⁵⁴ Латвишев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1884. Июнь. С. 71. Прим. 4; Кадеев В. И. Херсонес Таврический ... С. 79.
- ⁵⁵ Agoranomoi // RE. 1894. Bd. I. Col. 883; Magie D. Op. cit. P. 645—646.
- ⁵⁶ См.: Rostovtzeff M. The Social and Economic Life of the Roman Empire. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 146—147; Magie D. Op. cit. P. 650—651; Jones A. H. M. The Roman Economy. Oxford, 1974. P. 23—24.
- ⁵⁷ IOSPE. I². № 450; Шангин М. А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. № 3 (4). С. 81—83. № 11.
- ⁵⁸ См.: Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971. С. 183.
- ⁵⁹ МАМА. III, 470, 642; Agora. RE. 1894. Bd. I. Col. 880—881.
- ⁶⁰ Michell H. The Economics of ancient Greece. Cambridge, 1940. P. 255.
- ⁶¹ Const. Porph. De adm. imp., 53.
- ⁶² IOSPE. I². № 575.
- ⁶³ IOSPE. I². № 357, 359, 364; Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964. № 6—7; его же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1973. № 113—115, 118.
- ⁶⁴ Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). Спб., 1899. С. 64.
- ⁶⁵ Jones A. H. M. The Roman Economy... P. 172; Larsen J. A. O. Roman Greece // ESAR. 1938. Vol. 4. P. 456.
- ⁶⁶ Poll. IX, 30.

- ³⁷ Ср.: Poll. VIII, 132; Брашинский И. Б. Торговые пошлины и право беспошлинности на Боспоре // ВДИ. 1958. № 1. С. 131—132.
- ³⁸ Demosth. Orat. с. Eubul. (VII), 31, 34.
- ³⁹ Aristoph Acharn. 896; Humbert G. *Aurum negotiatorum* // DA. 1877. Т. 1. Р. 579; Etienne R. Op. cit. С. 136.
- ⁷⁰ Например, в Египте они колебались от одной-двух до нескольких десятков драхм. См.: Johnson A. H. *Roman Egypt*... Р. 538—543.
- ⁷¹ Andoc. Orat. de mister. 133—134; Philostr. Vita Apollon. 1, 18; Борисова В. В. К вопросу об астиномах Херсонеса // ВДИ. 1955. № 2. С. 145; Jones A. H. M. *The Roman Economy*... Р. 153—154.
- ⁷² Ростовцев М. Новые данные по истории финансового управления греко-римского Египта // ЖМНП. 1900. Март. С. 154—155.
- ⁷³ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. Спб., 1896. № 7.
- ⁷⁴ Ростовцев М. Указ. соч. С. 145—146.
- ⁷⁵ Хрисагир (*lustralis collatio*) был установлен Константином I в 314 г. и отменен Анастасием I. См.: Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город. С. 147 сл.
- ⁷⁶ Cod. Theod. XIII, 1, 1, 4, 6, 8—9, 11, 13, 17—18; Jones A. H. M. *The Roman Economy*. Р. 170—171.
- ⁷⁷ Jones A. H. M. *The Later roman Empire*... Р. 826.
- ⁷⁸ Tac. Ann. XII, 31; Suet. Vesp. 1; Johnson A. H. Op. cit. Р. 592—593. De Laet S. *Poztorium*. Brugge, 1949. Р. 281.
- ⁷⁹ Dio Chrys. LVIII, 16; LIX, 9, 6; Tac. Ann. I, 78; II, 42; Suet. Gaius. 16; Jones A. H. M. *The Roman Economy*. Р. 153, 178.
- ⁸⁰ Larsen J. A. O. *Roman Greece*... Р. 365; Casson L. *The Ancient Mariners*. N. Y., 1959. Р. 182.
- ⁸¹ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*. Р. 828.
- ⁸² Anon. *Peripl*, 18; Ps. Scymn., 953—957; Dionys. 142—168; Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 154—155; Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Пуште Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 12—13.
- ⁸³ Марченко И. Д. К вопросу о боспорских торговых судах // СА. 1957. (№ 1). С. 232—237; Петерс Б. Г. Парусное вооружение древнегреческих судов // Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962. С. 132—134; Луццатто Дж. Указ. соч. С. 86.
- ⁸⁴ Johnson A. C., West L. C. *Byzantine Egypt: Economic Studies* // PUSP. 1949. N 6. P. 139; Casson L. Op. cit. P. 215.
- ⁸⁵ АСХ. С. 151. Рис. 195. № 472.
- ⁸⁶ Ср.: Rostovtzeff M. *The Social and Economic Life*... Р. 265. Pl. XLIX, 2.
- ⁸⁷ Philostr. Vita Apollon. I, 24; Casson L. Op. cit. P. 214.
- ⁸⁸ Колобова К. М. Указ. соч. С. 95.
- ⁸⁹ IOSPE. I². № 364, 365.
- ⁹⁰ IOSPE. I². № 352.
- ⁹¹ Const. Porph. De adm. imp. 53.
- ⁹² Об отмене этой повинности см.: *Justiniani Novellae*. De relevatione tributorum (CLXIII), cap. II // *Corpus Juris Civilis*. Vol. 3. Berolini, 1904. S. 751.
- ⁹³ Anon. *Peripl*. 81 (55).
- ⁹⁴ IOSPE. I². № 575.
- ⁹⁵ Кадеев В. И. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 гг. // Морские подводные исследования. М., 1969. С. 348—350.
- ⁹⁶ Lucan. V. 436—446.
- ⁹⁷ См.: Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. Николаев, 1879. С. 13. Табл. II, III, K; Dubois de Montpereux F. *Voyage autour du Caucase*. Т. 6. Paris, 1843. Р. 163.
- ⁹⁸ Кадеев В. И. Подводные археологические исследования ... С. 351—352.
- ⁹⁹ См.: Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 53. С. 31—32.
- ¹⁰⁰ Rostovtzeff M. *The Social and Economic Life*... P. 164. Pl. XXVIII, 3.
- ¹⁰¹ Беньковский П. О terraкотовых повозочках из Керчи // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 63 сл.; Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 68.

- ¹⁰² См.: Jones A. H. M. The Roman Economy. P. 37; Finley M. I. The Ancient Economy. Berkley; Los Angeles, 1973. P. 126.
- ¹⁰³ Duncan-Jones R. The Economy of the Roman Empire. Cambridge, 1974. P. 362.
- ¹⁰⁴ Р. Дункан-Джонс отмечает, что на основании расценок эдикта 301 г. ценой наземного транспорта можно считать 36,7—73,4 % стоимости груза за каждые 100 римских миль, а морского — 1,3 % за такое же расстояние (См.: Duncan-Jones R. Op. cit. P. 367—368). Следовательно, цена транспорта с пшеницей, доставленной на расстояние 17 миль (от района Мангупа до Херсонеса), составляла бы 6,8—13 % стоимости пшеницы, тогда как доставка подобного груза кратчайшим морским путем от Синопы до Крыма повышала цену перевозимого зерна лишь на 2,3 %, т. е. транспортные расходы оказывались в три или даже шесть раз меньше, несмотря на то что судну приходилось преодолевать расстояние, в 10 раз большее.
- ¹⁰⁵ Michell H. The Economies of Ancient Greece. Cambridge, 1940. P. 230.
- ¹⁰⁶ Ср.: Etienne R. Op. cit. S. 155.
- ¹⁰⁷ Ceran W. Rzemieslnicy i kupcy w Antiochii i ich ranga spoleczna. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1969. S. 73, 75.
- ¹⁰⁸ Diog. Laert. VI, 2, 9, 42; Dio Chrys. VIII, 278R; XXXI, 37; Poll. Onom. VII, 12.
- ¹⁰⁹ Ceran W. Op. cit. S. 84—87.
- ¹¹⁰ Jones A. H. M. The Roman Economy... P. 43, 45, 55.
- ¹¹¹ КБН, № 1134.
- ¹¹² IOSPE. I². № 425.
- ¹¹³ Ovid. Fast. V. 671—692; Athen. VI. 5, 224c—226a; XIII, 566; XV, 770b; Diog. Laert. I, 8, 104—105; VI, 2, 42; Philostr. Vita Apoll. IV, 32; Juven. Satyr. XIV, 265—300; Aelian. Var. hist. II, 1.
- ¹¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 548.
- ¹¹⁵ Dig. XIX, 2, 32, 3; CJ, IV, 4, 16, 4.
- ¹¹⁶ Шишова И. А. ЕМПОРОС и КАПНАОС в древнегреческой торговле // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. М.; Л., 1963. С. 246—247.
- ¹¹⁷ См.: Корсунский А. Р. Honestiores и humiliores в законодательных памятниках Римской империи // ВДИ. 1950. № 1. С. 81 сл.
- ¹¹⁸ Голубцова Е. С. Формы рабства и зависимости в Малой Азии // Рабство в восточных провинциях римской империи. М., 1977. С. 64; Jones A. H. M. The Roman Economy... P. 30, 42—43, 55.
- ¹¹⁹ См.: Cic. De off. I, 42, 150—151.
- ¹²⁰ Корсунский А. Р. Указ. соч. С. 81 сл.; Ceran W. Rzemieslnicy i kupcy... S. 104—105.
- ¹²¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры ... С. 62—64, 84.
- ¹²² Соломонок Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. С. 36—41. № 13.
- ¹²³ IOSPE. I². № 40; КБН. № 705, 732.
- ¹²⁴ Кадеев В. И. Очерки ... С. 15.
- ¹²⁵ Подробнее об этом см.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический ... С. 45—59.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР
АСХ	— Античная скульптура Херсонеса
БИАМ	— Бахчисарайский историко-археологический музей
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГСУ ФИФ	— Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет.
ГХМ	— Государственный Херсонесский музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей

- ИАДК — История и археология древнего Крыма
 ИАДС — Известия на Археологического дружество в гр. Сталин
 ИАИ — Известия на Археологический институт
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИБАИ — Известия на Българския Археологически институт
 ИВАД — Известия на Варненското археологическо дружество
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИНМВ — Известия на Народния музей — Варна
 ИНМК — Известия на Народния музей Коларовград
 ИНМШ — Известия на Народния музей — Шумен
 ИОМТ — Известия на Окръжния музей в Търново
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
 КБН — Корпус боспорских надписей
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МГПИ — Московский Государственный педагогический институт
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НО — Надписи Ольвии
 НС — Нумизматика и сфрагистика
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
 НЭПХ — Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СХМ — Сообщения Херсонесского музея
 УЖ — Украинский исторический журнал
 УЗ — Ученые записки
 ХГУ — Харьковский государственный университет
 Х. сб. — Херсонесский сборник
 ХУ — Харьковский университет
 АА — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
 АМ — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
 ВАМ — Bulletin d'archeologie Marocaine
 ВСН — Bulletin de correspondance hellenique
 BSA — Annual of the British School at Athens
 CJ — Codex Justinianus
 DA — Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquites grecques et romaines.
 Dig. — Digesta
 ESAR — An Economic Survey of Ancient Rome / Ed. by T. Frank.
 IOAI — Jahrehefte des Österreichischen Archäologischen Institute
 IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini / Ed. B. Latyshev
 JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institute
 JGS — Journal of Glass Studies
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 MAMA — Monumenta Asiae Minoris antiqua
 Materiale — Materiale Si cercetări archeologice. — Bucuresti
 PUSP — Princeton University Studies in Papyrology
 RAC — Revue de l'art chretien
 RE — Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
 SCIV — Studii Si cercetari de istorie veche
 Syll. — Sylloge inscriptionum graecarum